

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

4

2019

НАЧАЛО ВЕКА 2019/4

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Владимир КРЮКОВ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий БАРЧУК
Александр КАЗАРКИН
Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Вениамин КОЛЫХАЛОВ
Николай СЕРЕБРЕННИКОВ
Николай ХОНИЧЕВ

Адрес редакции:

634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: tooooospr2013@yandex.ru

Электронная версия журнала:

<http://lib.tomsk.ru>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

На обложке: Тимофей Занин.
В гостях у тишины. 40x30 см, холст,
масло.

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области

В НОМЕРЕ:

ДАТА

Антип КОЗЬМИН
Поздний Клюев. К 135-летию
со дня рождения 2

ПРОЗА

Владимир ВАСИЛИНЕНКО
Середина марта (фрагмент романа) 7

ПОЭЗИЯ

Полина КОРИЦКАЯ 53
Яков МАРКОВИЧ 56

ПРОЗА

Сергей ХАРЛАМОВ
Моё открытие Китая 63
Александр ЕГОРОВ
Рассказы-воспоминания 68

ПОЭЗИЯ

Сергей ЯКОВЛЕВ 75
Александр САЙБЕДИНОВ 81
Лидия ОВЕЧКИНА 85

ПРОЗА

Лири ГЕРКЛОТЦ
Два рассказа 88
Маргарита СЕНЧИЛО
Хлеб с начинкой 91
Елена СИДОРЕНКО
Верность 93

ПАМЯТЬ

Михаил РОДИОНОВ
Голос одинокого человека 97
Владимир АНТУХ 103

ЗАМЕТКИ О НАШЕМ ВРЕМЕНИ

Владимир КРЮКОВ
Жизнь пунктиром 107

КРАЕВЕДЕНИЕ

Антон КАРЯКИН
Путешествие Ивана Петлина 132
Георгий ТОРОЩИН
Искалеченные судьбы 137
Григорий ПОТАНИН
Письма 154

АВТОРЫ НОМЕРА 158

Антип КОЗЬМИН

ПОЗДНИЙ КЛЮЕВ

К 135-летию со дня рождения

«В девяносто девятое лето Заскрипит заклятый замок, И взбурлят рекой самоцветы Ослепительных вещей строк». Предвидение поэта подтвердилось: замок запретов рассыпался, и самоцветы заиграли. Но как слышим мы Клюева, как понимаем его? Хотя его называют писателем нового века, моду на Клюева представить невозможно. Прикрепить его к какому-то готовому направлению – значит упростить его. Он создал своё течение – крестьянский символизм.

Через поэмы Клюева мы открываем и глубь, и муь русской души. Они отвечают требованиям к классике: глубина и трагическое величие, но у нынешней культуры почти нет к ним интереса. Может ли автор «Погорельщины» сравняться в популярности с Есениным? Знатоки ответят усмешкой, и всё же... поздний Клюев кое в чём превзошёл ученика своего. Глубиной понимания русской трагедии. Нет, Клюев совсем не прост. Школьное представление о нём как о традиционалисте крайне односторонне: лидер крестьянских поэтов, безусловно, был и модернистом. В школьном учебнике все цитаты – из ранних сборников. Как будто после «Избьных песен» (1913-й год) он перестал писать. А впереди – двадцать трагически напряжённых лет, зрелые поэмы, преодоление себя и отпевание крестьянской Руси.

В спорах о «последнем символисте» основной стала тема вероисповедальная. Если в русской революции сильно сказался сектантский уклон, то Клюев – его главный выразитель. Формировался он в обстановке религиозного надлома и познал много искушений. Чем же значителен его путь? Он преодолел еретические уклоны, вернулся к коренному русскому православию. А какие тупики поэт преодолевал, какие ереси-уклоны! Их было немало. Но всё перекрывает трагический финал жизни.

«Ах, заколот вещей лебедь На обед вороньей стае, И хвостом ослиным в небе Дьявол звёзды выметает!» – Можно назвать эти слова из «Песни о великой матери» автоэпитафией. Вот с чем прибыл в нарымскую ссылку автор знаменитого в середине 20-х годов двухтомного «Песнослава». Тут предвидение: обвинён клеветнически, казнён подло (долго скрывали факт убийства), уничтожено литературное завещание – последние стихотворения и поэмы. Но в мемуарах облик его двоится и троится. Клюев творил легендарное сказание о собственной жизни: он и старообрядец, и хлыстовец, и большевик, и контрреволюционер, знаток старины и пророк-ясновидец. Вселенская смаз! Но тут, в середине пути, не весь Клюев. В «Песни о великой матери» – последний православный на безбожной земле. Вот обобщение в модернистском духе: *«В художнике, как в лицедее, таятся тысячи личин».* Одна из личин – хлыст, другая – старообрядец. Без покаяния всё это осталось бы декадентством.

Так кто же прибыл в Томск в вагоне с уркаганами, ободравшими его до нитки? Художник-мыслитель? Да. Осмыслял оголённую современность через сложные образы-символы. Заступник за народ и выразитель народной правды? Да. Выразитель национального образа мира? Несомненно. И всё это в универсальной общности, труднодоступной для эпохи потребительского чтива.

О «клюевщине» рассуждали как о литературной «распутинщине», не предвидели трагического завершения жизни поэта. Но поставим Клюева в ряд поэтов-современников: Блок, Цветаева, Маяковский – и увидим в нём меньшую степень одержимости. Никто из них не раскаялся, не сделал возвратного шага, а он – сделал. Раньше поэт изображал революцию как избавление от низкой природы, а в последних поэмах дана картина тёмной одержимости: *«Безбожие свиной хребёт о звёзды утренние чешет, И в зыбуны косматый леший народ развенчанный ведёт».*

Тема позднего Клюева – поэт в мире, отпавшем от Бога. Вот одна из личин: «отец кулацкого стиля». Высокое звание? В начале тридцатых годов «Литературная энциклопедия» так представила лидера крестьянских поэтов: «К.<люев> является одним из виднейших представителей кулацкого стиля в русской литературе...». Характеристика, может быть, и верная, только при чём здесь «максимально реакционная форма»? Пожалуй, «кулацкий стиль» имел огромный, даже культовый потенциал. При иной обстановке «*кулацкий*» символизм мог стать большим стилем, даже центральным в пореволюционной русской поэзии. Мог, но не позволили.

К его сложной религиозности нет и не может быть однозначного отношения. Много для понимания личности поэта дают его письма из Томска: «Вы, осмысливая меня как личность, чаще принимаете за меня подлинного лишь моё отражение в искушениях, которыми я, как никто, бываю окружён»; «У некоторых души уподобляются духовному инструменту, слышимому лишь тогда, когда в него трубит беда и ангел испытания. Не из таких ли и моя душа?».

Революцию Клюев воспринял по хлыстовско-скопческой модели – как... торжественное самооскопление народа: «*О скопчество, арап на пламенном коне, Гадательный узор о незакатном дне... Когда колдунью-Страсть с владыкою-Блудом Мы в воз потерь и бед одрами запряжём, Чтоб Время-ломовик об них сломало кнут...*». Восприятие революции как радостного самооскопления народа (во имя чистоты же!) надо признать устрашающе глубоким. Эта революция далеко позади оставляет марксову утопию: полное освобождение от греховной природы.

Он первым в мире (!) издал сборник стихов о Ленине и позднее сам покался: «*Увы... волшебный журавель Издох в октябрьскую метель! Его лодыжкой в запал Я книжку «Ленин» намарал <...> И не сковать по мне гвоздзя, Чтобы повесить стыд на двери!*». В сборнике «Ленин» есть образ-предостережение: «*там нищий колодовый гроб с останками Руси великой*». Понадобились годы для полного прозрения. Конец пути – преодоление творческого своеволия. Игровая одержимость сменилась тягой *домой*, к твёрдому православию. И этот переход – как раз самое важное – не видят и не слышат.

«Поречный, хвойный, избяной, Я повстречался въявь с судьбой России – ма-

тери матёрой. И слёзы застилали взоры). В пору коллективизации его голосом говорила глубинная Россия, сломленная, но не полностью сдавшаяся. «Песнь о великой матери» – поэма-завещание, основа её – мотив покаяния осквернённой «Рассеи» и вера в Русь очищенную, китежскую. С большевистской точки зрения она более *реакционна*, чем «Погорельщина», которую ему вменили как «выпад озверелого кулачья». Клюев сосредоточился на религиозном смысле катастрофы. Блудный сын, приветствовавший переворот, вдруг опознал родное пепелище.

«Плач о Сергее Есенине» – бесспорное покаяние:

*«Для того ли, золотой мой братец,
Мы забыли старые поверья, –
Что в плену у жаб и каракатиц
Сердце-лебедь растеряет перья?..».*

Поэт сокрушён бесславной кончиной лучшего из крестьянских поэтов и мыслит об иной судьбе: *«Умереть бы тебе, как Михайлу Тверскому, Опочить по-мужицки – до рук борода!.. Не напрасно по брови родимому дому Нахлобучили кровлю лихие года»*. Он предупреждал Есенина в письме 1922 года: «Семь покрывал выткала Матерь-жизнь для тебя, чтобы ты был не показным, а заветным. Камень драгоценный душа твоя, выкуп за красоту и правду родимого народа, змеиный калым за невесту-песню. Страшная клятва на тебе, смертный зарок! Ты обречён на заклятие за Россию...». Здесь же мотив предначертанной судьбы: «Каждому свой путь. И гибель!». Участь Михаила Тверского, убитого в Орде за отказ поклониться чужим идолам, досталась самому учителю.

«Деревня» обозначила точку невозврата: дальше – озлобленное отторжение Клюева критикой:

«Без сусальной в углу Пирогощей Ты, Рассея, – лихая тётца!..» «То, для чего я родился», – так оценил он свои последние поэмы и особенно горевал об исчезновении самой крупной из них. «Пронзает моё сердце судьба моей поэмы «Песнь о Великой Матери», – признался Клюев в письме из Томска в 1935 году. – Создавал я её шесть лет. Сбирал по зёрнышку русские тайны... Нестерпимо жалко». Текст, найденный через шестьдесят лет после написания, он считал утерянным. Скорее всего, в Томске поэт восстанавливал и дорабатывал главную свою «песнь». При аресте 1936 года у него отняли всё написанное в сибирской ссылке. Отняли и уничтожили.

А последнее стихотворение («Есть две страны...») – образец христианского символизма: от земного к небесному. Оно читается как вариация на тему «Памятника». Но нет величального пафоса: поэт избран на страдание. И даже тёмная *Рассея* – «страна грачиных озимей». В видении поэт уходит в инобытие под «хрип волчицной трубы» – вести о смерти. «Заря апрельских роз» получает высочайшее благословение, и этим завершается раздумье о назначении поэта.

Сюжетный стержень «Песни о великой матери» – построение храма, обреченного «дувану адскому». *«С товарищи мастер Аким Зяблецов Воздвигли*

акафист из рудых столбов», и церковь-лебедь символизирует духовный завет старой Руси. Зачин «Песни» – сказание о роде и русской земле в духе «Калева-лы». Затем зловещий образ Руси-повозки, влекомой бесами по бесконечным сугробам. Финал поэмы – шествие русских святых. Они возвращаются на иконы. Утопия реконструкции? Тут никак уж не революционер, это апокалиптик. Народ, бросивший вызов божеским и земным началам, корчится в агонии:

*«Тут ниспала полынная звезда,
Стали воды и воздуха желчью,
Осмердили жизнь человечью.
А и будет Русь безулыбной
Стороной нептичной и нерыбной».*

Критик Р. Иванов-Разумник писал в эмиграции: «Погибнуть физически (расстрел, тюрьма, концлагерь), быть задушенным цензурой или – третье – приспособиться и начать плясать от марксистской печки и по марксистской дудке – это ли не горькая доля? И все эти три доли легли на плечи одного из крупнейших поэтов XX века, «последнего поэта деревни», Николая Клюева».

Культурный потенциал Клюева обсуждался ещё в дореволюционной критике. В нём, ещё до Есенина, увидели главного выразителя национального образа мира. Но это предмет бесконечных споров. С Клюевым ситуация совсем уж беспросветная. Одно несомненно: это жертвоприношение – во имя нашего отрезвления.

Оборванная жизнь его – плата за вызов химере, за неприятие революции в её реальности. На мой взгляд, только один художник превосходит Клюева в трагическом юродстве. Это Андрей Платонов. В русской литературе XX века два великих апокалиптических произведения – «Чевенгур» Платонова и «Песнь о великой матери» Клюева. Это две сопоставимые вершины. К параллели Клюев – Платонов, думаю, ещё обратятся.

Какая-то тёмная, мистическая притягательность есть в клюевских сочинениях революционной поры. Натяжкой представляется взгляд на него как на воплощение старообрядческого понимания жизни. Клюев не исходил из старообрядчества как из данности, он пришёл к нему – к твёрдому православию – в конце жизни. Два комплекса боролись в нём – аввакумовский и распутинский, и стиль его – наложение модернизма на *средневековое* миропонимание. Так аукнулась эпоха: после революции в России прогресс пошёл не от «утопии к науке», как на Западе, а в обратном порядке – от науки к апокалиптике. Одним полушарием Клюев в средневековье, другим – в модернизме. Внимание филологов к его наследию пока на обочине интереса к Серебряному веку. Было ли у Клюева чувство непоправимой утраты русской культуры? Поэт вселяет надежду, даёт просветление в трагедии.

*«Мне скажут: жизнь – стальная пасть –
Крушит во прах народы, классы.
Родной поэзии атласы*

*Не износил Руси дудец, –
Взгляните, полон коробец».*

Герой ранней лирики Клюева – добровольный скиталец, искатель «поддонной» Руси. Поздний – отверженный, изгой в отечестве, – ищет остатки родины. Народный поэт вычеркнут из жизни с клеймом *врага народа*. Путь Клюева – «лакмусовая бумажка» нашего провала и опаматования. Он выразил русский мир в стадии надлома.

Гай Юлий Цезарь... Его потрясающий взлёт и трагический финал – не только материал для историков, рассматривающих некий феномен, появляющийся на определённом отрезке времени. Эта фигура интересовала и писателей с давней поры и до наших дней. Вспомним хотя бы американца Торнтона Уайлдера («Мартовские иды»).

Создал роман об этом времени и Владимир Василенко.

И вот что пишет наш автор. «Что касается Цезаря, то меня интересовала не столько его личность, безусловно, яркая, талантливая, скорее всего – гениальная, но люди и атмосфера, его окружавшая. Мне думается, что любой государственный деятель, сколь ни был он умён, расчётлив и удачлив, действует в конкретных, весьма жёстких обстоятельствах и зачастую становится игрушкой в руках своего ближайшего окружения. Пока существовал «триумвират», в котором Красс (Березовский того времени) играл некую смягчающую роль, Помпей и Цезарь не вступали в прямое противоборство. А с его смертью их противоборство, подогреваемое свитой каждого, вступило в прямой конфликт, переросший в гражданскую войну. В истории тому масса примеров».

Мы печатаем последнюю, самую драматичную часть этого исторического повествования.

Надеемся, что фрагмент добротного написанного романа будет прочитан с интересом.

О незнакомых персонажах читатель может справиться в Интернете.

Владимир Василенко

СРЕДИНА МАРТА

(фрагмент романа)

Пока Цезарь ведёт изнурительную войну в Испании, в Риме зреет заговор. В него включаются самые разные, и весьма влиятельные политики, недовольные его диктаторскими замашками. А когда к ним присоединяется сам Великий Помпей, то противостояние перерастает в гражданскую войну, завершившуюся битвой при Фарсале, где Помпей наголову разбит. А сама фигура Цезаря обретает «божественную» силу и величие, что несовместимо с устоями и традициями римской республики. Против тирана готовы восстать многие, даже ценой собственной жизни и свободы...

Всю весну и последующие летние месяцы Римская республика не знала покоя. Победоносный полководец, окончательно добивший всех своих «кровных» врагов, не спешил возвращаться в столицу. Его сторонники, явные и тайные недруги пережили и передумали всё, что возможно в таком прискорбном случае.

Козни, интриги, происки, сплетни, пересуды, клевета – всё, чем богата и знаменита человеческая природа – бурлило и плескалось посреди семи знаменитых холмов, на которых разместился Рим.

Но понемногу – группами и поодиночке – в городе стали появляться сподвижники Цезаря, члены преторианской когорты, сотрудники его штаба. Причём не с пустыми руками. Они, как правило, привозили очередной указ диктатора.

И горожане встречали их со смешанным чувством – они упорно подозревали, что эти предписания не сулили им ничего хорошего. Но один указ озадачил всех – и друзей, и врагов. Цезарь приказал восстановить все статуи Помпея, сброшенные в верноподданническом порыве приспешниками диктатора со своих пьедесталов. Они обречённо валялись на земле, и у многих уже были отбиты носы и уши...

По этому курьёзному случаю спешно собрался сенат. Сторонники Цезаря и формальный глава государства Антоний хранили неловкое молчание. Зато его недруги оживлённо переговаривались, однако не решались брать слово. Они старались понять, что сие значило. Запоздалое ли раскаяние диктатора или неуклюжая попытка загладить вину? Возможно, это красноречивый намёк на то, что пора прекратить затянувшуюся междоусобицу?..

Наконец отважился выступить сам Цицерон. Пожилой консулярий и законенный враг диктатора начал речь весьма неожиданно:

– Это решение, дорогие сограждане, должно только приветствовать!.. Я берусь утверждать, что, восстанавливая статуи Великого Помпея, Цезарь воздвигает себе ещё более величественные!..

По залу пронёсся изумлённый ропот. Цицерон приложил руку к груди:

– Поверьте мне – это шаг, достойный выдающегося государственного деятеля и гражданина!.. И мы должны благодарить его...

Приспешники диктатора, спохватившись, дружно зашумели:

– Это правда! Только Цезарь способен на такое! Никто не сравнится с ним в великодушии и щедрости!..

Брут с Кассием и Требоний обескураженно переглядывались. Корнелий Цинна, бывший шурин Цезаря, скептически улыбался, а неугомный Долабелла непонимающе смотрел на оратора – своего бывшего тестя – и не находил слов.

Ближайший прислужник диктатора Бальб, не желая упускать инициативу, вскочил и предложил:

– А вы не думаете, что давным-давно пора возвести внушительный храм, посвящённый победам нашего прославленного полководца?! Разве он не достоин этой чести?.. Своими величайшими подвигами Цезарь превзошёл Алек-

сандра Македонского! Кто ещё смеет сравниться с ним в доблести и отваге?!

Зал раскатисто и гулко загремел:

– Верно! Давно пора! Да здравствует Цезарь! Слава Цезарю!..

А недруги диктатора, опустив головы, стали осторожно и незаметно выбираться на волю. Тут Цицерон, смешавшись и покраснев, растерянно опустился на место. Он никак не ожидал, что, затеяв свою хитроумную, изворотливую речь, в итоге получит такой неожиданный финал.

Очутившись на улице, Кассий принялся неистово ругать знаменитого оратора.

– Он что? Совсем умом тронулся? Зачем он начал хвалить этого тирана?..

Спятил на старости лет!..

Брут, сдержанно улыбаясь, пытался успокоить друга:

– погоди! Не кипятись!.. Старик не виноват...

– Как же не виноват? – негодовал Кассий. – А кто предложил поставить статую этому кровососу?! Не он ли?..

В спор вмешался оказавшийся поблизости Требоний:

– Гай, ты это напрасно! Цицерон говорил иносказательно, в смысле того, что Цезарь поставит себе памятник тем, что восстановит статуи Помпея...

Но собеседник, возмущённый до глубины души, только безнадежно махнул рукой:

– Вот увидите – скоро они нагромядут ему и памятников, и храмов, и святилищ!..

Брут возражать не смог, сокрушённо качнув головой. Требоний хмуро окинул друзей и неожиданно прибавил:

– Между прочим, он собирается громко отметить свою победу...

– Что?! – Кассий не поверил своим ушам.

Брут озадаченно взглянул на бывшего наместника. А тот рискнул объяснить:

– Мне прислал письмо Альбин... – он перешёл на полушёпот, – Цезарь, по его уверениям, всерьёз намеревается отпраздновать триумф...

– Не может быть!.. – тихим, изменившимся голосом произнёс Брут.

Требоний, чувствуя всю важность и невероятность сказанных им слов, подтвердил вполне определённо:

– Альбин пишет, что сразу по возвращении из Испании состоится это пышное торжество. Диктатор хочет этого непременно...

Все трое на мгновение умолкли, глядя в лица друг друга. Ошеломлённо. Недоверчиво. Взыскующе...

– Не может этого быть!.. – ещё раз повторил Брут.

Требоний пожал плечами:

– Так написал мне Альбин...

Первым пришёл в себя Кассий.

– А почему – нет? – скривился он в язвительной усмешке. – Он же победил!

И ему полагается отметить это...

– Но кого он победил?! – Брут мрачно окинул собеседников. – Своих же единокровных земляков!.. Бывших соратников и сограждан...

Требоний и Кассий молчали.

– В нашей истории такого ещё не было... – глаза у Брута мстительно сверкнули. – Даже Сулла, разгромив своих врагов, ничего не праздновал... – он горько усмехнулся. – Я думаю, что ему это и в голову не приходило!..

Кассий продолжал язвить:

– Но ты же сам слышал, что Цезарь превзошёл всех полководцев! Даже Александр Македонский – дерзкий захватчик в сравнении с ним!.. И что для него какой-то жалкий Сулла!..

34

Диктатор праздновал свой, более чем полувековой день рождения. Не в обычаях римлян было отмечать подобные даты, однако Цезарь решил этим пренебречь.

– Как-никак мне исполнилось пятьдесят пять, и меня в пятый раз избрали консулом!.. – с вызовом бросил он, улыбаясь морщинистым, узкогубым лицом.

Никто из его сподвижников в ответ не проронил ни слова. Даже юный Квинт, племянник Цицерона, несмотря на свою безграничную любовь к прославленному военачальнику, не нашёл ни единого слова восхищения или одобрения. Но, возможно, потому, что почтенный возраст диктатора внушал ему суеверный трепет.

– Уже ходят слухи, – негромко сообщил Альбин своему ближайшему соседу Поллиону, – что Цезарь не родился обычным порядком, как все мы...

– Это как? – не понял молодой легат.

Альбин снисходительно усмехнулся:

– Ну, не появился из того отверстия, которое находится у женщин между ног... Откуда всех нас выпускают на этот свет...

– И что?..

– Его матери Аврелии якобы рассекли живот и оттуда извлекли нашего Гая Юлия...

Поллион недоуменно pokrutil головой. Но через минуту неожиданно вспомнил:

– И про Александра Македонского говорили в том духе, что отец его вовсе не царь Филипп, а какой-то необыкновенный змей, с которым спала его мать Олимпиада...

– Вот-вот, – живо поддакнул Альбин, – и всё это – знаки божественного вмешательства, не иначе!..

Легат покосился на собеседника. Его тон – строгий и суровый – исключал даже намёк на иронию или шутку.

– Ты серьёзно? – недоверчиво переспросил он.

Альбин только раздражённо махнул рукой.

Поллион не стал доискиваться прямого и откровенного ответа – молодой легат понимал, что свобододобивым и рассудительным римлянам претит лю-

бое, даже самое невинное обожествление верховной власти. Слишком долго и яростно они боролись за то, чтобы её представители были обычными, рядовыми людьми, сменяемыми через определённый, установленный законом, срок.

А то, что Гай Юлий Цезарь сделался пожизненным диктатором, стало вопиющим нарушением всех норм и обычаев. Что же касалось самого Поллиона – то его вовсе не раздражало придание облику победоносного военачальника неких сверхъестественных черт.

Тем более, что простые солдаты, среди которых находилось множество бывших варваров – галлов, германцев, кельтиберов и каллаиков – охотно верили в это. Более того – они готовы были сражаться, не щадя собственных жизней, в его легионах, зная, что ими командует избранник богов. (И пусть это будет не совсем так – кому от этого станет плохо?)

Поллион, Альбин, Дидий, Квинт, другие помощники стояли возле палатки полководца, за его узкой спиной, а мимо маршировали центурии, манипулы и когорты легионеров, возглашая славу своему императору...

Клубы пыли, грохот сапог, лязг оружия, запах пота, оглушительный рёв тысяч отверстых глоток – всё это сливалось в какую-то невероятную, оглушительную смесь, способную напрочь лишить разума любого, даже весьма хладнокровного и недоверчивого человека...

А сам Цезарь, слыша эти душераздирающие вопли, широко улыбался и поминутно оглядывался на свою свиту, как бы говоря: «Вы видите?! Вы слышите это?! Какие ещё нужны доказательства для такой безграничной любви и преданности?! С такой верой и воодушевлением можно покорить весь мир!».

Легионы шли и шли... Пыль, топот и вонь всё сгущались и сгущались, и через полчаса возле палатки стало уже нечем дышать. А от неистовых криков полководец и свита рисковали оглохнуть.

И когда Цезарь обернулся в очередной раз, Альбин успел заметить, как побледнело и осунулось его лицо. Он опасливо толкнул в бок стоявшего рядом Поллиона.

– Что?! – громко, но почти неразличимо в невероятном шуме, воскликнул легат.

Альбин кивком показал ему на дрогнувшего диктатора, и они оба, не сговариваясь, дружно подхватили запрокинувшуюся тощую фигуру. Но тут неожиданно подскочили ещё десятка полтора солдат, и бьющийся в припадке полководец стал высоко взлетать над неистово орущей, осатанелой толпой...

– Прекратите! Оставьте! У него падучая!.. – надрывая горло, кричали Альбин с Поллионом.

Но куда там! Беспорядочно дрыгающий руками и ногами триумфатор обречённо парил над головами буйной, неистовой, потерявшей рассудок солдатни, старавшейся подбросить его всё выше и выше...

– Слава Цезарю! Виват! Виват!.. – орали легионеры, умножая число рук, стремящихся вознести диктатора к небесам.

Свита и охранники безуспешно пытались отбить бесчувственное тело. Поллион с Альбином тревожно переглядывались, и даже юный Квинт понял, что дело плохо.

Худая нескладная фигура перестала беспорядочно дёргаться и напоминала тряпичную куклу, которую в шутливой игре наперебой перебрасывают друг дружке дети. И хлопья обильной пены залили полководцу грудь...

Мгновенная, устрашающая тишина воцарилась кругом, хотя её никто не добивался. Бездыханное, безжизненное тело бережно опустилось на землю, и скандирующая толпа испуганно расступилась, а кое-кто сразу просочился в задние ряды, подальше от места происшествия.

Недвижимая, бесчувственная фигура диктатора обречённо валялась в ногах у телохранителей и свиты – достаточно было неосторожного шага или лёгкого толчка, чтобы навсегда угомонить её...

Альбин вдруг испытал неодолимое желание наступить полководцу на жилистое запрокинутое горло, из которого уже никогда бы не вырвался грозный, настойчивый клич, зовущий захватывать и убивать...

Цезарь едва заметно шевельнул рукой.

– Жив! – непроизвольно вырвалось из чьей-то груди.

– Жив! Жи-и-в!.. Жи-и-и-в!.. – полетело по рядам.

Но свита диктатора, не сговариваясь, поняла, что это не клич радости по воскреснувшему военачальнику, а взрыв собственных, едва не погибших мечтаний и вожделений. Что было бы, если бы Цезарь вдруг окаменел, а все они остались бы без будущего? Пусть жестокого, призрачного, кровавого, но единственного и крайне желанного. И кто, кроме этого, нескладного, тощего и припадочного человека способен его приблизить?!

35

Фульвия была настроена весьма решительно.

– Нет, – наступала она на Антония, – дольше сидеть и выжидать нельзя!..

Я не понимаю, чем вы занимаетесь там, в сенате?..

– Уже третью неделю я там не был... – лениво пробурчал глава государства.

– Вот-вот! – подхватила сожительница. – Ты торчишь дома и глушишь вино, а за твоей спиной они там обделывают свои тёмные делишки!..

– Ни черта они там не делают! – угрюмо пробасил Антоний.

Маленькая, юркая женщина, бывшая жена когда-то знаменитого смутьяна и наглеца, не находила себе места. Вероятно, бурное прошлое наложило неизгладимый отпечаток на её характер и привычки. Она не могла пребывать в тишине и покое.

– Ну ладно, – Фульвия сделала вид, что приняла объяснения сожителя. – Пусть они не ходят в сенат, а дома?..

– Что дома? – не понял Антоний.

– Разве Брут, Кассий и Цицерон сидят сложа руки?..

Консул снисходительно улыбнулся:

– Пусть не сидят, а что они могут сделать?..

– Как что? – опешила сожительница.

– А ты подумай... – Антоний сверху взглянул на неё. – У них нет ни одного

легиона солдат, нет никакой силы и влияния... Ну что они могут предпринять?..

Эти веские доводы, казалось, на женщину подействовали. Однако лишь на короткое время.

– Ну хорошо... – она упрямо поджала губы. – А что дальше? Дальше-то как?..

Антоний начинал понемногу выходить из себя:

– Ты о чём?..

Фульвия развела руками:

– Твой Цезарь разбил сыновей Помпея и торчит там, в Испании... Шлёт вам всякие приказы и указы – вы собираетесь, чешете языками и расходитесь по домам... И всё?!.

– А что ты хотела? – большой, громоздкий сожитель недовольно косился на маленькую непоседливую женщину, чувствуя себя не слишком уютно.

– Ну вот он вернётся, и... – в её резком, настойчивом голосе прозвучала тревога.

Антоний насторожился. Она, уловив эту настороженность, язвительно усмехнулась:

– И всё полетит кувырком! Уж поверь мне...

– Это почему? – консул повёл широкими плечами.

Фульвия с ответом не спешила, и сожитель всерьёз обеспокоился. Его тяжёлый, неповоротливый ум не успевал реагировать на происходящее.

– Откуда ты знаешь, что он предпримет? И почему он там торчит?..

Антоний и вправду этого не знал, и никаких соображений на сей счёт у него не существовало, но признаться в собственном бессилии он не мог.

– Кто там с ним? – безжалостно доискивалась упрямая женщина.

– Децим Альбин, Азиний Поллион, Гай Дидий, Марк Лепид, Квинт Цицерон... – нехотя выдавил консул.

– Альбин – родственник Брута? – не отставала Фульвия.

– Дальний...

– Квинт – это племянник Цицерона, а кто такой Поллион?..

– Его легат, – буркнул сожитель.

Женщина почувствовала себя во всеоружии.

– Всё ясно, – её цепкие серые глаза смотрели ему в лицо бестрепетно и твёрдо, – он у них в руках!..

– У кого?..

– У Альбина, Квинта и этого легата! – ни тени сомнения не прозвучало в голосе маленькой женщины. Признавая только этот единственный способ воздействия, она не желала слышать ни о чём другом.

– Ты так думаешь?.. – сожитель всё ещё сомневался.

– А почему сбежал Требоний?.. – огорошила его Фульвия.

– У него умер отец...

– Ерунда!.. – она перевела дыхание. – Эта тройка его выжила... – женщина хитро сощурилась. – А может, и кто-то ещё...

Ответом было подавленное молчание. Бойкая сорокалетняя любовница,

не однажды побывавшая замужем, прекрасно изучив своих партнёров, знала цену лукавых слов, хитрых недомолвок и многозначительных пауз. Умело манипулируя желаниями и настроением мужчин, она частенько заставляла их поступать против воли и обстоятельств.

Вот и сейчас Антоний, глядя в упор на её суровое, сосредоточенное лицо, запаниковал, хотя старался не выдать себя. Упоминание о Бруте, Кассии и Цицероне навело его на мрачные мысли. И вправду – кто знает, что могут предпринять эти беспокойные, озлобленные люди, откровенные недруги Цезаря?..

– Ну хорошо... – сумрачно обронил консул, – значит, придётся тащиться в Испанию...

– И прихвати с собой Требония... – спокойно, как нечто давным-давно решённое, присовокупила Фульвия.

– Требония-то зачем? – угрюмо пробасил сожитель.

– Возьми. Пригодится!.. – она натянуто улыбнулась.

И вновь Антоний не нашёл слов для возражений, скорее всего потому, что маленькая, увёртливая женщина оказалась гораздо искусней в интригах и непредвиденных обстоятельствах.

– А что я ему скажу? – внушительный, атлетичный мужчина выглядел, как малый ребёнок, и был так же смущён и растерян.

Фульвия снисходительно покосилась на него:

– Скажи ему, что вы должны действовать сообща... – на Антония это не произвело нужного впечатления, и женщина усилила напор. – Против Цезаря плетутся интриги, и вы обязаны...

И тут любовник проговорился:

– Требоний сам...

– Да ты что?! – она уловила всё с полуслова. И через секунду продолжала с ещё большей изобретательностью и нажимом: – Тогда намекни, что ты всё понимаешь и готов ему помочь...

Тут Антоний заупрямился:

– Вот уж нет! Ни за что!..

В серых глазах любовницы загорелись жгучие, мстительные огоньки:

– Ах, так?.. Ну, давай-давай! Выждидай!.. И твоей судьбой распорядятся другие! – она упёрла в крутые бока короткие, сильные руки. – Ты думаешь, что будешь вечно ходить в любимчиках у Цезаря? Как бы не так!.. Сколько их уже сменилось? Не ты первый и не ты последний. У него их перебивали десятки!..

Антоний покорно опустил бородатую физиономию – женщина была права. В голосе её появились издевательские, лихие нотки:

– А Требоний всё-таки молодец! Сколько же можно ходить в услужении у этого припадочного?.. Одумался наконец!..

Консул молчал, даже не догадываясь, что в злобных словах сожительницы скрывалась давняя ревность к блистательному полководцу, со второй женой которого встречался её покойный муж – Клодий Пульхр...

После ухода Требония Кассий, Брут, Тиллий Цимбер и бывший шурин Цезаря Корнелий Цинна ожесточённо заспорили. Хотя против того, чтобы Требоний вместе с Антонием должен отправиться в Испанию и встретиться там с Цезарем, никто не возражал.

Несогласие же вызвало другое – когда Требоний предложил вовлечь в разговор самого Антония. Кассий это горячо поддержал. Цимбер выразил сомнение, Цинна скептически улыбнулся, а Брут всё категорически отверг.

Однако Требоний прозрачно намекнул, что предварительный, осторожный разговор с консулом всё-таки состоялся, и Антоний не сказал «нет».

– Это ничего не доказывает! – упорствовал Брут.

– Как не доказывает?! – Кассий кипел от возмущения. – Наоборот. Значит, он готов нас поддержать!..

Цимбер скромно отмолчался, а Цинна уверенно предположил:

– Скорее всего, он ждал дальнейших откровений...

– Конечно! – согласился Брут.

– А каких? – настаивал его зять.

Цинна перевёл взгляд с одного заговорщика на другого и добавил:

– Он ждал, что ему назовут число участников, их имена, места встреч...

Брут кивнул седеющей головой:

– Именно так...

Требоний, желая оправдаться, стал неловко объяснять:

– Вы что, не знаете Антония? Он не столь умён и ловок, чтобы додуматься до такого... Какие имена?! Об этом и речи не заходило!..

Брут не стал ловить его на слове, не желая сеять вражду и недоверие в рядах сообщников.

– Антония не надо трогать, – он скупно улыбнулся, – даже по причине его недалёкого ума...

Цинна поддержал хозяина:

– Вот-вот. А вдруг он проболтается? Напьётся и всё выложит. Об этом ты не подумал?!

Тогда Требоний сдержанно распрощался с заговорщиками и быстро ушёл. Молчание продлилось несколько минут. Скорее всего, каждый обдумывал последствия обсуждаемого. Круг посвящённых неуклонно расширялся, а значит, приходилось заботиться о собственной безопасности. Фигура Антония особых споров и разногласий не вызывала, но вот Требоний...

– Требоний – человек надёжный, – словно подслушав мысли сообщников, убеждённо заверил Брут.

– Он ещё хочет привлечь Децима Альбина, – осторожно ввернул Кассий.

Цинна насторожился, но с Кассием согласился Цимбер:

– Альбину доверять можно. Мы с ним в одной палатке жили...

И Брут не стал возражать:

– Это мой дальний родственник. Я думаю, с ним всё в порядке...

– Тогда надо привлечь и Цицерона! – подхватил Цинна.

– Вот уж нет! – воспротивился Кассий к недоумению всех собравшихся.

– Это почему? – Цимбер сердито покосился на него, но Брут неожиданно поддержал зятя:

– Пожалуй, я с ним заодно. Цицерон – человек настроения. А потом, у него умерла любимая дочь, и жена ушла...

– Он уже старик! – напомнил Кассий.

Цинна едва не обиделся:

– Я тоже не юноша... – и похлопал себя по вместительному животу.

Брут почувствовал, что основное ядро заговорщиков, которое едва-едва окрепло, может неожиданно развалиться, и потому решительно вмешался. Он напомнил собравшимся, как знаменитый оратор временами откровенно праздновал труса, не проявлял нужной стойкости и мужества, пресмыкался и унижался. К сожалению, всё это было у них на памяти...

– Но Цезаря он ненавидит, – упорствовал Цинна.

– А кто его любит?.. – парировал Кассий.

Цимбер улыбнулся уголком губ и стрельнул глазами в сторону, дабы отвести взгляд от хозяина дома:

– Ну почему же? Есть и такие...

И все сразу догадались, что речь идёт о матроне Сервилиии, матери Брута. А Цинна, покойная сестра которого была первой и любимой женой Цезаря, сердито засопел.

– Когда он будет праздновать свой триумф? – бывший шурин диктатора решил повернуть разговор в нужное русло.

– Откуда нам знать? – резонно возразил Кассий. – Это всё в его руках. С нами он советоваться не станет. Уж поверьте мне!..

– Тогда как нам быть? – вопрос Цимбера сиротливо повис в воздухе.

Заговорщики отлично понимали, что пора бы от рассуждений переходить к определённым действиям, а ничего конкретного никто не предлагал. И даже не заикался об этом.

– Требоний намекал... – неуверенно начал Кассий, однако собравшиеся не смотрели в глаза друг друга, зная, что этот неуклюжий предлог ничего не изменит.

Всё идёт по-старому. Диктатор ведёт себя так, как ему заблагорассудится: нарушает законы, устраняет неудобных, щедро награждает прихлебателей и льстецов, творит насилие и произвол...

И вдруг Брут неумолимо ощутил, что в душе каждый из присутствующих мысленно обращается к нему, поскольку главою заговора все считают его. И от этого никуда не скроешься.

– Хорошо. Пусть он празднует триумф!.. – прозвучал среди общего молчания его твёрдый голос.

– А во время этого триумфа... – в глазах Кассия засветились злобные, предательские огоньки.

Цинна криво усмехнулся:

– Рубануть его по тощей шее!..

Заговорщики сдержанно улыгнулись. Брут, как самый рассудительный, продолжил негромко:

– И я не думаю, что у кого-то из римлян возникнет желание встать на защиту тирана, который празднует победу над своими же согражданами...

– Я сам готов взять в руки меч! – опрометчиво воскликнул Кассий.

– И я, – поддержал его Цимбер.

– Я тоже... – согласился Цинна.

Хозяин дома молча кивнул головой, но гости его и не ждали прямого ответа. Каждый житель мировой столицы помнил с раннего детства, что далёкий предок Марка Юния Брута изгнал последнего римского царя Тарквиния Гордого, и с него начиналась долгая, блистательная эра римской республики. Его нынешний потомок просто обязан обогреть свои руки кровью ненавистного тирана...

37

Они ехали по старой Аврелиевой дороге вдоль морского побережья, и с каждым очередным днём пути Требоний, к собственному неудовольствию и тревоге, видел, как меняется настроение его спутника. Вначале равнодушный и безразличный, Антоний становился всё более оживлённым, любопытным и беспокойным. Он живо обращал внимание на поведение жителей окрестных городков и деревушек, охотно расспрашивал случайных встречных...

Впрочем, его интересы не распространялись слишком далеко – консула занимало одно – как жители Италии относятся к победе и фигуре Цезаря. И подавляющее большинство смотрело на диктатора вполне благосклонно, особо не восхваляя и не порицая его...

– Ну вот видишь! – обращая к попутчику широкое, обложенное щетиной лицо, Антоний удовлетворённо улыбался.

– И что из этого? – Требоний снисходительно щурился. – По-моему, им всем на это наплевать! Их не трогают – и ладно... – он подумал и прибавил: – А когда диктатор примется за свои грандиозные планы и объявит всеобщую мобилизацию – вот тогда и посмотрим!..

Спутник сердито хмурился. Его удачно складывавшаяся семейная жизнь с бывшей супругой покойного Клодия не слишком располагала Антония к воинским подвигам. И он знал наверняка, что неугомонный диктатор не позволит ему безмятежно блаженствовать на супружеском ложе.

Требоний искоса посмотрел на него и, разгадав опасения консула, бросил небрежно:

– На все наши дела и желания ему тоже наплевать! Мы должны думать и действовать, как он того потребует...

– Клеопатра вернулась к себе в Египет... – словно ни с того, ни с сего обронил Антоний, однако бывший наместник Испании сумел уловить ход его мыслей.

– А что ей, бедняге, оставалось делать? – Требоний пожал плечами. – Це-

зарь позабавился с ней в своё время, сделал ей ребёнка, а теперь ему не до неё!.. И не до нас... – он равнодушно сплюнул.

Тугодум Антоний угрюмо покосился на соседа. Они ехали в скрипучей повозке, влекомой парой крепких мулов. Экипаж чувствительно потряхивало на ухабах, и оба седока поминутно стучались плечами то друг о друга, то в кожаные стенки.

Далеко позади осталась знаменитая речушка Рубикон. Четыре года назад, перейдя её мелкие воды, Цезарь развязал гражданскую войну. Но теперь, казалось, ничто не напоминало об этом грозном, мрачном событии. Слева плескались изумрудные, ленивые волны Лигурийского моря, остро пахло водорослями и увядшими лаврами. Неподкованные, широкие копыта мулов глухо стучали о щербатый булыжник, старательно уложенный руками бесчисленных рабов...

Впереди и справа широко простирались земли беспокойных галлов – их непокорный, переменчивый нрав был знаком Требонию не понаслышке. А дорога повернула на юг, и жаркое августовское солнце светило седокам прямо в глаза...

Согласно тогдашнему римскому календарю месяц назывался секстилис – шестой, поскольку год когда-то начинался в марте и диктатор ещё не провёл реформу летоисчисления. А его внучатый племянник Октавиан, в честь которого и будет переименован шестой месяц, названный «августом», был восемнадцатилетним юношей, и судьба его мало кого волновала.

– К вечеру мы наконец дотащимся до Массилии?.. – полувопросительно-полушутливо любопытствовал Антоний, помня, что его спутник отлично знает здешние места.

– Вряд ли, – коротко ответил Требоний.

Восемь лет назад он из последних сил защищал этот приморский город, и, если бы не своевременная помощь Цезаря, восставшие галлы наголову разбили бы римский гарнизон. Наместнику не хотелось об этом вспоминать, и он, дабы упредить неугомонного соседа, неожиданно произнёс:

– Интересно, жив ли Милон?..

– Какой ещё Милон? – не понял консул.

Требоний усмехнулся:

– Ну какой-какой?.. Твой благодетель – неистовый враг Клодия!.. – бывший наместник хотел сказать «убийца», но воздержался.

Он помнил, что Тит Анний Милон в уличной стычке прикончил мужа Фульвии, нынешней сожительницы Антония, и по приказу суда был выслан в Массилию. А его дальнейшая судьба была Требонию неизвестна.

– Так Милона же убили! – консул с вызовом глянул на соседа.

– Когда? Где?!

– Под Капуей... Года четыре назад...

Требоний нахмурился. Злосчастный Милон не был ни другом его, ни близким знакомым, но во время своей тогдашней ссылки он здорово помогал осаждённым, отбивавшим атаки обезумевших галлов.

– А кто его убил? – спросил наместник глухо.

Антоний заметно приободрился:

– Кто – не знаю. Но по приказу Цезаря...

Требоний умолк. Попутчик его пустился в объяснения:

– Милон организовал целый заговор. Собрал большой отряд из рабов и гладиаторов. Кстати, его поддерживали многие, даже Цицерон...

Бывший наместник ещё более помрачнел. Упоминание о заговоре явно расстроило его. Чем ближе был заветный приморский город, в котором им надлежало встретить победоносного полководца, тем всё тревожней и переменчивей становилось настроение обоих мужчин. Теперь Антоний выглядел спокойней и благодушной, а его сосед вздыхал и хмурился.

– Откуда Цезарь узнал о заговоре? – вопрос прозвучал вполне уместно, и консул ответил с обезоруживающей откровенностью:

– Милон, между прочим, из этого секрета не делал... Трезвонил всем и каждому, что терпеть не может этого тощего выскочку! – Он имел в виду диктатора, и Требоний криво усмехнулся.

Он вдруг вспомнил недавнюю встречу с Брутом и его сообщниками. А ведь они строго-настрого запретили ему откровенничать с Антонием и посвящать его в их дальнейшие планы!

– Не знаю, слышал ты или нет, – бывший наместник решил отвести разговор в сторону, – но Клодий когда-то хотел убить Помпея, и подослал к нему раба с мечом...

Антоний, разумеется, об этой нашумевшей истории знал, однако слишком частое упоминание о бывшем муже любовницы стало его раздражать. Ведь он сам однажды едва не убил его. Клодий тогда спрятался под лестницей в книжной лавке.

– Все они в преисподней! – глаза Антония зло сверкнули. – Там им и место!

Сосед возражать не стал. И оба они, не сговариваясь, подумали, что их общая поездка не приносит желаемых плодов. Антония мучило обещание, данное Фульвии – он видел, что Требоний совсем не желает идти на сближение, а бывший наместник опасался неожиданного предательства. Пожалуй, Брут бесконечно прав – Антоний способен выдать его из одного лишь недомыслия.

Впереди показались чьи-то жалкие лачуги...

– Консул, это предместье Массилии! – доложил, подъехав, легионер. (Ныне – город Марсель.)

– А ты говорил, что до вечера не успеем! – Антоний выразительно посмотрел на соседа, и бывшему наместнику увиделся в этом какой-то дерзкий намёк. Сердце его захолонуло...

Ночь была беспокойной. Они расположились в доме местного пропретора, которого назначил Цезарь, а сам победоносный диктатор ещё не вернулся из Дальней Испании, но его ожидали здесь со дня на день. Хозяин, радушно

встретив консула и бывшего наместника, сразу стал интересоваться вестями из Рима.

Антония это заметно удивило – ему казалось, что все вокруг должны быть озабочены будущими планами Цезаря и собственной судьбой, напрямую от них зависящей. Но для местного градоначальника не существовало ничего более важного, чем свежие сплетни из мировой столицы.

– Как там себя чувствуют Брут и Кассий? Что вытворяет Долабелла?..

Антоний, возлежа за обильно накрытым столом, сыто рыгнул, отхлебнул здоровенный глоток вина и ответил небрежно:

– Эти два хитреца, как всегда, затаились и упорно плетут интриги... А Долабелла... – он бросил предостерегающий взгляд Требонию.

Бывший наместник, сдержав невольную усмешку, короткой репликой выручил сотрапезника:

– Долабелла, как всегда, пьёт и буянит...

Хозяин перевёл взгляд с одного на другого и расплылся в улыбке. Ему, прирождённому римлянину, жизнь в столице казалась гораздо живее, веселее и привлекательнее, чем в далёкой, глухой Массилии, ставшей дальним оплотом римской цивилизации. Он изнывал здесь от скуки и потихоньку попивал...

– Говорят, что в Риме стали восстанавливать статуи Помпея? – в лице градоначальника смешались изумление и жгучий интерес.

Антоний, будучи олицетворением верховной власти в стране, насупился ещё больше. Неуёмное любопытство провинциала стало его раздражать.

– Пока этого не видно, – ответил за него Требоний, – но был прямой указ Цезаря...

Хозяин выжидательно смотрел на гостей, словно они оба были обязаны снабдить его рекомендациями по дальнейшим действиям.

– А у нас, в Массилии, нет ни одной статуи Помпея! – сообщил он совсем обескураженно.

– И никогда не было, насколько я помню, – подхватил Требоний, видя, что Антоний наливается нетерпением и злостью.

Он пытался понять их причину, и подспудно догадывался, в чём тут дело. Градоначальник, не будучи дипломатом, выбалтывал все свои сокровенные мысли и желания.

– И что теперь будет? Как сложится наша жизнь?..

Антоний густо покраснел и, чтобы не выругаться вслух, схватил кубок с вином и опорожнил его до дна.

– Вот вернётся Цезарь, и всё прояснится... – негромко и крайне осторожно выразился Требоний, чувствуя, что атмосфера за столом раскалилась до невозможного.

Хозяин, недоуменно покосившись на пунцовую физиономию консула, перевёл взгляд на бывшего наместника, смиренно опустил веки и негромко проворкотал:

– Может быть, может быть...

И вдруг Антоний с оглушительным шумом выпустил злого духа, и сотрапезники дружно рассмеялись.

– Это гром, достойный Геркулеса! – льстиво заметил хозяин, помня, что консула отождествляли с прославленным греческим героем. Обстановка невольно разрядилась...

А Требония занимало одно – соберётся ли его напарник с силой и волей, чтобы выдать его тому, кого они отправились встречать? Хотя, если вспомнить их предыдущие встречи и разговоры, ничего конкретного он ему не сказал и не назвал. Ни имён, ни планов, ни дат... Были какие-то намёки, только они настолько общи и расплывчаты, что из них ничего не выжмешь!

– Он, наверно, дремлет. Дорога-то была дальняя... – донёсся до его слуха насмешливый голос Антония, и Требоний догадался, что речь идёт о нём.

Бывший наместник встряхнулся.

– Да. Я бы охотно прилёг!.. – с улыбкой подхватил он.

Хозяин, несмотря на свое неутолённое желание послушать столичных гостей и вытянуть из них как можно больше сплетен и слухов, вынужден был подчиниться.

– Ну ладно. Пойдёмте отдыхать... – неохотно поднявшись из-за стола, градоначальник повёл мужчин в комнаты для гостей.

Он, по-видимому, намеревался уложить их порознь, но консул грубовато распорядился:

– Ты очень-то не суетись. Мы люди не гордые – уляжемся и в одной спальне. Подумаешь!..

Хозяин уступил. Однако, оставшись наедине со спутником, Антоний невольно раскрыл причину своей невзыскательности:

– О чём все они тут думают?! Разве в Риме решаются их судьбы?..

Требоний выжидательно молчал. Он понял, что его неуклюжий сосед крайне озабочен происходящим и непременно хочет найти здесь хоть какую-то надёжную опору.

– Спрашивает нас о Бруте и Кассии! – Антоний зло сплюнул. – Кого может испугать их мышиная возня?! – он искоса посмотрел на молчаливого соседа.

А тот предусмотрительно выжидал, видя, что возмущение собеседника в значительной мере напускное. Консулу очень хотелось видеть безусловное подтверждение своим мыслям и желаниям, а любое сомнение его явно настаивало.

– Ты же знаешь, что все люди здесь, в глухой провинции, живут своими взглядами и представлениями... – осторожно возразил Требоний, посеяв в душе соседа ещё большее смятение. – Так было всегда. Их не переделаешь!..

– Но Цезарь вернётся и всем им покажет! – сердито воскликнул Антоний, только в голосе его не прозвучало твёрдой уверенности.

Он наверняка ждал ответной реплики, только Требоний упрямо молчал. А консул, раздосадованный, чертыхаясь про себя, прошёл в угол к кровати и смаху плюхнулся на неё. Дерево жалобно скрипнуло. Сосед тоже отправился на покой.

Медная масляная лампа с трудом освещала небольшую комнатку, в про-

тивоположных углах которой стояло два деревянных ложа. Обширное тело Антония едва помещалось на одном из них. Он подогнул ноги и отвернулся лицом к стене.

Молчаливый сосед понимал его настроение, изо всех сил сдерживая себя. Он был непоколебимо убеждён – чем больше Антоний будет волноваться и переживать, тем меньше вероятность того, что он его выдаст.

Прижмурив веки, Требоний старательно изображал спящего, и вдруг услышал глубокий, размеренный сап. «Вот увалень проклятый! – с обидой и неудовольствием подумал бывший наместник. – Он уже готов! И на всё ему наплевать!» А сам он никак не мог уснуть...

Ему почему-то вспомнилась та, восьмилетней давности, осада Массилии, когда этот небольшой приморский городишко плотно окружили восставшие галлы... После двухнедельной жаркой, отчаянной обороны добрая половина защитников была переранена и перебита и съедены почти все запасы – осаждённые питались одной сушёной макрелью – и тут на помощь им подоспели легионы Цезаря...

Лампа вдруг зашипела и погасла. Запахло пригоревшим маслом. Требоний вздохнул и повернулся на бок. А сон всё никак не приходил, и бывшего наместника одолевали невесёлые воспоминания...

39

В комнате стояла тишина. Требоний осторожно повернулся и бросил взгляд напротив – кровать Антония была пуста, измятое покрывало почти сползло на пол. Бывший наместник сел, прислушался. За каменными стенами гудел ровный, деловитый шум, говорящий о том, что все обитатели дома занимаются привычными хозяйственными хлопотами.

Требоний сунул ноги в сандалии и вышел из спальни. Навстречу двигался пожилой слуга-галл с кувшином и тряпкой.

– Хозяин у себя? – спросил его наместник.

– Нет, – галл чуть замедлил шаг, – господин вместе с консулом поехали встречать Цезаря...

Требоний опешил:

– Как встречать?! А как же я?..

Слуга смиренно опустил голову. И тут наместник заметил, что лицо его обезображено шрамами – вся левая щека почти напрочь снесена, а ухо скрыто серыми, давно не мытыми волосами и, видимо, совсем отсутствовало.

– Кто это тебя? – спросил он невольно.

Галл помялся и нехотя ответил:

– Вы, господин...

– Я?! – Требоний отступил.

Слуга сделал попытку улыбнуться, насколько позволяло ему страшное увечье, и пояснил совершенно беззлбно:

– Во время осады Массилии, помните?..

Наместник нахмурился. Ему вдруг захотелось воскресить этот давний эпизод, но тщетно. Память упрямо молчала.

– А я вас сразу узнал... – в голосе галла прозвучали теплота и обожание, словно он вспоминал свою первую любовь.

Требоний растерялся. Следовало бы пожалеть или хотя бы утешить несчастного, но в суровой душе наместника не было слов для выражения подобных чувств. Он только лишь опустил ладонь на увечное плечо галла и легонько погладил его. А искалеченный варвар благодарно облобызал руку, едва не лишившую его жизни...

– Давно они уехали? – с непривычной мягкостью спросил наместник.

– Сразу после восхода... – слуга неловко переступил. – А для вас, господин, в триклинии накрыт стол...

Наместник скупо улыбнулся:

– Спасибо, я не голоден...

– Я могу идти?

Требоний вздохнул:

– Иди. Занимайся своими делами...

Он вновь задумался о неожиданном утреннем событии. Почему пропретор и Антоний не разбудили его? Что за странная, необъяснимая спешка? Хотя почему – необъяснимая? Скорее всего, именно Антоний всё и проделал. Тайком сбежал, чтобы наедине переговорить с Цезарем и выдать его, Требония.

Бывший наместник заволновался. Стараясь ничем не выдать себя, он хотел вернуться в спальню, однако тут же передумал и неспешным шагом вышел на террасу.

Город давно проснулся. Жаркое августовское солнце поднялось уже довольно высоко над красновато-коричневыми черепичными крышами небольших домишек, рассыпавшихся по южному склону Альп, плавно нисходящему к морю.

С трёх сторон Массилию окружали каменные стены, а с запада к ней примыкал обширный залив, и на расстоянии двух полётов стрелы в нём темнела кучка небольших островов...

Требоний, намётанным глазом окинув небольшой городишко, заметил несколько зияющих проломов в некогда монолитных стенах. Скорее всего, горожане растащили кирпичи на строительство своих неказистых жилищ. Потом перевёл взгляд на море...

Оно было молчаливым и спокойным, только крохотные, утлые судёнышки рыбаков недвижимо застыли на изумрудно-синей глади. Массилийцы ловили знаменитую макрель...

Требоний повернул голову в направлении гавани и невольно вздрогнул – у берега стояли боевые римские корабли. До его слуха донёсся привычный шум множества голосов, короткие, чёткие команды, звон оружия, топот солдатских сапог. И вместо привычного чувства уверенности и спокойствия – в сердце его шевельнулась тревога...

Бывший наместник заколебался – идти ли ему навстречу очевидной опасности или встретить её здесь – на террасе чужого дома? Он мельком окинул

себя – на нём была короткая измятая рубаха, на ногах пыльные сандалии, на щеках и подбородке вылезла сизая щетина.

И вдруг плечи и спину наместника укутал походный плащ. Он повернулся и увидел раба-галла, улыбавшегося ему обезображенным лицом. Требоний хотел поблагодарить его, но не успел – во двор уже входили дюжие преторианцы, а над ними сурово возвышалась худая, вертлявая фигура победоносного полководца. Рядом с ним вышагивал дородный Антоний.

– Привет тебе, Требоний! – громким и, как показалось наместнику, насмешливым тоном выкрикнул Цезарь.

А тому ничего другого не оставалось, как почти бегом спуститься с террасы и броситься навстречу диктатору. И здесь сама судьба или провидение спасло бывшего наместника – в двух шагах от вошедших он наступил на болтавшийся шнурок сандалии, споткнулся и рухнул вниз лицом. Но почти у самой земли его поймали проворные, крепкие руки...

Опешившему Требонию почему-то показалось, что от досадного конфуза его спасло великодушие самого диктатора, однако, подняв голову, он убедился, что это не так. И не Антоний держал его за плечи – Децим Альбин смотрел ему в лицо с участием и заботой:

– Ты не ушибся? Давай я помогу тебе...

А над их головами звучал негромкий, снисходительный смешок – эта неожиданная оплошность размягчила сердца диктатора и его важной свиты, посыпались шуточки и подначки. Требоний с помощью Альбина быстро поднялся на ноги, но Цезарь уже обратился к пропретору:

– Горожане исправно платят налоги?.. Местная казна, надеюсь, не пуста?..

Хозяин города замялся. Ему очень бы хотелось выглядеть достойным исполнителем в глазах диктаторского окружения, однако риск угодить впросак связал несчастному язык.

– Я собираюсь готовить большую военную кампанию... – не дав ему открыть рта, Цезарь журавлиным шагом двинулся вперёд, и его свита поспешила следом.

Антоний, Поллион, Лепид, Дидий, молодой Квинт – племянник Цицерона – окружали диктатора плотным кольцом и ловили каждое его слово. Требоний выжидательно взглянул на своего спасителя. Альбин, сумев прочесть его вопрошающий взгляд, тихо шепнул:

– Пока всё спокойно... – он выразительно показал подбородком на широченную спину Антония.

Поднявшись на высокую террасу, важные гости по просьбе радушного хозяина сразу прошли в столовую-триклиний. От обильных яств и дорогих вин столы там буквально ломались...

Цезарь, прежде чем улечься на почётное место, пристально окинул это вызывающее великолепие, полушутливо попеняв хозяину:

– А ты нарушаешь мой указ! Причём – беззастенчиво...

Тот вытаращил глаза:

– Какой указ, Цезарь?!

– Против роскоши! – подхватил Антоний.

Свита диктатора угодливо захихикала. Пропретор покаянно склонил голову и развёл руками. Цезарь решительно опустился на ложе, жестом приглашая остальных. Требоний вслед за Альбином улёгся в самом конце застолья, а Поллион с Антонием расположились по обе стороны от Цезаря. И по всему чувствовалось, что диктатор явно благоволит к своему могучему соседу.

Требоний исподтишка бросал на консула внимательные, испытующие взгляды, но Антоний словно забыл о существовании бывшего наместника. Слуги разлили вино по кубкам...

– За долгожданную встречу! – бодро, стараясь заслужить одобрение победителей, провозгласил хозяин.

– И будущий триумф! – негромко поддержал его сам Цезарь.

Присутствующие исподтишка переглянулись. Требоний и Альбин опустили головы...

40

Кальпурния довольно удачно скрыла невольное разочарование. Нет, она не слыла женщиной чересчур темпераментной, и воздержание давалось ей легко и безболезненно, однако любая, самая призрачная возможность зачать ребёнка подталкивала её к вожденной близости.

Но, увы, и на сей раз Цезарь оказался несостоятелен. И, как любой оплошавший мужчина, стал жаловаться на жизнь и обстоятельства:

– Меня вдрызг вымотала эта бесконечная война!.. – худой и нескладный, он сидел на супружеском ложе, подтянув к груди острые колени, и бледная кожа на его икрах, локтях и предплечьях, казалось, отставала от мышц, как у ошипанного, подмороженного цыплёнка.

Кальпурния, завернувшись в простыню, неожиданно поделилась:

– А Клеопатра уехала к себе в Египет...

Диктатор оторопел. Этот внезапный поворот выбил его из колеи, но только на мгновение. Ему подумалось, что жена хочет избавить его от досадной необходимости пенять на бесчисленных недругов, бесконечные сражения, интриги, борьбу, склоки и, кстати, возраст... Он ведь давным-давно не юноша. И даже не зрелый мужчина...

– Уехала? Когда?.. – спросил он негромко.

– Погоди... – Кальпурния наморщила лоб. – По-моему, чуть не месяц спустя после твоей стычки с сыновьями Помпея...

Она вкладывала какой-то особый смысл в сказанное, и диктатор понял, что в её голове всё происходящее представляется странным и необъяснимым. Может быть, стоило рассказать ей обо всём подробнее и обстоятельней? И тогда она, вероятно, поймёт, почему он не может остановиться в своей битве за единоличную, ничем не ограниченную власть?

– А мальчик так похож на тебя! – лицо жены светилось любовью и обожанием.

– Какой мальчик? Ты о ком?!

– Твой сын. Цезарион...

Повторный удар окончательно вывел диктатора из равновесия. Он уже не знал, что ему думать и говорить. И потому решил отмолчаться. В нужные моменты выдержка ему никогда не изменяла.

– Я была у неё... – Кальпурния сделала многозначительную паузу. – И видела твоего сына...

Цезарь упорно молчал. И пытался понять – почему она так настойчиво упоминает о маленьком мальчике – сыне этой изворотливой гречанки? Он был далёк от мысли, что Кальпурния делает это намеренно, дабы излить на него свою ревность и тем самым уколоть его за мужскую беспомощность.

– Он такой же белокожий и голенаственный! – она ласково улыбнулась.

Диктатор насупился и потянулся за рубахой. Проворно мелькая локтями и коленями, быстро надел её и тут же собрался с духом, как будто защитил себя металлическим панцирем.

– А что тут подельвали Антоний с Долабеллой? – спросил он сухим, но взыскательным тоном.

Кальпурния на секунду смешалась, однако сразу пришла в себя:

– Антоний прогнал жену и сошёлся Фульвией, а Долабелла...

Цезарь перебил её:

– С какой Фульвией?

– Женой покойного Клодия... – несмотря на неожиданный поворот в разговоре, Кальпурния отнюдь не утратила к нему интереса. – Свою жену он приревновал к Долабелле... – она лукаво усмехнулась. – И они чуть не подрались... А потом он взял Фульвию...

– А что Долабелла?..

Супруга посерьёзнула:

– У Долабеллы умерла жена, – она опустила глаза, – при родах...

– Туллия умерла? – диктатор нахмурился. – Давно?..

– Где-то в феврале, – Кальпурния вздохнула. – Её мальчик, сын, тоже умер...

Цезарь вспомнил свою покойную дочь Юлию и отца Туллии, своего извечного недруга Цицерона...

– А что Марк Туллий?..

– Цицерон?..

Супруг молча кивнул плешивой головой.

– Он до сих пор не может прийти в себя! – в голосе женщины звучали нотки искреннего участия и соболезнования.

Все именитые люди Рима знали, что знаменитый оратор горячо любил свою дочь. Диктатор этим похвастаться не мог, но свою умершую жену – мать Юлии – никак не мог забыть. Для Кальпурнии это не было тайной, и потому она охотно прощала мужу все грехи, даже связь с экзотической царицей Египта.

– Я хотела договориться с ней... – после продолжительного молчания негромко сказала неудовлетворённая женщина.

– Договориться? С кем? О чём?.. – пожилой диктатор с трудом отвлекся от невольных воспоминаний.

– С Клеопатрой. О твоём сыне...

Сухое, морщинистое лицо Цезаря исказилось гримасой недоумения.

– Мне хотелось взять его на воспитание...

Тут супруг не выдержал:

– На воспитание? Но зачем?!

И столько откровенного непонимания, возмущения и протеста прозвучало в этом коротком слове, что Кальпурния растерялась. Она и сама не могла толком понять, для чего ей был необходим этот шаг.

Как любую женщину, её захватил какой-то водоворот горячих, смутных, но неподдельных чувств: любви, ожидания, нетерпения, надежды... Но разве можно внятно рассказать об этом? И кому? Неуёмному, беспокойному Цезарю, занятому лишь своими честолюбивыми помыслами...

Диктатор спустил ноги на пол, намереваясь встать. Он, конечно же, смог догадаться, что двигало устремлениями бездетной женщины, только её естественное желание вовсе не входило в его грандиозные планы.

Кальпурния опустила голову на грудь, всем своим видом выражая безмерную вину и раскаяние. Цезаря это подкупило – и вместо гневной, уничижительной тирады он хотел успокоить и даже приласкать несчастную женщину, но за стеной раздался настойчивый шум и голоса.

Диктатор встал и насторожился.

– Это отец, – ободряюще произнесла Кальпурния.

– Ну вот видишь! – Цезарь потянулся за плащом, и супруга сумела понять, что этой фразой он подвёл черту не только в их отношениях, но и в раскладе противоборствующих сил мировой столицы.

Несмотря на своё безусловное могущество, диктатор не принадлежал самому себе. А визит тестя вовсе не означал изъявление родственных чувств и привязанностей – Луций Кальпурний Пизон явился в дом к зятю как представитель определённой части сената.

И решать они будут не семейные дела и взаимоотношения, а глобальные проблемы римского государства. За этим Цезарь и покинул супружескую спальню.

А бедная женщина горько заплакала, ощутив своё полное, беспредельное одиночество и отчаяние...

41

И вот грянул триумф. Но ему радовались только отпущенники и рабы. Даже беднейшая часть городского плебса, всегда жадная до щедрых подачек и пышных, шумных зрелищ, воспринимала происходящее сдержанно и тупо. А подавляющее большинство римских граждан с осуждением и неприязнью смотрели на обильно накрытые столы, бесчисленные амфоры с вином, кровавые гладиаторские игры, пёстрые кучки шутов и мимов, кривлявшихся на каждом перекрёстке...

Неумолчный грохот бубнов и тимпанов, визг флейт, низкопробные, мерз-

кие шутки и телодвижения – то, что обычно заводило и подхлестывало людскую толпу, теперь вызывало только принуждённые усмешки.

Даже похабные куплеты, в которых высмеивался сам триумфатор, не веселили горожан. Впрочем, в этом не было ничего исключительного и странного – грязные песенки в манере «поругания» издавна существовали в римском обиходе...

Обзывать всякого человека «пронырой», «невежей», «наглецом», «тупицей», «насильником», «пропойцей», отнюдь не считалось чрезмерно оскорбительным. Неуёмная похвала, как и позорное поношение, охотно воспринимались окружающими...

Сам Цезарь и свита, слыша хлесткие, забористые частушки, в которых его величали то «мужем всех жён, то женой всех мужей», только снисходительно шурился, собрав в мелкие морщины худое остроносое лицо, а помощники диктатора старательно прятали улыбки.

Триумфатор был облачён в тунику, затканную пальмовыми листьями, поверх её топорщилась тяжёлыми складками вышитая золотыми нитями тога, целиком обзреть которую можно было лишь прижмутив веки от её нестерпимого блеска. Плешистую голову полководца кокетливо прикрывал лавровый венок. Кроме ближайшего окружения, Цезаря стерегла бдительная охрана, и число её доходило до двух тысяч дюжих гвардейцев.

Стоило ему появиться на римских улицах – и толпы людей, дотоле чувствовавших себя более-менее свободными, вдруг цепенели и замирали. Глядя на разнаряженного диктатора и его приспешников, жители вечного города ощущали беспокойство и тревогу.

Иногда из гущи народа прорывался одинокий верноподданнический выкрик: «Слава Цезарю! Да здравствует триумфатор!». Но был он столь фальшив и жалок, что хотелось плюнуть от досады...

Брут и Кассий, однажды став свидетелями подобной сцены, понимающе переглянулись, и последний не удержался:

– Вот позорище-то!.. А он будто ничего не замечает!.. Комедия...

Шурин скептически прищурился:

– Он выше всех людских оценок. Ему наплевать и на чью-то хвалу, и на любое порицание...

Кассий придвинулся ближе и понизил голос.

– А охраны-то сколько! – он вкрадчиво зашептал: – Теперь к нему точно не подберёшься...

Брут механически качнул головой, и зять поймал его сосредоточенный, пристальный взгляд. Поймал и проследил. Шурин всматривался в окружение диктатора. Там среди ближайших помощников почти затерялась фигура Требония. Бывшего наместника теснили собой плотные, массивные тела Антония и Долабеллы.

– Среди них ему не пробиться, как ни старайся! – негромко съязвил Кассий.

– Цезарь, между прочим, назначил его своим ближайшим коллегой по консульству... – двусмысленно ответил Брут.

Зять эту двусмысленность враз переварить не смог. С одной стороны она означала, что диктатор сделал Требония своей правой рукой, что крайне опасно для заговорщиков: а вдруг тот их выдаст? Такое ведь не раз случалось. Но если всё останется по-старому – тогда им это только на руку. Он вопросительно взглянул на шурина.

Брут его успокоил:

– Требонию можно доверять. Он от своего не отступится...

А вокруг сдержанно шумело помпезное торжество. Вольноотпущенники и рабы, пользуясь попустительством своих хозяев, решивших на дармовщину накормить и напоить своих слуг, слонялись от стола к столу, без удержу пили и ели, опорожняли в сторонке свои мочевые пузыри и желудки, и вновь налегали на свинину, дичь, рыбу, овощи и фрукты, запивая всё кувшинами красного вина...

Это был уже пятый триумф, отмечаемый Цезарем. Предыдущие четыре происходили в традициях римской республики, как того требовали её законы и обычаи. Полководец, разбив армии закоренелых врагов Рима, имел полное право отпраздновать свои выдающиеся победы всенародным ликованием...

Цезарь когда-то блистательно воевал в Галлии, завоёвывал Британию, усмирял Испанию, и потому с разрешения сената получал возможность проведения пышных торжеств. Нынешнее же событие происходило вопреки всему. Даже последний городской нищий знал, что диктатор разбил и наказал не галлов, бриттов и германцев, а сыновей Великого Помпея и тех римских граждан, которые сражались за республику. Причём всё происходящее свершалось без прямого указания сената, а лишь с ведома самого диктатора.

– Хорошо ещё, что он не провёл по улицам закованных в цепи римлян!.. – негромко и с некоторой опаской произнёс пожилой горожанин, оказавшийся рядом с Кассием и Брутом.

Оба патриция с одобрением посмотрели на него. Скрытое осуждение, прозвучавшее в словах случайного соседа, удовлетворило заговорщиков.

Все прекрасно помнили, как праздновался галльский триумф полководца, когда по улицам «вечного города», натужно и пронзительно скрипя, катились тяжёлые повозки с горами вражеских доспехов – мечей, копий, щитов, шлемов... А следом везли горы награбленного добра: золотые и серебряные украшения, кубки, чаши, жертвенники, амулеты...

Замыкали шествие пленённые галлы, одетые в истлевшие лохмотья, с колтунами давно не мытых волос, со свалывшимися бородами, закованные в гремящие цепи...

Предводитель воинственных варваров, достойный противник Цезаря Верцингеторикс, признав превосходство римского полководца и добровольно сдавшись в плен, сидел в оковах на тряской тележке и не поднимал головы. А вокруг неистово вопила, реготала и бесновалась римская чернь...

И доблестный галльский вождь жалел об одном: зачем после битвы под Алезией он не наложил на себя руки?! Хуже, гаже и омерзительней того, что происходило вокруг, могла быть только жизнь в отхожей яме.

А в конце торжества его публично удавили, как бешеного, шелудивого пса...

Поллиону никак не удавалось взять в руки свой дневник и привести в порядок множество сумбурных, противоречивых мыслей и впечатлений. Особенно после пышного триумфа, устроенного Цезарем. Молодой легат отметил, что многодневное торжество было встречено римлянами весьма прохладно, если не сказать хуже...

Даже ближайшие помощники диктатора – Требоний, Лепид, Антоний, Альбин, Долабелла – старались как можно реже бывать на публике, дабы не мозолить всем глаза. Они словно стеснялись своего участия в происходящем. И только Цезарь ничего не замечал.

Он неожиданно приблизил к себе своего внучатого племянника Октавия и частенько появлялся с ним на людях в своей тоге триумфатора, с лавровым венком на плешивой голове. Многие отмечали, что юный племянник чем-то похож на дядю: то же бледное, вытянутое лицо, худоба и довольно высокий рост...

Поллион с затаённой ревностью наблюдал родственную пару и однажды, не сдержавшись, проговорился Дециму Альбину:

– Не слишком ли часто наш патрон принимает этого юнца?..

Собеседник пристально взглянул на него, проницательно усмехнулся и охотно растолковал:

– Это такая тактика, дорогой мой! Наш властелин никогда не приближает к себе всерьёз и надолго. Ни меня, ни тебя, ни Антония, ни Долабеллу... И у бедного Октавия та же судьба. Цезарь позабавится с ним, пока не надоест...

Поллион возражать не стал. В словах приятеля скрывалась безусловная, огорчительная правда. Но кое-что в его словах всё-таки смущало.

– Погоди, а Требоний?..

– Ну что Требоний? – парировал Альбин. – Тебя удивляет, что его сделали самым ближайшим помощником?..

Легат согласно кивнул головой. Альбин почему-то сбавил тон:

– Но ведь и Брута он назначил главным претором... – приятель сделал многозначительную, весомую паузу, которая не нуждалась в объяснении.

Любой римлянин понимал: если диктатор поставил своего главного недруга следить за исполнением законов и общественного порядка в «вечном городе» – значит, он не желает дальнейших кровопролитий. Хотя кто знает. Возможно, тут таится какая-то хитроумная интрига...

Поллион давно заметил, что сам Альбин не слишком нуждается в расположении их любимого полководца, иногда позволяя себе ироничные и далеко не лестные замечания в его адрес. Легат объяснял это тем, что его приятель когда-то крепко обиделся на Цезаря. Тот, следуя своей обычной «тактике», вначале приблизил, а затем отдалил его. Вот и результат...

Альбин дружески потрепал собеседника по плечу:

– Успокойся! Наберись сил и терпения, – он заговорщицки подмигнул приятелю, – возможно, нам это скоро понадобится...

Поллион сотворил непонимающее лицо:

– Вот как? Зачем?..

Собеседник как-то двусмысленно развёл руками, словно не находя слов:

– А война с парфянами? Кто должен отомстить этим злым варварам за смерть незабвенного Красса?! Не мы ли?..

Это выглядело и смешным, и чуточку издевательским. Поллион с трудом удержал улыбку, однако приятель добавил почти серьёзно:

– Опять же – как быть с каналом через Коринфский перешеек и с водами Тибра?.. А ещё он хочет осушить болота вблизи Помптии...

Легат согнал с лица улыбку. Грандиозные планы диктатора казались воистину беспримерными и трудновыполнимыми. Кроме военного похода, должного разгромить и подчинить все ныне существующие страны и народы, Цезарь задумал пересечь каналом полуостров Пелопоннес в самой узкой его части, именуемой Коринфским перешейком...

Он полагал, что греки станут ему безмерно благодарны за этот царский подарок – из Адриатического моря можно будет попасть в море Эгейское, сократив несколько дней пути. И мало того – заботливый триумфатор не забыл своих отечественных мореходов – он решил отвернуть от «вечного города» воды Тибра и, прорыв канал длиною в шестьсот стадиев, заставить реку впадать в море вблизи мыса Цирцеи.

Там будет гораздо удобнее принимать свои и чужеземные суда. Но для этого ещё нужно осушить обширнейшие болота, в которых когда-то едва не утонул его знаменитый дядя – удачливый полководец Гай Марий.

Честно говоря, и самому Поллиону временами думалось, что все эти захватывающие планы и перспективы едва ли осуществимы, однако молодое поколение, к которому принадлежал юный Октавий и племянник Цицерона Квинт, с восторгом и обожанием внимали каждому слову диктатора. И были готовы самозабвенно следовать за ним всюду.

– А кто будет всё это проводить в жизнь? – будто подслушав его мысли, пожал плечами Альбин. – И воевать, и копать каналы, и осушать болота?..

Поллион опустил голову, опасаясь, что собеседник прочтёт ответ в его глазах. Он знал: согласно последней переписи, проведённой по указу Цезаря, население римской республики сократилось почти наполовину. Таков был печальный итог многолетней гражданской войны...

– Можно, конечно, надеяться на то, что мы одолеем парфян, – негромко и с затаённой грустью продолжал Альбин, – возьмём, к примеру, сотни тысяч пленных, превратим их в рабов... – он тихо сплюнул, – и заставим рыть каналы, мостить собственными костями болотную трясины...

Собеседник молчал.

– Ты помнишь то утро? После боя под Мундой?.. – голос у Альбина неожиданно потускнел.

Поллион искоса посмотрел на него и едва заметно кивнул головой.

– А я почти каждую ночь вижу его во сне... – приятель произнёс это едва слышно, словно тайное признание, вырванное под жестокой пыткой.

Легат внутренне содрогнулся, понимая, что не ранний восход солнца грезился его собеседнику по ночам, а бескрайнее поле, усыпанное мёртвыми те-

лами, и тучи огромных, мерзких стервятников, безжалостно и жадно терзающих бездыханную плоть...

– Но он сам постоянно рискует своей жизнью... – негромко возразил Поллион, как бы отгоняя от себя мучительные, тягостные воспоминания. – И под Мундой он сражался наравне со всеми. И с тобой, и со мной...

Альбин прерывисто вздохнул – то ли невольно соглашаясь с приятелем, то ли не найдя слов для возражений. Поллиону же показалось, что собеседник всё-таки солидарен с ним.

– Верим мы этому или нет, – произнёс он убеждённо, – но Цезарь – великий человек. Наверно, самый великий в человеческой истории. Ведь так?..

Альбин быстро взглянул на него, и молодому легату показалось, что в глубине его тёмных зрачков сверкнули ожесточение и протест. Сверкнули и пропали...

43

Все мужчины были недовольны друг другом, но тщательно скрывали это. И в глубине души искали главного виновника неудачи. И как-то само собой получалось, что им оказался Марк Юний Брут.

А он сам, почувствовав общий опасный настрой, окинул скептическим взглядом гостей и произнёс с ироничной усмешкой:

– Вот я перед вами. Можете сорвать на мне свою злость!..

Кассий возмущённо запротестовал:

– При чём здесь ты?! – он перевёл дыхание. – Лучше скажи, что нам делать дальше!..

Тиллий Цимбер простодушно ухмыльнулся:

– Это ты спрашиваешь у главного претора?.. Он же отвечает за порядок в столице!..

Брут слегка помрачнел, но на помощь ему пришёл Требоний:

– Цезаря охраняют сотни гвардейцев. И даже я не могу остаться с ним наедине...

Тут в разговор вмешался бывший шурин диктатора Корнелий Цинна:

– Значит, наш хваленый храбрец дрожит за свою шкуру. Раньше за ним такого не наблюдалось!..

Собравшиеся примолкли. Каждый невольно задумался о своём участии в предполагаемом покушении. Убить диктатора во время триумфа оказалось невыполнимым – к нему невозможно было подступить. Даже Требоний, став его правой рукой, не смог бы этого исполнить.

– Тут не должно быть промашки... – словно оправдываясь, заговорил он, почувствовав, что соучастники мысленно сошлись на его кандидатуре. – Его нужно кончать сразу и наверняка!..

– С этим никто не спорит, – Брут с готовностью поддержал его, – второй попытки уже не будет! – Он с лёгкой улыбкой окинул взглядом своих гостей.

– Её просто некому будет совершить...

Присутствующие опустили головы, прекрасно поняв намёк хозяина. В атриум вошёл слуга:

– Патрон, к вам пришли...

Брут колебался ровно минуту:

– Ладно. Пусть заходят...

Гости попытались сотворить отсутствующие, равнодушные физиономии, делая вид, что собрались здесь случайно. В зал вошли двое – Децим Альбин и Квинт Лигарий. Хозяин быстро поднялся и дружески обнял каждого. Появление Лигария ни у кого не вызвало подозрений, а вот Альбин...

Но Требоний и сам Брут успокоили остальных:

– Всё в порядке. Это свои. Проходите, садитесь...

Кассий тут же подсел к помощнику диктатора:

– Ну, что? Как там дела у нашего припадочного?..

Альбин скупо улыбнулся:

– Он разбух от невероятных планов. Совсем как беременная женщина...

Сообщники обменялись понимающими, издевательскими, ядовитыми взглядами...

– Вот только едва ли их можно воплотить! – подхватил Требоний.

Присутствующие согласно закивали головами. Любой из них и вправду считал, что все обширные, грандиозные замыслы диктатора – бред больного воображения. Их нелепость и смехотворность очевидны, но могут найтись бойкие, жадные, легковверные люди, тот же вечно голодный римский плебс, который охотно поддержит бредовые фантазии триумфатора. И тогда...

– Чьими руками он собирается всё это делать? Неужели нашими?.. – Брут высказал вслух то, что у большинства собравшихся вертелось в голове.

– Вот именно!.. – недобро усмехнулся Цинна.

Альбин, вспомнив свой недавний разговор с Поллионом, сказал вполне определённо:

– Для этого он и собирается воевать с парфянами...

На лицах у заговорщиков появилось недоумение и, заметив его, Альбин попытался выразиться яснее:

– А победив парфян, он возьмёт уйму пленных, трофеи и прочее добро...

В дальнейших подробностях сообщники уже не нуждались. Каждый из них был знаком с военной наукой: римские законы требовали, чтобы все граждане мужского пола умели держать в руках оружие. У кого-то это получалось лучше, у кого-то хуже...

Окинув внимательным взглядом сообщников и сумев определить цену их зловещего молчания, Альбин присовокупил:

– А ведь под Мундой, по его словам, он сражался даже не за победу, а за собственную жизнь!.. Я тому свидетель...

И тут общее негодование охватило собравшихся.

– Этому когда-нибудь придёт конец?! – Кассий в неистовом порыве воздел руки с крепко стиснутыми кулаками.

– Нет, каков негодай! – покрутил головою Цинна.

– Настоящий кровопийца! – охотно согласился Лигарий.

– Люди для него – мусор... – вздохнул Цимбер.

– Иного я от него и не ждал... – мрачно подтвердил Требоний.

И только Брут явно не спешил выражать эмоции. А когда гости вволю пошумели и тем облегчили душу, хозяин произнёс глубокомысленно:

– Цезарь верен себе... – он посмотрел в сторону Требония. – Ты это верно заметил – иного от него не дождётся! – Брут немного помолчал. – А целый мир, который он собирается завоевать? Об этом вы не забыли?!

Гости безмолвствовали. Вероятнее всего, им было нечего сказать. И в сердце у каждого шевелилось пусть крохотное, но опасение – а вдруг диктатору и в самом деле удастся покорить Вселенную? Что тогда?.. Сколько возможностей и благ потом прольётся на Рим? Особенно на тех, кто был рядом с победителем...

– Опций и Бальб уже приготовили мешки для золота и жемчуга!.. – криво усмехнулся Цинна, имея в виду тайных подручных Цезаря.

Брут, заметив несколько притухшее настроение заговорщиков, спросил неожиданно:

– А что Секст?..

Цинна, как всем известно, был женат на дочери Великого Помпея, и её младший брат приходился ему шурином.

– Секст в Африке собирает флот, – ответил он твёрдо.

Эта весть подбодрила окружающих.

– Отлично, – одобрительно заметил Требоний, – это очень удачный ход. Цезарю на море всегда не слишком везло, если не сказать хуже...

Альбин слегка улыбнулся:

– Я помню, перед Фарсалом Помпей гонялся за нами по Адриатике, как ястреб за утками!.. Только чудо нас спасло, ей-богу!..

Брут, Кассий и Лигарий невольно отвели взгляды – тогда они не сумели закрепить успех и вырвать желанную победу. А их недавние враги теперь сделались ближайшими союзниками. Но что было бы, если бы всё случилось наоборот? Заметив эту неловкую паузу, Цинна пробурчал неуклюже:

– Ну, хватит воспоминаний! Не до них теперь... – толстяк повернулся к Альбину. – Когда он собирается идти на парфян?..

Все насторожились, понимая, что им выпадает, по всей вероятности, последний шанс. Однако Альбин несказанно их удивил и озадачил:

– Но для начала должно произойти всеобщее пышное увеселение...

– Какое?! Новый триумф?! – возмутился Кассий. – Но он уже был! Сколько можно?!.

– Нет, – Альбин удержал улыбку. – Всеиталийское торжество. Праздник всех италийских городов...

Изумление, безмерное негодование, бурный протест, охватившие кучку заговорщиков, невозможно передать. Брут даже сделал предостерегающий жест рукой, дабы на всякий случай унять расходившихся гостей.

Если Цезарь своими ошеломляющими поступками мечтал возбудить все кровожадные человеческие чувства, то здесь он мог бы увидеть их воочию. Его недоброжелатели кипели от ненависти и злобы...

Одно из ближайших доверенных лиц диктатора, его помощник в самых тайных и сокровенных делах – Луций Бальб – не был ни патрицием, ни плебеем. Больше того – он даже не являлся прирождённым римлянином, а появился на свет в Дальней Испании, в городишке Гадес, куда судьба занесла в своё время Гая Юлия Цезаря, только-только начинавшего государственную службу.

Молодой тридцатидвухлетний квестор, должный снабжать мировую столицу зерном и фуражом, как-то заметил юного разбитного кельтибера, готового ко всяческим услугам, и пристроил его на должность руководителя местных ремесленников и подённых рабочих.

Для римлян это была привычная практика – стараясь расположить к себе покорённое население, они набирали из его среды верных помощников и позволяли им делать успешную карьеру. Бальб для этой роли подходил вполне – не случалось такой самой чёрной и грязной работы или таких обстоятельств, которых он не сумел бы выполнить, либо разрешить. Даже сам Цезарь, будучи по натуре интриганом и авантюристом, часто удивлялся тому, как ловко юный испанец обстрепывал невероятно запутанные и тёмные делишки...

С помощью Бальба молодой квестор успешно выполнил возложенные на него обязанности и смог завидно обогатиться. А дальше они уже не мыслили жизни друг без друга. Пробивному испанцу даже не пришлось умолять своего покровителя, чтобы тот не оставил его своей милостью. Карьера Цезаря шла неудержимо в гору, и Бальб, оставаясь в тени своего благодетеля, устремился за ним, как рыба прилипла, намертво прильнувшая к брюху акулы.

Три года спустя, уже в должности эдила, Цезарь должен был организовать народные увеселения. И здесь он превзошёл всех своих предшественников: обильные угощения, громкая музыка, театральные представления, вино лилось рекой. Рекой лилась и кровь – в цирке выступало триста двадцать пар гладиаторов – такого мощного кровопускания Рим ещё не видел!..

Будущий блистательный полководец словно репетировал свои грядущие шумные победы, в которых потом полегли сотни тысяч противников и собственных граждан. А римляне, упоённые и вином, и кровью, до небес перевозносили щедрого устроителя, сумевшего потрясти их и ублажить...

Праздник латинских городов, который вздумалось провести диктатору, конечно же, не мог состояться без Бальба. Закулисный пособник Цезаря распорядился денежными затратами и расписывал роли всем участникам, вплоть до самого главного.

Он уговорил триумфатора не снимать расшитую золотом тогу и лавровый венок. Его неусыпными стараниями сенат поднёс Цезарю титул «Отца отечества», которым награждали самых выдающихся людей, оказавших неоценимые услуги государству. В честь воинских побед полководца было решено возвести храм...

По совету пронырливого испанца, задумавшего придать всем поступкам диктатора некую добрую традиционную патриархальность, общеиталийский праздник состоялся отнюдь не в Риме, а в Альба-Лонге – одном из старейших

городов Апеннинского полуострова. И туда съехались делегации из многих уголков Италии.

Этот городок, расположенный на склоне Альбанской горы, имел для римлян символическое значение: здесь родились близнецы Ромул и Рем – основатели могучего государства. Их взросление, возмужание и постоянное соперничество, как известно, закончилось трагедией – Ромул убил Рема, что не помешало убийце заложить будущую мировую столицу, стать её первым хозяином и величайшим национальным героем.

Стоял январь – месяц, посвящённый древнейшему латинскому богу Янусу, «богу богов» по выражению римлян. Он был двуликим – на геммах и монетах один его профиль смотрел направо, другой – налево, но это вовсе не значило, что он думал одно, а говорил другое. Просто один его взгляд был устремлён в будущее, а другой – в прошлое. Божество было двуликим, но не двуличным. Оно не пыталось лгать, а стремилось увязать в единое целое все начала и все концы...

В Альба-Лонге сохранилось древнее святилище, посвящённое Богу богов. Здесь собрались представители всех италийских племён – латинян, этрусков, марсов, умбров, вольсков, самнитов... Многие ещё помнили и принимали участие в Союзнической войне, вспыхнувшей полвека назад и длившейся два года. Рим тогда оказался в кольце восставших – они хотели свергнуть его владычество, уравнивая себя в правах с гражданами «вечного города».

В конце концов им это удалось. Отец Великого Помпея – Помпей Страбон, консул и главнокомандующий римской армией, провёл в сенате закон, дающий право полного гражданства всему населению Италии. Любой её свободный житель, будь он этруск, умбр, вольск или самнит, мог избираться в трибуны или сенаторы, вплоть до самого консула. И война закончилась миром...

Но продолжался он недолго – началась ожесточённая битва с понтийским царём Митридатом. А затем разразилась непримиримая кровавая схватка между Марием и Суллой, с победой последнего. И в ход пошли знаменитые «проскрипции». Не только Рим, но вся Италия оцепенела от страха...

Однако, слава Богам, оцепенение оказалось скоротечным – Сулла сам отрёкся от власти и вскоре умер. Но война за пределами страны не утихала – юный Помпей, маститые Лукулл, Метелл и Марций вели победоносные сражения в Африке, Малой Азии, Испании... Римские легионы сокрушали чужие стены, судьбы и жизни по всему Средиземноморью, стремясь повсюду установить свой порядок...

А в собственной стране всё шло более-менее спокойно и мирно, если бы не внезапное восстание гладиаторов, рабов и пастухов во главе с отважным Спартаксом. Римская республика угрожающе заколебалась. Знаменитый толстосум и незадачливый полководец Марк Лициний Красс едва не покрыл своё имя несмываемым позором, безуспешно гоняясь за мятежниками и терпя неудачу за неудачей...

И, не случись своевременной поддержки Помпея и Лукулла, Спартак наверняка ушёл бы от полного поражения. Но славе римского оружия ещё не пришёл конец, и бедная Италия всё-таки сумела зализать свои кровотокающие

раны, а её отважные сыны смогли продолжить войны в Малой Азии, Иудее, Испании...

Вот тут и взошла звезда Гая Юлия Цезаря. Его блистательные победы в Галлии заставили померкнуть славу Великого Помпея. А двери храма Януса в Риме и в древней Альба-Лонге были постоянно распахнуты настежь, а это значило, что войнам нет и не будет конца. Однако сейчас они были слегка притворены...

Все, кто прибыл на грандиозный праздник, терпеливо ждали диктатора. Его заботливые устроители, а больше всех – Луций Бальб, старались из последних сил, дабы небывалое торжество выглядело пышным, красочным и непринуждённым. А его счастливые участники должны были олицетворять собой нерушимое единство народов Италии, её отвагу, мужество и честь...

Только упорное, какое-то необъяснимое безмолвие многотысячной толпы наводило всех официальных лиц, среди которых, кроме Бальба, находились Требоний и Альбин, на нехорошие мысли. Наконец появился сам Цезарь. В кольце внушительной охраны, в золотой тоге и лавровом венке...

На голову возвышаясь над свитой, он пристально оглядывал собравшихся и, по всей видимости, недоумевал. Непостижимое, тревожное, зловещее молчание тысяч людей беспокоило его. Как человек, привыкший повелевать и действовать, он знал цену подобному безмолвию, способному неизвестно чем разрешиться...

И вдруг среди всеобщего оцепенения раздался одинокий выкрик:

– Да здравствует наш доблестный царь!..

Оглушительная тишина, следом упавшая на людские головы, вот-вот была готова взорваться неистовыми ликующими воплями, но их пресёк гневный возглас диктатора:

– Я не царь, а Цезарь! Вы слышите?! Це-зарь!.. И запомните это!..

– А-а-а!.. – бесновалось многотысячное разноплеменное сборище.

Требоний, уже смещённый с высокой должности, осторожно толкнул в бок Альбина. А главный устроитель славного торжества – Луций Бальб – недовольно морщился. Финал грандиозного, символического праздника, должного объединить все племена в единую, сплочённую, великую семью, вопреки всему, получился двусмысленным и скомканным...

45

– И, значит, ты не будешь на заседании сената? – Децим Альбин с обезоруживающей улыбкой смотрел в лицо собеседника.

Поллион пожал плечами:

– Я думаю, обойдутся без меня... – легат вздохнул. – Нужно как следует собраться. И с мыслями тоже...

– Это верно, – согласился Альбин, – путь тебе предстоит нелёгкий. А служба и больше того...

Кроме них, в комнате находился третий – юный Квинт Цицерон, всегда

пребывающий если не близ диктатора, то рядом с его ближним окружением.

– Я могу только пожелать тебе успеха! – Альбин искренне обнял приятеля.
– Ведь Дальняя Испания угомонится не скоро... – произнёс он с неуловимым подтекстом.

– Но Цезарь же разбил мятежников! – запротестовал Квинт.

Приятели понимающе переглянулись и молча пожали друг другу руки. В комнату заглянул Требоний.

– А-а, вы здесь! – он быстро приблизился к молодому легату, на ходу напутствуя его: – Всех тебе, как говорится, благ. И удачи!.. – бывший наместник почему-то посмотрел на Альбина, и тот мгновенно подхватил:

– Раз он занимает твоё место – пусть ему повезёт больше, чем тебе!..

Не только Поллион, но и юный Квинт почувствовал, что в этих словах скрывается какой-то тайный намёк. Однако внешне всё выглядело вполне благопристойно. Бывший и нынешний наместники в Дальней Испании крепко обнялись, пожали друг другу руки...

– Жаль, что не удалось выпить на прощание! – с сожалением воскликнул Альбин, словно предчувствуя, что несколько месяцев спустя они станут заклятыми врагами и будут яростно воевать один против другого.

– Даст Юпитер – выпьем за встречу! – неунывающе воскликнул Поллион и направился к выходу, сопровождаемый юным Квинтом.

Заговорщики внимательно смотрели им вслед, и стоило двери наглухо закрыться, как бывший наместник с сожалением заметил:

– Неплохой малый этот легат!..

Альбин нехотя согласился:

– Неплохой. Только чересчур предан...

– Диктатору? – Требоний усмехнулся. – Мы все этим когда-то грешили. Кто-то больше, кто-то меньше...

Собеседник пересилил себя:

– Было. Не спорю...

– Но эта болезнь проходит с возрастом! – Требоний ободряюще потрепал его по плечу. – Посмотри-ка на племянника Цицерона. Тот в Цезаре души не чаёт. Мальчишка!..

И только Альбин хотел кое-что прибавить, как в дверях показался Луций Бальб. Увидев двух сенаторов, из которых один ещё совсем недавно был ближайшим заместителем диктатора, он недоуменно спросил:

– А вы разве не идёте на заседание?.. Между прочим, уже пора...

– Куда? – простодушно любопытствовал Альбин. – Оно же будет здесь, в курии...

Бальб озабоченно покачал головой:

– На сей раз все собрались на Форуме, возле ростр. Цезарь уже прибыл...

Требоний и Альбин недоуменно переглянулись, а Бальб подозрительно окинул обоих, что-то буркнул себе под нос и скрылся.

– Вот чёртов кельтибер! Всё вынюхивает... – проворчал Требоний.

Альбин сдержанно усмехнулся:

– А у него холуйство с годами не проходит, скорее наоборот!..

– У Бальба? – Требоний насупился. – Он же родился слугой и рабом. Чего ты хочешь от него?..

Собеседник взял его за локоть:

– Ладно. Пойдём. А то этот гнусный прихвостень чего-нибудь заподозрит. Ты заметил, как он на нас воззрился?..

Требоний угрюмо качнул головой, и оба заговорщика, поправив свои сенаторские тоги, покинули здание курии. Но стоило им оказаться на просторной площади и направиться в сторону ростральных колонн, как впереди замаячила фигура пронырливого испанца.

– Ишь, понёсся! Пятки мелькают, как у собаки! – хмыкнул Требоний.

– Спешит облизать руку хозяину! – Альбин кивком головы показал в направлении наспех сколоченного деревянного возвышения, похожего на пьедестал, на котором восседал в своей золотой тоге сам диктатор.

Ниже стояло тесное оцепление, а вокруг толпились сотни зевак...

– Он собирается выступить? – предположил Альбин.

Его спутник раздражённо пожал плечами:

– Всё возможно. Он теперь распоряжается всем!..

Бальб между тем рысью поднялся по ступенькам и встал за спиной Цезаря, а рядом с ним возникла внушительная фигура Антония. Требоний и Альбин не спеша приблизились к толпе горожан.

Жадная до любых зрелищ римская публика за прошедшие полгода уже несколько пресытилась, и потому на площади были свободные места. Альбин заметил среди зевак Брута и Кассия, однако не подал вида. То же сделал и Требоний – в целях конспирации.

Они стояли сбоку от помпезного возвышения, на котором в роскошном кресле восседал пожизненный консул, и он, конечно же, не мог видеть всех собравшихся – в его положении это было совершенно невозможно. Гай Юлий Цезарь походил на собственное изваяние – в лавровом венке на лысеющей голове и со взором, устремлённым поверх людей...

Бальб наклонился к его уху и что-то шепнул. Диктатор заметно напрягся. Требоний и Альбин проследили за его взглядом, и в толпе зевак пронеслось едва заметное, но осязаемое движение. Все повернули головы...

От величественного храма Юпитера тихо шествовала группа сенаторов. Впереди шагал самый родовитый патриций – Публий Сервий Исаурийский, четыре года назад бывший коллегой Цезаря по консульству. Чуть сзади выступали Фуфий Кален, Публий Ватиний, бывший шурином диктатора Корнелий Цинна, его нынешний тесть Кальпурний Пизон и ещё десятка два важных должностных лиц...

Вид у делегации был солидный и торжественный: в белёных тогах с пурпурной каймой они походили на стадо белых гусей, однажды спасших Рим. Воспитанные в духе отеческих традиций, все, собравшиеся на площади, ощутили в душе благоговейный трепет и желание склонить головы перед этим потрясающим шествием...

Видимо, почувствовал это и Цезарь. Спина его выпрямилась, дрогнул под-

бородок, но на плечо диктатора легла ладонь недремлющего испанца. И Цезарь остался сидеть...

На площади разразилась лёгкая паника. Она казалась внешне незаметной – только вздохи и невнятный шепоток, словно порыв весеннего ветра пронёсся по головам и сник. Сенаторы замерли в нескольких шагах от подиума. Они смотрели на диктатора, он – на них...

Требоний с Альбином не помнили, сколько минут продолжалась эта бессловесная дуэль. Не заметили этого Кассий и Брут. Толпа вокруг оцепенела...

Родовитый аристократ Сервилий Исаврийский, не вынеся унижения и позора, круто повернулся, и вместе с ним, как по команде, развернулись все сенаторы, и строгая торжественная делегация, будто преследуемая бранью и проклятиями, понеслась назад в направлении храма. Теперь они и в самом деле напоминали встревоженных птиц, гонимых прутьем пастуха...

Площадь онемела. Даже невозмутимые гвардейцы, должны охранять особу диктатора, не обращая внимания ни на что вокруг, невольно оторопели. Граждане римской республики, за пять столетий сумев сохранить уважение к своему главному законодательному органу и его представителям, впервые видели такое!..

Сам Цезарь, казалось, растерялся. Он неловко заёрзал в роскошном кресле, вытянул длинные ноги и уронил голову к левому плечу. Бальб и Антоний дружно захопотали над ним.

А толпа стала молча расходиться. Ведь никто не думал и не предполагал, что диктатор сорвёт очередное представление – ему должны были вручить ещё дотоле неслыханные почести...

46

Конец января и начало февраля стояли завидно тёплыми, и жителям Вечного города казалось, что в воздухе запахло весной...

– Смотрите-ка, – делились друг с другом пожилые люди, – даже времена года подчиняются Цезарю! Ведь февраль – это «очиститель»!..

Среди всех мероприятий, осуществлённых диктатором, произошла и реформа календаря. Более точный подсчёт времени позволил исправить давние ошибки, накопившиеся за столетия. Теперь соответствовал своему назначению каждый месяц.

А в середине февраля справлялся праздник Луперкалий – один из самых древнейших и почитаемых. Его начало, как полагали римляне, относилось к самим Ромулу и Рему. И тут сам Цезарь, многое изменивший, приведший в порядок или упразднивший совсем, не мог на него посягнуть. Хотя этот нескончаемый разгул, буйство, невоздержанность, бесстыдство погружали мировую столицу в пучину порока и вакханалии. Но что поделаешь – над неукротимой человеческой природой не властны даже диктаторы!..

В отличие от соседей-греков, римляне считали наготу безнравственной, однако в Луперкалии появление на улицах Рима совершенно голых юношей

с косматыми плётками в руках отнюдь не считалось нарушением всех правил приличия! Больше того – многие женщины, страдавшие бесплодием, сами выбегали из домов, чтобы угодить под хлесткие удары...

Но заговорщики, вновь собравшись на загородной вилле Брута, заметно приободрились. Скандал с представителями сената, произошедший на глазах сотен людей, прибавил им сил и уверенности. Бывший шурин диктатора Цинна, идя в составе делегации и пережив этот несмыслимый позор, охотно принимал знаки общего участия и поддержки.

– Нет, его наглость переходит всякие границы! – брызгал слюною Кассий.

Требоний кисло улыбнулся и прибавил:

– А на следующий день он стал распускать слухи, будто с ним случился припадок!..

– И что? – не выдержал Брут.

– И потому он якобы не мог встать навстречу сенаторам! – с ехидцей пояснил Альбин.

Требоний поддержал приятеля:

– Встать не мог, но через несколько минут пошёл домой на своих ногах! Без всякой посторонней помощи. Лицемер!..

Брут, внимательно окинув взглядом сообщников, убеждённо отметил:

– Но всё-таки это его явно беспокоит... – он скупно улыбнулся. – Если распускаются такие слухи – значит, у него не всё в порядке!..

Присутствующие помолчали. Замечание главаря было справедливым, однако не на всех оно произвело одинаковое впечатление. Кто-то хмуро качнул головой, кто-то снисходительно усмехнулся, кто-то равнодушно пожал плечами...

– Завтра, между прочим, Луперкалии, – неожиданно вспомнил Кассий.

– И что? – покосился на него Цинна.

Но тут в разговор вмешался ещё один заговорщик – Публий Каска:

– Отличный повод! – в глазах крепкого молодого мужчины засверкали дерзкие, решительные огоньки. – А что, если...

Собравшиеся живо представили себе такую картину: кто-то из них, допустим, Каска (или его раб), пряча в руке вместе с плёткой кинжал, подбегает к Цезарю. А тот, ничего не подозревая, шутиливо уклоняется, и заговорщик...

– Нет! – почти одновременно вскинулись Брут и Требоний. – Ничего не выйдет...

Они вопросительно взглянули друг на друга, и бывший наместник бросил:

– Его там может не быть!..

– А если будет – через охрану не продерёшься! – подхватил Брут.

В этом был очевидный резон. Заговорщики опустили головы. Самый солидный и рассудительный из них – Корнелий Цинна – процедил с усмешкой:

– Остаётся один выход – отравить!..

Собравшиеся уже были готовы разрешиться общим вздохом облегчения. И вправду – зачем они так долго ломали головы?! Спорили, искали варианты... Ведь есть самый простой и действенный способ – подлить тирану яду в бокал – и никаких хлопот!..

– Нет! – решительно отрубил Брут. – Нам это не годится... – Он твёрдо посмотрел в лица сообщников. – Тиран должен быть поражён мечом или кинжалом. Рукой свободного гражданина...

Заговорщики не посмели возразить.

А назавтра начались Луперкалии. С раннего утра весь Рим походил на огромную, обезумевшую арену, по которой носились нагие, в поту и пыли, юноши и молодые мужчины, воображая себя фавнами и сатирами. Ревя, гогоча и высоко подпрыгивая, они старались догнать молодых женщин и смаху огреть их косматой плетью...

А те, делая вид, что смертельно пугаются и протестуют, тем не менее, охотно выбегали на улицы, желая встать на пути нагих, разгорячённых, неистовых смельчаков, подставляя своё тело под размашистые, хлёткие удары... А самые отчаянные и безрассудные рисковали им тут же отдаться. Ходило поверье, что тем самым они излечиваются от бесплодия.

Это было какое-то общее помешательство, забвенье всех норм и обычаев, когда люди в канун весны обращаются в быков, жеребцов и козлищ...

Всесветная вакханалия началась с окраин Вечного города и постепенно подобралась к центру. К Капитолийскому холму. Но по мере приближения весь её размах и разнузданность несколько смягчились – уже не наблюдалось грубых и откровенных сцен, на юношах красовались набедренные повязки, в руках мелькали аккуратные кнутики...

Разнёсся некий слух, что сам диктатор выразил желание посетить срамное ристалище. Нет, он не собирается в нём участвовать – годы уже не те, но посмотреть откровенные, рискованные увеселения ему не помешает.

И на сей раз Цезарь не облачился в свою золочёную тогу, а накинул на плечи привычную – сенаторскую, с широкой пурпурной каймой. Кальпурния, глядя на мужа, тоже намеревалась выйти на улицу, однако супруг посмотрел ей прямо в глаза и предостерёг:

– Не стоит! Зачем?..

Женщина невольно подчинилась. В самом деле – что ей даст этот выход? Разве она не делала этого раньше, тайком от супруга? И никакого толку. Детей как не было, так и нет...

Прибыв в закрытых носилках на форум, диктатор не спеша вылез из них. Привычно поправив тогу, прошёл к деревянному подиуму в центре площади. С некоторых пор это стало его привычным местопребыванием. Усевшись на высокое золочёное кресло, взятое в кольцо бесчисленной охраной, он с любопытством огляделся.

В двух десятках шагов от возвышения застыли шеренги верноподданных горожан, согнанные сюда неумолимым Луцием Бальбом. Сам проворный испанец стоял вблизи подиума, знаками руководя своей публикой. И стоило особе диктатора принять нужную позу – раздалась жидкие аплодисменты и нестройные выкрики:

– Да здравствует Цезарь!.. Слава венценосному владыке!..

Бальб недовольно покривился. Диктатор недобро насупился, но тут произошло нечто неожиданное – толпа зевак безмолвно раздалась, и в широком

проходе появилась полуобнажённая атлетичная фигура, разительно похожая на Геркулеса. Двое из присутствующих – Цезарь и Бальб – конечно, сразу узнали, кто это. Все остальные вначале оторопели, а потом в толпе раздалась недоуменные возгласы:

– Это кто? Мим?.. Откуда?! Да это же Антоний! Не может быть!..

Мощная, мускулистая фигура, слегка оплывшая и тяжеловатая – как-никак её обладателю было за сорок – смело и целеустремлённо шагала к возвышению. Зеваки замерли. Они не понимали смысла происходящего – зачем голый Антоний направляется к победоносному Цезарю? Он хочет огреть его плетью? Но где она? А в широких ладонях обнажённого атлета блестело что-то золотое и внушительное, подозрительно напоминающее корону. Цезарь спокойно выжидал...

47

После сногсшибательного поступка Антония у заговорщиков уже не было сомнений и колебаний – зарвавшегося диктатора необходимо устранить. Заранее отретпетированная, вызывающая сцена породила у них прилив решимости и праведного гнева. Никто уже не спорил о том, холуйский ли это жест самого Антония или угодливая задумка Бальба.

Правда, Децим Альбин высказал предположение, что это могло произойти с ведома самого Цезаря, однако, по мнению большинства, это уже не столь важно. Брут без колебаний заявил, что дальнейшее промедление чревато непредсказуемыми последствиями.

– Чем же? – насторожился бывший шурин Цинна.

– Народ в конце концов признает его царём! – прозвучал печальный ответ.

Никто из сообщников возражать не стал. Перед глазами у многих стояла недавняя картина: полуобнажённый Антоний подносит диктатору золотую царскую корону, увитую лавром, а тот демонстративно отвергает её. И так трижды...

Но с каждым разом народ, собравшийся на площади, приветствует это восторженными криками. Всё громче и одобрительней...

– Омерзительная сцена! – передёрнул плечами Требоний.

– Это провокация, – убеждённо заявил Тиллий Цимбер, – вся эта троица испытывала людей на крепость и выдержку. Как, мол, они воспримут эту проделку?!

– Воспримут нормально, – мрачно усмехнулся Кассий, – царём так царём!..

Никто с ним спорить не рискнул.

– Зло, как вы знаете, нужно душить в зародыше, – раздался среди общей тишины хриловатый голос Цинны, – а мы вначале позволили Помпею, Крассу и Цезарю руководить нами, потом воевали то на стороне Помпея, то вместе с Цезарем... – он показал глазами на Альбина и Требония. – А теперь гадаем, что делать дальше. Как быть?..

– Уже не гадаем, – сердито прервал его Требоний, – всё решено...

В атрии воцарилась тишина. Каждый из заговорщиков понимал, что пути назад нет. Стоит диктатору стать единовластным, законным владыкой – и судьба любого будет зависеть от его воли и желания. И никакой суд, ничье вмешательство не спасёт неугодного от гнева или мести тирана.

Со свойственной всем людям трусостью и осторожностью они искоса поглядывали друг на друга, словно пытаясь угадать – который из них окажется предусмотрительней и удачливей? Кому доведётся уцелеть или счастливо убежать позорного конца?

– Вспомните Катона! – почувствовав общее траурное настроение, ободряюще произнёс Брут. – Он не колебался ни минуты. Вонзил в себя меч и всё!..

Сообщники не поднимали голов. Несгибаемый республиканец, разбитый, побеждённый, но не пожелавший принять позорную милость от заклятого врага, служил им досадным укором, только не примером. С неугомонным Цезарем он боролся всю сознательную жизнь.

– Мы не собираемся лишать себя жизни, – прохрипел Цинна, – скорей уж его!.. – Он засмеялся кашляющим смехом.

Заговорщики чуть приободрились.

– А где? – по-деловому спросил Публий Каска, которому не терпелось доказать свою преданность новым друзьям.

Брут, Требоний и Кассий с Альбином понимающе переглянулись, и глава заговорщиков, не колеблясь, отрезал:

– В сенате...

– Где?! – Лигарий не поверил своим ушам.

Тиллий Цимбер, бывший шурин диктатора Цинна, Минуций Базил, Луций Цецилий и сам Каска были удивлены не менее, однако сумели сдержаться. Но их молчаливое, тревожное недоумение заставило Брута высказаться более пространно:

– Ну, посудите сами, – он вопрошающе оглядел сообщников, – где ещё мы можем увидеть его без этой мощной, бесчисленной охраны? Где?! Это единственное место. Сенат...

Заговорщики подавленно молчали. Помещение курии и сам сенат издавна считались всеми римлянами чем-то возвышенным и священным. Пролить там чью-то кровь походило почти на святотатство. Этим можно осквернить и подорвать самые основы римского государства.

– А разве он их не подорвал своими наглými выходками?! – словно отвечая на немые вопросы собравшихся, горячо воскликнул Кассий. – Сколько же мы будем терпеть это наглое, бесстыдное торжество? Глумливое издевательство над нашими порядками и законами?!.

– И не надо забывать, что он собирается завоевать весь мир!.. – гораздо спокойней, зато более внушительно и твёрдо добавил Альбин.

В лицах присутствующих появились решимость и отвага. Они уже не стремились подыскивать уловки и отговорки. Желание покончить с тираном наконец обрело силу убеждения и неотвратимости. Брут почувствовал это и хотел закрепить успех, но его опередил Требоний:

– Между прочим, – с лёгкой усмешкой пояснил бывший наместник и правая рука диктатора, – это будет одно из последних заседаний сената...

– Как?! – не понял Цимбер.

– Так... – Требоний выдержал намеренную паузу. – Цезарь собирается нас упразднить. Разогнать всех за ненадобностью...

Цинна хрипло засмеялся:

– Узнаю дорогого зятя! Он хочет получить всё и сразу!.. И вправду – для чего ему все мы?! Одна помеха...

Заговорщики разразились праведным гневом и проклятиями. Злобными. Мстительными. Уничтожающими. И теперь любому постороннему человеку стало бы совершенно очевидно, что виновнику всего этого переполоха и взрыва негодования не удастся остаться живым. Его не спасут никакие средства защиты – ни железная броня, ни каменные стены, ни верная стража – дни такого гордеца и безумца, безусловно, сочтены...

Слыша эти огнедышащие ругательства и поношения, Брут даже испугался – не принесут ли они вреда общему делу? Вдруг кто-то из сообщников не выдержит и немедленно кинется мстить их заклятому врагу? И, чего доброго, погубит всё. Он встревоженно взглянул на Альбина и Требония, и последний понял его.

– Заседание сената состоится послезавтра... В мартовские иды! – перекрывая общий шум, командирским тоном объявил бывший наместник.

Мстители мгновенно умолкли, как будто им всем перехватило дыхание.

– А вот теперь давайте решим, что и как нам делать... – в гробовой тишине раздался негромкий голос Брута.

И опять среди заговорщиков промелькнула некоторая растерянность, вопреки тому, что мгновения назад все они были готовы растерзать тирана собственными руками.

– Антоний-то наверняка придёт вместе с ним? – прозвучал осторожный вопрос Минуция Базила.

Требоний быстро взглянул на него:

– Антония я беру на себя...

Цимбер нахмурился:

– Его тоже придётся?..

– Если потребуется, то да... – вместо Требония ответил Альбин.

Каска с усмешкой передёрнул плечами:

– Здоровый он, чёрт! Прямо Геркулес...

– Ничего, вдвоём мы справимся, – Требоний показал глазами на Альбина.

Грузный Цинна невесело вздохнул:

– Вы тут, я вижу, обо всём уже договорились. Давайте – выкладывайте! Чего тянуть?

– Точно, – согласился Лиций Цецилий, – раз вы всё решили – расскажите нам. А потом прикинем, что к чему. Тянуть некогда...

Требоний, Альбин и Кассий посмотрели на Брута, и глава заговора начал делиться нужными соображениями...

Кальпурния увидела тревожный сон. Фасад их дома на Палатинском холме, который недавно воздвигли к триумфу Цезаря, вдруг разрушился до основания. Вначале упали и рассыпались колонны, поддерживающие портик, потом рухнул сам треугольный фронтон с изображениями побед полководца. И завеса пыли скрыла руины...

Женщина проснулась в слезах.

Диктатор, в последние годы часто мучимый бессонницей, услышав стоны и всхлипывания жены, осторожно тронул её за плечо. Возвратившись из Дальней Испании, он стал относиться к ней внимательней и заботливей.

– Что с тобой? Что-то пригрезилось?.. Успокойся, милая, всё хорошо...

В утреннем полумраке его сухое старушечье лицо казалось добрым и участливым, как будто сердобольная бабка склонилась к изголовью молодой женщины. Кальпурния неловко вытерла слёзы, вздыхая и ворочаясь. Цезарь с минуту следил за ней, потом неуклюже поднялся – во всех его движениях была заметна медлительность пожилого человека.

– Ты куда? – ещё не придя в себя, плачущим голосом спросила жена.

Диктатор буднично бросил:

– В сенат. Куда же ещё?..

– Не ходи. Я тебя прошу!.. – она вновь вытерла слёзы.

Худой, узкоплечий, с длинными руками и ногами и в длинной мятой рубашке, он походил на огородное пугало.

– Ну, что случилось?..

– Я видела нехороший сон...

Диктатор едва заметно улыбнулся:

– Я это понял...

Кальпурния села:

– Наш дом упал... Представляешь?.. – они встретились взглядами.

Цезарь помедлил и переспросил:

– Весь, целиком?..

– Нет... – она перевела дыхание. – Только колонны и фронтон...

– Ну вот видишь!.. – в голосе его промелькнули снисходительные нотки. – Большая-то часть осталась. Ничего, как-нибудь переживём!..

Но эти утешительные слова Кальпурнию не успокоили. И, несмотря на строптивый характер супруга, она решила повторить попытку:

– Гай, ради всех богов!..

Но диктатору это уже прискучило. К тому же он не любил уступать женщинам.

– Прости, мне надо собраться и кое-что обдумать... – тряхнув лысеющей головой, Цезарь быстро вышел из спальни.

Но всё-таки, несмотря на скупой, категоричный ответ, в душе диктатора шевельнулось сомнение. И вряд ли предчувствие жены совсем не затронуло его – возможность трагического конца отвергать было бы глупо. Слишком много явных и тайных врагов было вокруг. Утешало одно – большинство из

них он знал в лицо. Брут и Кассий – им прощены и обласканы. И ко всему прочему – оба награждены выгодными должностями преторов, обязанных наблюдать за законностью.

Лигарий с Цицероном заседают в сенате, остальные отсиживаются на своих загородных виллах. Едва ли все они поднимут на него руку. А враги скрытые никогда не сумеют договориться. Многочисленная охрана стережёт его днём и ночью, значит, прямое нападение исключено. Остаётся одно – яд.

Но и здесь он принял упреждающие меры: все яства и вина заранее пробуются, и повара ему безгранично преданы. Их лично отбирал сам Луций Бальб. И с этими благими мыслями диктатор быстро шёл по большому дому.

В просторном зале Цезаря встретил Гай Оппий, ближайший поверенный диктатора в финансовых вопросах. Вид у него был сердитый и озабоченный.

– Ты чего? – поздоровавшись с помощником, спросил Цезарь, помня недавний разговор с женой. – Плохой сон увидел, что ли?..

– Какой там сон! – Оппий махнул рукой. – Прохожу сейчас по площади, а там всюду надписи: «Ты спишь, Брут!», «Брут, где твоя отвага?»... Ну и всё в том же духе... Не знаешь, куда глаза девать!..

Диктатор помрачнел:

– Вот они – проделки Бальба и Антония! Это называется – удружили!..

– Это в каком смысле? – не понял собеседник.

Цезарь пояснил с невесёлой ухмылкой:

– Я предупреждал их, настойчиво и серьёзно – затея с царской короной встревожит и озлобит народ. Так оно и вышло! А все шишки свалились на меня!..

Оппий не согласился:

– Но ты же её не принял! И все тебе аплодировали. Бурно и горячо...

Диктатор проницательно взглянул на него:

– Не надо считать людей дураками! Они всё прекрасно поняли... – он показал жестом длинных рук: – Наружно я будто бы её отверг, а в душе... – и ладони его приникли к сердцу.

Помощник хотел что-то возразить, но тут в зал вошёл Антоний. Высокий, атлетичный, в просторной тоге, драпирующей широкими безупречными складками. Он напоминал статую самого Юпитера, не хватало лишь скипетра в руках и венца на голове.

– Ну чем не олимпиец! – невольно воскликнул Цезарь, глядя на своего коллегу по консульству.

Антоний самодовольно улыбнулся.

– Это его Фульвия нарядила! – негромко съязвил Оппий, тая давнюю неприязнь к гуляке и моту.

– Сегодня, между прочим, Иды, а через пару дней Либералии! – как будто не слыша едкой реплики финансиста, громогласно объявил вошедший.

Цезарь намёк понял – ровно год назад состоялась его последняя битва с сыновьями Великого Помпея.

– Нынешнее заседание я назначил в курии Помпея, – спокойно сообщил он, внимательно глядя на собеседников.

Они отнеслись к этим словам по-разному – Антоний вполне равнодушно, но Оппий почему-то встревожился:

– В курии Помпея?! А это не вызовет... – он поискал слова, – ну, разных там кривотолков? Кстати, и сплетен?..

– Каких, например?..

Финансист напомнил:

– Я же говорил тебе о провокационных надписях! Это же явный намёк. Ты разве не находишь?..

Цезарь повернулся к Антонию:

– Ты шёл ко мне через Форум?

Здоровяк молча кивнул бородатой головой.

– Надписи ты там видел? А ну-ка вспомни!..

Антоний пожал плечами. Это можно было понять двояко: то ли он их не разглядел, то ли просто не обратил внимания. Однако Оппию не терпелось доказать свою наблюдательность и правоту, но диктатор окинул взглядом свою измятую ночную рубашку и озадачился вопросом:

– А не пора ли мне привести себя в надлежащий вид? – он улыбнулся сухими, морщинистыми щеками. – Но в золотую тогу, граждане, вы меня облачиться не заставите! Хватит с нас одного Юпитера! – диктатор указал худым костистым пальцем на дородную фигуру коллеги.

Антоний негромко хмыкнул. И, стоило Цезарю выйти из зала, Оппий хмуро бросил:

– Ты и вправду ничего не видел? Там, на площади?..

Антоний свысока покосился на него:

– «Ты спишь, Брут!»? – он криво усмехнулся. – Ерунда всё это! Мышиная возня! Стоит ли обращать внимание?..

Финансист не согласился:

– Между прочим, один предсказатель сообщил ему, что в мартовские иды случится трагедия. Как это понимать – не знаю...

В сощуренных глазах Антония мелькнуло нечто странное, какая-то трудноуловимая смесь недоверия, ожидания и ожесточения... Оппий, сумев заметить её, хотел задать очередной вопрос, но в зал уже вошёл Цезарь. В обычной одежде сенатора – белёной тоге с широкой пурпурной каймой и свитками папируса в руках. Вид у него был собранный и сосредоточенный.

– Ну что, друзья? Двинулись?..

– Ты же ещё не завтракал! – напомнил Оппий.

Диктатор махнул рукой:

– Будем считать, что это канун грандиозной битвы... – он хитровато подмигнул спутникам, – А кто перед ней набивает пузо – тот рискует истечь кровью...

Антоний и Оппий невольно отвернули головы.

Одну из первых статуй Великого Помпея, подлежащих восстановлению по приказу Цезаря, водрузили на пьедестал в помещении курии, где время от времени собирался на заседания римский сенат. Массивная фигура из белого мрамора, задрапированная снизу складками походного плаща, возвышалась над головами присутствующих, словно молчаливый укор. А широкая, добродушная физиономия полководца, которой скульптор безуспешно пытался придать некие провидческие черты, неотрывно смотрела в пространство...

Кассий, войдя одним из первых в просторный зал с длинными скамьями, расположенными полукругом, почему-то впился взыскующим взглядом в квадратное лицо бывшего кумира. Он словно молил его о помощи и удаче. Следом стали подтягиваться и остальные участники заседания.

План, который разработали заговорщики, не отличался особой новизной и оригинальностью – ставка в нём делалась лишь на неожиданность и число действующих лиц. С другой стороны – в этом была вероятная гарантия того, что затея не провалится с треском, именно потому, что всё произойдет грубо, кроваво и беспощадно. Как всегда и всюду...

И, тем не менее, сообщники просачивались в курию поодиночке, стараясь ничем не выдать себя. Кто-то был излишне общителен и суетлив, кто-то нарочито спокоен, кто-то молчалив и сдержан. Однако на взгляд стороннего человека, не подозревающего о действиях заговорщиков, всё происходило в допустимых границах.

А большинство сенаторов знало, что диктатор намерен поставить вопрос о грядущей войне с парфянами, и, значит, о закреплении своих чрезвычайных полномочий. То есть о ничем не ограниченной царской власти.

Пожалуй, только один из самых искушённых и прозорливых политиков – знаменитый оратор Цицерон, увидев своих ближайших друзей – Брута и Кассия – заметил нечто настораживающее в их поведении. Но сделал вид, что всё идёт как должно.

В левом, дальнем углу курии ярый приверженец диктатора Фуфий Кален развивал мысль о том, что Цезаря следует считать царём «лишь частично».

– Но позволь, а как это понимать?! – иронично сощурившись, обратился к нему знаменитый оратор и показал красноречивым жестом, проведя по животу раскрытой ладонью. – До какого места он будет царём? Сверху? Снизу? Или как?..

Присутствующие засмеялись. Фуфий попытался объяснить:

– Я хочу сказать, что здесь, в Риме, он будет по-прежнему консулом, а на завоеванных землях – для варваров – он станет царём. И почему – нет? Своих же царей они принимают...

Сенаторы, окружившие спорщиков, обратили внимание, что Цицерон приготовил очередную едкую остроту и уже готовился отпустить её, но за дверями послышался шум. Брут и Кассий невольно встретились взглядами, а Цицерон успел заметить, что последний сразу положил руку на пояс, из-под которого явно что-то выпирало.

Среди сенаторов произошло смутное и на первый взгляд беспорядочное движение, хотя некоторые, как по команде, устремились вперёд. Кассий, Брут, Лигарий, Цимбер, Каска, Цинна оказались в первых рядах. Цицерон остался на месте и затаил дыхание...

В зал вошёл Цезарь в сопровождении кучки просителей, карауливших его ещё при входе в курию. Брут не увидел среди них Антония, и это немного успокоило его – значит, часть их плана уже осуществилась. Он оглянулся на Кассия и Цинну и встретил бледные, напряжённые лица. Сенаторы дружно поднялись...

Цезарь, упорно отбиваясь от неустанных, настойчивых просьб, кивнул головой присутствующим, прошёл и опустился в своё кресло чуть поодаль от статуи Великого Помпея. Один из просителей, Туллий Кимвр, умолявший диктатора простить его близкого родственника, с трудом пробился к нему и готовился упасть в ноги. Он рыдал и бил себя в грудь...

Сцена вышла мрачной и душераздирающей. Многие из собравшихся закричали:

– Цезарь! Будь же великодушен! Будь!.. Прости!.. Что тебе стоит?!

Но диктатор казался непреклонен. Он резко откинулся к спинке кресла и сидел, сурово сжав узкогубый рот и хмуро сдвинув брови. Туллий, рухнув на колени, ухватился за пурпурный край его белёной тоги, уткнув в неё лицо. Сенаторы из первых рядов окружили властителя, и никто не заметил, как Публий Каска, мгновенно выхватив меч, ударил сидящего по жилистой длинной шее...

Но Цезарь успел подставить под лезвие раскрытую ладонь и отчаянно крикнуть:

– Негодяй! Что ты делаешь?!

Из рассечённой раны показалась кровь...

Сенаторы охнули. Каска призвал соседа:

– Брат, помоги мне! – Он растерялся и перетрусил.

Его родной брат рванул свой меч, и это послужило сигналом. Брут, Лигарий, Цинна, Кассий, Цимбер, ещё пяток заговорщиков с обнажёнными мечами и кинжалами, дотеле старательно скрытыми под одеждой, тут же подскочили к месту расправы. Цицерон из своего угла разглядел, как сообщники взяли в кольцо безоружного диктатора, словно стая гончих псов, загнавшая одинокого волка...

Он пытался выпрыгнуть из высокого кресла. Вскочил. Упал. Поднялся... А короткие и длинные полоски железа жалили его со всех сторон, вонзаясь ему в грудь, в бок, в голову, в лицо...

Иногда убийцы промахивались и удары доставались своим же, но никто не роптал и не уклонялся. Всем важно было добить ненавистного тирана...

А сенаторы, не принимавшие участия в зверском убийстве, следили за происходящим в немом оцепенении. Явные и тайные сторонники Цезаря одинаково потрясённо, безучастно, молча наблюдали, как худая, длинная, нескладная фигура диктатора мечется вблизи статуи Помпея и со всех сторон её пронзают безжалостные клинки...

И никто из его друзей и недругов не пытался прервать это кошмарное действие. Хотя бы негодующим окриком или возгласом сострадания и сочувствия...

А Требоний и Альбин вместе с Антонием стояли за стенами курии и, конечно же, слышали беспорядочные звуки яростной борьбы: крики и стоны Цезаря, удары и злобную перебранку его убийц...

Антоний вначале непроизвольно дёрнулся, как человек, не однажды бывавший в гуще сражений, но, заметив, что его собеседники дружно спрятали руки под одеждой, привёл тело в исходное положение.

Кстати говоря, он очень охотно откликнулся на предложение Альбина и Требония поболтать кое о чём, и теперь взял инициативу на себя. А двое заговорщиков, заметно поскуцнев, едва отвечали собеседнику, только рук из-под одежды не вынимали. Но вот за их спинами воцарилась тишина. Глухая. Мёртвая. Погребальная...

А потом донёсся лёгкий, едва уловимый шум, похожий на посвист ветра в парусах корабля, и на пороге в развевающихся одеждах появился Фуфий Кален, глядя перед собой остановившимися, невидящими глазами...

– Цезаря убили... – пролепетал он, даже не разглядев никого из троицы.

Собеседники вздрогнули, но не двинулись с места. А из дверей уже валом валили потрясённые сенаторы. Молча. Не глядя друг на друга. Избегая вопросов и увещаний.

Требонию и Альбину пришлось посторониться, чтобы пропустить эту безгласную, смертельно напуганную толпу. Государственные мужи летели, сломя головы, словно никогда не видели чужой крови и смерти. Требоний обеспокоенно покосился на соседа:

– А где Антоний?! Он только что был здесь!..

И вправду – атлетичного помощника диктатора как ветром сдуло. Альбин недоуменно пожал плечами, и тут в дверях показалась седоголовая фигура Цицерона. Заметив двух заговорщиков, прославленный оратор через силу улыбнулся и бросил привычную фразу, которой римляне обычно оповещали о чьей-то смерти:

– Всё... Он отжил...

Сообщники тревожно переглянулись, и Требоний предложил сдавленным голосом:

– Пойдём посмотрим?..

Они осторожно, почти бесшумно вошли в зал, но убийцы, обступившие тело жертвы, встревоженно обернулись. Брут, Кассий, Цинна, Каска, Цимбер, Лигарий – в разодранных одеждах, перепачканные чужой и своей кровью, разгорячённо и тяжело дыша, всё ещё сжимали в руках мечи и кинжалы...

– А-а-а, это вы... – едва слышно произнёс Брут и перевёл взгляд себе под ноги.

Требоний с Альбином тихо подошли к месту трагедии, и сообщники нехотя расступились. Возле внушительного цоколя со следами крови по белому мрамору, скрючилось длинное, обезображенное тело.

На нём было столько рваных и колотых ран, что казалось, будто его тер-

зали дикие звери. Терзали неистово, злобно, алчно, боясь, что в нём может уцелеть малейшая искорка жизни...

– А где Антоний? – глухо спросил Кассий.

Требоний пожал плечами. Он не мог говорить – что-то холодное и тяжёлое завалило ему горло и грудь. Альбин угрюмо потупился.

– Нужно объясниться с народом, – неожиданно заявил Цинна, бывший шурин убитого, – ведь мы не какие-нибудь головорезы с большой дороги! – он оголил свой израненный бок. – И крепко рисковали!..

– Это смерть, достойная тирана! – охотно подхватил Каска и выпятил окровавленную грудь.

Заговорщики возбуждённо задвигались. А яростно искромсанное тело блистательного полководца обречённо валялось у подножия статуи его вечного соперника, словно запоздалая и вынужденная жертва.

– А какой сегодня день?.. – неожиданно спохватился Лигарий.

– Нынче Мартовские иды! – с готовностью откликнулся Брут. – Запомним его. С него начинается наша свобода! С победой, граждане!..

И воспрянувшие духом мстители оживились и повеселели, всерьёз полагая, что все беды, напасти и горести остались позади. Со смертью главного тирана прекратились наконец гражданские смуты и междоусобицы. Теперь все они заживут спокойно, счастливо и мирно...

Но увы! Как показало не слишком отдалённое будущее, это стало очередным витком кровавой бойни и бесконечной игры честолюбий. И не было никакой желанной свободы...

Полина КОРИЦКАЯ

ПЕСНЯ НЕ КОНЧАЕТСЯ

ПТИЦЫ

Нам выдали счёт, и пора расплатиться.
Я цифры устало сличу.
Я птица, я быстрая белая птица,
Но я никуда не лечу.

– Вот эта позиция – что она значит?..
– Вино и узбекский плов.
Меня держит крепко и сам чуть не плачет
Невольный мой птицелов.

Мне нечем платить. Я гляжу виновато.
Окончен поспешный обед.
Ты тоже крылатый, мы оба крылаты –
Ну и налетали мы бед...

– Заплатишь? – Конечно. И чаю заварим.
С пирожными!.. – Обалдеть!..
Сидят две несчастные белые твари,
И некуда им лететь.

* * *

Бежевое солнце, детка моя, детка...
Да не познаешь злости в битве за копейку.
Да не закроют тучи свет твоих ладоней.
Будет только лучше, доня моя, доня.
Детка моя, детка, ласковая соня.
Спи ночами крепко, как спала сегодня.
Да не взвоешь воем под фатою белой.
Да не станешь злою, оставаясь смелой.
Я тебе целую волосы украдкой.
Простыни стелю я, мягко будет, сладко.
Да не встанешь ночью в горечи кромешной.
Да не станешь птичкой, запертой в скворечне.
Доня моя, доня, яблоко от ветки.
Если будет больно, пусть хотя бы редко.

Если ошибёшься – лишь бы не серьёзно.
Солнце моё, солнце. Слёзы мои, слёзы.

* * *

И ты идёшь, и свет трещит
Меж ветками осин.
Идёшь от женщин и мужчин,
Одна или один.
А иногда глядишь назад,
Где кто-то голосит:
– Я не со зла. Я не со зла.
Прости меня. Прости.

Ты приглядишься. За спиной
Безликие следы.
И каждый мается виной,
Да это полбеды.
Ведь ты узнала, ты узнал
Свой голос, свой мотив:
– Я не со зла. Я не со зла.
Прости меня. Прости.

И ты на небо поглядишь,
На ветки и листву.
Ещё немного наследить,
И спросишь в пустоту.
Ответят камни, ил, сосна,
Игольчатый настил:
– Пусть мы. Да, это мы – со зла.
А их – прости.
Прости.

* * *

Хорошо проходить по аллее
И с собою вести разговор.
Хорошо жить, никем не болея
И не мучая никого.

Как прекрасно нажарить картошки,
А потом самому её съесть.
Только глупая толстая кошка
На коленки захочет присесть.

И уткнуться в колени мордахой,
Белобрысой, хорошей такой.
Заглянувши в тарелку без страха,
Зацепив картофана рукой,

То есть лапой. Поест, разомлеет
От проделанного труда...
Я смотрю из окна на аллею.
Хорошо, что на ней ни следа.

* * *

В прошлой жизни я была старьёвщиком:
Торговала рухлядью по мелочи.
Вот колечко, ситечко, а вот ещё
Лишь слегка растресканная белочка.
У неё, как обещались, камушки
Под когтями маленькие сомкнуты...
Подходите, девушки да бабушки!
Покидайте горницы да комнаты.
Покажу вам чудеса чудесные –
Молью битые, слезами плесневелые...
Но пригодные, и вам ещё полезные –
Вы пока живые, полнотелые.
И стучит-стучит моя повозочка.
И звенят серёжки, распинаятся.
Льётся песня моего извозчика,
Льётся песня. Песня не кончается.

Яков МАРКОВИЧ

ИЗ ЧЕРНОВИКА НЕБЕС

* * *

Полосонька иссиня бирюзовая
Над низовьем Волги-матушки реки
И куда ни кинь – там между зорями
Беспризорные на лодках рыбаки.

Как легки над камышовой заводью
Все ладьи – в лазури облака, –
Где река небесная растаяла
Пред тобою, Волга-матушка река!

* * *

Как нищенка какая, вся в лохмотьях, –
Ломоть отрезанный от леса –
На перепутье зябкая осина
Осенним днём.

А окоём –
Всегда за окоём спешит мой взгляд –
Дождит, как плачет,
На расстоянии протянутой руки.

Пройти бы мимо,
Да мне не пройти –
В слезах всё тонет
На моём пути.

* * *

Он ехал за рулём и замечтался...
Что было дальше, я хочу забыть.
Но друга нет – ведь память существует,
Ведь существую я, всем безразличный
Да так, что не с кем выпить.

Нашёл себе товарища в сороке,
А собеседницей теперь осина.
Мне кажется, она с ума сошла,
Она безумно сотрясает воздух,

А ветер-сорванец над ней глумится,
Как нынешнее племя надо мной.

Я поглупел. Никак не различу
Мужчин от женщин, граждан от бандитов,
И жизнь и смерть мне на одно лицо.
Купил вина – пригубив, отравился,
Попал в больницу – в морг меня вкатили,
И стал мне этот свет на тот похожим,
Где друг мой...

Порой я сплю ночами. Вижу сны,
В них ничего я, так себе, красивый,
А девушки на ангелов похожи,
И друг мой тоже – ангел во плоти.

* * *

Люблю, люблю тебя нетрезвым и тверёзым,
Плакучие берёзы, их зеркала – пруды,
И нежное звезды в них колыханье,
И в рани утренней безмолвие воды.

Сижу себе на бережке, в мечте растаяв,
Где стая журавлей нырнула в облака,
Вдруг из черновика небес – из сизой тучки –
Колючкой колет пруд небесная вода.

Ах, как свежо в мечтаньях всей вселенной,
Как вождедена жизни красота!
Её врата в душе моей – в России –
В тебе, моя любовь, моя звезда.

* * *

Ох, батюшки, ох, матушки мои,
Не соловьи здесь балуют напевами –
Затеплены квакушечками зычными
Коричневые свечи камышей.

Помилуй, Боже, мя юродивого, яко
Я, Яков, головою нездоров,
Нет этаких ослов в Небесном Царстве,
Они лишь в государстве комаров.

* * *

Ночью в поле чистом девочка безгрудая,
Худенькая, ветром в треплемой косыночке,
Ты стоишь, осиночка, прямо моя доченька,
Очень мне ты по сердцу, в доску одинокому.

Небу многоокому под канун Купалы
Мало зорких звёзд тобой налюбоваться,
И прощаться жалко перед зорькой спешной
С нежной благодностью лебедёнка стреляного.

Время невоенное, в хрип храпят деревни,
Проглядевши ветер с восточкой тоскливой...
В жисть несправедлива вся земная твердь –
Не взлететь нам, милая, век нам здесь терпеть.

* * *

Осень голубит чашу
Чашей с небесной синью,
Скину пиджак и лягу,
Как на простынку.

Вот до чего я дожил,
Кожа моя в морщинах,
Летом лещина тоже
С кожей в зелёной дрожи.

Видно, мне жить осталось
Лет до ста на свете,
А одолеет усталость –
Встретиться б здесь со смертью.

Осень голубит чашу
Чашей с небесной синью,
Скину пиджак и лягу,
Как на простынку.

* * *

Ветер пьяницей буйным родился,
Поседели, как в шторм, зеленыя,
Словно я на борту вновь радистом
И по отчеству кличут меня.

Я держусь курсом ветру навстречу,
Небосклон изучают глаза,
Сам Илья там божественной речью
Мне грозитя, что будет гроза.

Он стегнул небосвод кнутовищем,
Чтобы я сигарету зажёл,
Огонёк недозревшю вишней
Расписал на ладонях ожог.

Ах, калина моя! Ах, малина!
Три версты до деревни шагать,
От такого потопного ливня
Уплыла путешествовать гать.

Вплавь пришлось до избы добираться –
Аки по суху морем ходить.
Во дворе закадычные братцы:
– Ну, Семёныч, даёшь прикурить!

* * *

На пороге небес лес закатным охвачен огнём –
Окоём золотой словно купол над храмом лесным –
Сны мои ли, молитвы ли старой соседки
Или редкий погожий осенний денёк?
Одинок я, как бог умиленья и радости тихой –
Здесь ни чиха, не то чтоб такую-то мать, –
Исполать тебе, Русь, исполать ему, солнцу,
Что вернётся ко мне в тихий час поутру!

* * *

Ветер просится в гости. Распахнул я окно,
Он, усталый, притих на диване со мной –
И лесная прохлада меня обняла,
Увела из избушки мечтой молодой.

И запели деревья, что твой соловей,
Всё о ней разносилось с влюблённых ветвей,
Золотей стало солнце, серебристей ручей,
И ничейное небо всё нежней и нежней.

Там лилась моя песнь от любви до любви,
И заря до зари, словно вечность, цвела,
Но мгновенно мечта уплыла за моря –
За окном, словно жизнь, догорала заря.

* * *

Ты лучший бродяга, ветер,
Единственный друг на свете,
Тоскуешь со мной о стране,
О юности, силе, коне.
Я ветренный был и грубый,
Девиц целовал я в губы,
Давай возвратимся, ветер,
Туда, где девицы эти.

* * *

Почему над домом кружит коршун?
Почему у кошки шесть котят?
Почему ж лета летят незримо,
Мимо жизни по ветру летят?

Вижу я, как видно, дальше носа,
Но вопросы задавать к чему,
Если мне чужими стали веси,
Если я не нужен никому.

Если моя песня гложет в глотке,
Если в водке уж спасенья нет,
Если на «привет» в ответ молчанье
И моё отчаянье в ответ.

* * *

Если ветер встречный,
Конечно, от восторга
Исторгнет слезу родное,
Что вечно несущи на закорках.

Клён, сосна, ромашка...
Тяжко по бездорожью,
Но нет дорожке ноши,
На судьбу похожей.

* * *

На вечерней заре расходилась зарянка,
А поёт она ярко, как истый поэт,
И, одета в жилет для концертов для солнца,
Надо мною смеётся, приглашая в дуэт.

Уж под соснами мрак. Что ж, споём, дорогая,
Что пусть день догорает, но жизнь впереди,
На груди у тебя огонёк нежно светит,
Никому не приметен пожар мой в груди.

* * *

Эта просинь! Это осень в чаше,
Это в чаше новое вино.
Мне давно так не было приятно
В листопадной роще пить его.

Иногда раздастся скрип осины
В синем перекрестии стволов,
Лишних слов не скажет сотрапезник –
Он любезен за любым столом.

Как блаженна тишь вокруг! Лишь только
Пёстрая скатёрка прошуршит,
Как самшит в Крыму, – и к морю, в просинь,
Осень журавлями закружит.

* * *

Ветер кружится волчком на косогоре...
Словно море незабудки и ромашки...
Сквозь тельняшку небо холодом пронзая,
Разверзая хляби, хлынул ливень.

Так тосклива среди дня густая темень,
Словно с теми, кто без тени, ты в соседстве.
Это в детстве ужас смерти сам проходит,
Вроде за горами она бродит.

* * *

От заката навстречу зубчатая тень...
Я в её темноте. За оградой погост.
В рост сосна мне дорогой обратной легла,
Да вот мгла здесь и там – невидимкою мост.

– Ты о чём? – я пытаю себя самого. –
Ты чего стал гулять от живых далеко?
– Мне легко думать думу в печальной ночи,
Просветляясь от мысли, что сердце стучит.

* * *

И один я пью отныне!

Баратынский

И небо, и море –
На поле в цвету незабудки,
И утро такое –
Покойно в болящей груди,
Один, непривычно, –
Мой друг закадычный зашился
И лисьей ухмылкой:
– На кой тебе пить? – затвердил.

Ах, ветер и поле!
Ах, море в волне незабудок!
Всё будет, как было –
Вон мило крадется гроза –
Нельзя и сказать,
До чего ж ты красива, Россия,
С ума бы сойти,
Если выпить бы было нельзя!

Сергей Харламов

МОЁ ОТКРЫТИЕ КИТАЯ

Китай для нас, родившихся в 1950-е годы, был загадочной страной. Во многих семьях бережно использовали китайские термосы, аккуратно вытирались старыми китайскими полотенцами и донашивали нижнее китайское бельё. Всё это было осколками эпохи, когда «русский с китайцем – братья навек» были. Прошли годы, после развенчания Сталина, который сыграл главную роль в победе Мао Цзедуна, следующие небожители советского государства в лице Хрущёва и Брежнева в маоистской пропаганде стали называться «ревизионистами», и это – самое приличное слово из обильного китайского сленга в отношении северного соседа. Кульминацией всего стали боевые действия на острове Даманском. Но время шло... Умер Мао, потом ушёл и Брежнев. Интерес к стране «Китайских народных сказок», где когда-то правили мандарины, возростал. К руководству страной пришёл Горбачёв, который стал налаживать отношения с соседями. Поездки за рубеж перестали быть экзотикой на уровне полёта в космос.

В конце 80-х у меня появилось сильное желание побывать в этой легендарной стране. Но как? Турпоездок в Китай не было. Приехав как-то в Москву, я зашёл в Дом дружбы народов, что на Арбате, где располагалось общество советско-китайской дружбы. Конечно, чисто формальное общение с каким-то сотрудником было «ни о чём». Значит, мечта побывать в загадочном Китае рушится? Как известно, утопающий хватается за соломинку, и таковой оказался для меня журнал «Китай» на русском языке. В те годы издавались журналы стран социалистического содружества – «Польша», «Венгрия», «Румыния» и т. д., в том числе и «Китай», хотя он и не вписывался в эту систему. Адрес на русском был такой: *Китай 100044 Пекин. Редакция журнала «Китай»*. Думаю, в знаменитом рассказе А. П. Чехова «Ванька» адрес был приблизительно таким же, но без индекса.

Ждать ответа пришлось не долго – всего полгода. «Уважаемый председатель Харламов», – писал работник редакции журнала «Китай» Цзя Хуайнчей (в то интересное время я организовал кооператив «Природа», где был во всех лицах, начиная от чернорабочего и заканчивая председателем, почти как Мао). Далее этот сотрудник редакции писал, как его друзья в Харбине заинтересованы в контактах, и что он «хотел бы стать посредником в развитии отношений между нашими странами».

События развивались по авантюрному сценарию. Этот так называемый «председатель Харламов», работая для поддержания семьи ещё и дворником, уговорил своего школьного друга Вовку Вахруцева, закончившего юридический факультет и живущего в ещё не отсоединившемся тогда Казахстане, включиться в эту затею.

Вовка приехал в Томск с большим чемоданом. Открывает его, как фокусник, и достаёт потёртое драповое пальто, чеснокодавилки, фетровые шляпы,

какую-то машинку на батарейках. Я в недоумении: «Володя, это куда?». Друг мой смотрит на меня свысока: «Темнота... Это самый ходовой в Китае товар». Идём в местные томские магазины, кроме чеснокодавилок да нескольких досок для разделки овощей с росписью ничего не находим.

Со всем нашим незатейливым скарбом садимся в поезд «Москва – Пекин», в Иркутске даю телеграмму примерно такого содержания: «КНР Пекин, журнал «Китай» встречайте *такого-то*».

И вот мы в столице Поднебесной. Выходим вместе с соседями-пассажирами из вагона. Их встречают, мы остаёмся одни на пустой платформе. Постояли, подождали, молча побрели к выходу из вокзала. Вышли. Вот он, Китай, во всей красе: китайское броуновское движение, масса народа, все на ходу что-то громко говорят. А нам что делать? Остаётся только ждать... Ни адреса, ни телефона, знаю только, что приглашение из какого-то уезда Яньчин недалеко от Пекина. На двоих – лишь два ангела-хранителя, которые даже в далёком Китае не должны бросить, и, конечно, госпожа удача. Прошло около часа, а вот и она – удача. Из подъехавшей машины выскочил молодой высокий парень: «Вы – Харламов?». Начал извиняться за опоздание. Садимся в машину и едем через весь громадный Пекин, через Великую китайскую стену, проходящую севернее столицы, въезжаем в красивую долину с фруктовыми деревьями, где вдали виднеется городок (по китайским понятиям), тот самый Яньчин, руководство которого нас и пригласило. Машина остановилась около небольшой гостиницы, поднялись в уютный номер. Наш переводчик, назвавшийся Гошей, тот самый сотрудник журнала (китайские переводчики обычно берут какие-нибудь русские легко произносимые имена; его настоящее имя Цзя Хуайчен, думаю, мы бы долго запоминали), предложил располагаться, а сам поехал за руководством.

Мы сели на кровати, я посмотрел на Вовку и спросил: «А ты не знаешь, зачем мы сюда приехали? Сейчас придут солидные люди, руководители этого уезда, которые нас пригласили, они ждут от нас деловые предложения по сотрудничеству, а мы что им можем сказать? У нас кроме твоих фетровых шляп да чеснокодавилок ничего нет». Вовка загадочно улыбнулся и вытащил из чемодана большую картинку, на которой был изображён бронетранспортёр. Наша страна ещё называлась СССР, шло реформирование армии, и воинская часть где-то в Казахстане продавала желающим кое-какую военную технику, сняв с неё вооружение. Вовка уже продал несколько бронетранспортёров, один из них, незадолго до Китая, продал в наш верхнекетский леспромхоз, мы вместе ездили убеждать директора, что им без бронетранспортёра ну никак нельзя обойтись.

Но вот открывается дверь нашего номера, и входят несколько прилично одетых китайцев, руководители уезда. Гоша нас представил. Китайцы выжидательно посмотрели на нас, мол, с чем приехали. И тут, как говорится, «Остапа понесло». Предложения, включая продажу прошлогоднего снега, посыпались как из рога изобилия. Вовка разложил на кровати свой броневики и тоже принялся убеждать, что без него в уезде невозможно обойтись. Прослушав все наши предложения, китайцы, в свою очередь, предложили спуститься в ресто-

ран, где для нас уже был накрыт стол. Впервые увидел я своеобразие китайского ресторанного обслуживания. Круглый стол, на котором в центре – небольшая круглая подставка, вращающаяся, куда официанты выставляют различные чисто китайские яства: какие-то овощи, грибы, «дикая трава», варёные медузы, маленькие кусочки мяса и прочее, – в основном экзотические для нашего глаза и желудка блюда. Больше двадцати всевозможных закусок на небольших тарелках по кругу этого вращающегося стола не помещается, и тогда одну тарелку ставят на другую, а гостеприимные хозяева поворачивают постоянно всю эту китайскую гастрономию, указывая: «Вы ещё это не пробовали. Ну как?». Всё это пиршество, естественно, сопровождается бесконечными тостами. Китайцев было человек 5–6. Встаёт первый, самый главный (это уж позже я разобрался, кто есть кто), и, обращаясь ко мне как к «руководителю делегации», долго говорит о том, как он долго нас ждал и как рад встрече, и т. д. в этом же духе. Под конец длинной речи он заявил, что из уважения ко мне он выпьет два раза, и, добавив неизменное в таких случаях «камбей» (что-то наподобие нашего «поехали»), выпивает, крикнув, эту небольшую рюмку и переворачивает вверх дном, показывая, что выпито всё. Я как тостуемый стою рядом и продёльваю то же, все внимательно смотрят на нас, а нам тут же наливают по второй этой специфичной китайской водки с очень своеобразным запахом, производимой из гаоляна (злак наподобие сорго) по древним рецептам. Выпиваем по второй, садимся, я пытаюсь палочками зацепить что-то съедобное с того круглого стола, но вот уже встаёт следующий тостующий, и всё повторяется. После нескольких тостов гостеприимных хозяев встаю я, «глава советской делегации», и говорю о том, что долгие годы между нашими странами были сложные отношения... (потом как-то один из китайцев рассказывал мне, что служил в те годы на границе и их учили русским фразам типа «идите кушать рис», призывая к сдаче в плен, вместо, например, грубого немецкого «рус, сдавайся»). Говорил я о том, что теперь всё должно пойти по-другому, и что я рад встретить здесь радушных гостеприимных хозяев, процитировав в заключение популярного в то время как в Китае, так и у нас Дэн Сяопина: «Неважно, какого цвета кошка, главное, чтобы она умела ловить мышей».

Встреча прошла очень тепло, китайцы проводили нас в номер, а на следующий день предложили нам программу с посещением различных фабрик, расположенных в уезде, а также наиболее значимых достопримечательностей Пекина, включая прогулку по Великой стене. Выделили нам небольшую сумму юаней на мелкие расходы, а Гоша организовал в нашем номере распродажу всего привезённого барахла, позвав обслуживающий персонал гостиницы. Между всех этих дел я обратился к нему с вопросом, не разочаровалось ли руководство в нашем приезде, на что получил ответ: «Не беспокойся, Сергей, всё нормально идёт, приглашение было моей инициативой, и я перевожу то, что надо».

Утро в гостинице у нас начиналось ровно в 7 часов. За окном раздавалась громкая музыка и недалеко на площадке довольно большая группа китайцев дружно приступала к зарядке. Вечером пожилые тётушки на этой площадке проводили разминку перед сном, скандируя какие-то рифмы.

Китайский менталитет сильно отличается от нашего, и это бросалось в глаза. Например, когда китаец хочет показать, что какое-то блюдо ему нравится, он начинает усиленно чавкать, уж не говоря о благородной отрыжке после сытного обеда, такой, чтобы все слышали. Начальственные кабинеты, в которых я бывал, не отличались большими размерами, а плюнуть себе под ноги хозяин кабинета считал в порядке вещей. Часто в углу кабинета стояла панцирная кровать. Когда я спросил, для чего это, на меня посмотрели как на ненормального: «Как для чего? Чтобы после обеда отдохнуть». Одного начальника пришлось долго ждать в его кабинете, спрашиваю у переводчика: «Где он?». Ответ: «На партсобрании». Решил пойти поискать его на территории. Вижу отдельно стоящее здание, подошёл, заглянул в дверь и увидел картину из нашего не так уж далёкого прошлого. Небольшой зал, в глубине которого на сцене длинный стол, покрытый красной материей, за столом сидят несколько человек, в том числе и мой начальник, на стене над ними большие портреты основоположников – Ленин, Маркс, Энгельс и, конечно, «великий кормчий» Мао. Все сидевшие в зале внимательно слушали докладчика, только один на заднем ряду сидел боком и безучастно смотрел по сторонам; заметив меня, заглянувшего в дверь, он удивлённо и вроде бы с подозрением уставился на меня. Я поднёс к губам палец, мол – тихо, и показал тем же пальцем на трибуну, давая понять: туда лучше смотри, – и закрыл дверь.

Политические разговоры мы не вели, портреты Мао на каждом шагу, как и его статуи, как будто бы и не замечались, но ощущалось всеобщее уважение к нему. Китайская коммерческая жилка ощущалась во всём. В одну из следующих поездок в Китай, будучи уже без всякого сопровождения, я зашёл на одну из самых больших площадей в мире – Тяньаньмэнь – «врата небесного спокойствия», такое же название носят ворота в Запретный город, над которыми висит громадный портрет Мао. Место это считается, подобно нашей Красной площади, сердцем китайского народа. Кроме громадного здания Дома народных собраний, в противоположной стороне от Запретного города установлен мавзолей Мао, а за ним многочисленные сувенирные лавки, продающие всё, что связано с «великим кормчим» и с его мавзолеем. Вспомнил свою вьетнамскую поездку в Ханой, где утром нашу группу привезли на центральную площадь с мавзолеем Хо Ши Мина. И если в Пекине очередь желающих посмотреть на мумию Мао была какая-то будничная, то в Ханое всё выглядело иначе. В очереди стояли в основном крестьяне, которых, видимо, привезли из деревень, в простой одежде и с коническими шляпами нон из пальмовых листьев на голове. Ощущалась какая-то торжественность, волнение этих простых людей от ожидания встречи с любимым на севере Вьетнама дедушкой Хо.

Наше расставание с вновь обрётёнными в Китае друзьями-товарищами было очень тёплым, с предложением ответного визита. И он последовал почти через год.

Тогда китайцам было очень сложно выезжать за пределы страны, разрешались лишь поездки по приглашению для обмена опытом. 19 ноября 1992 года газета «Томский вестник» поместила заметку: «12 ноября китайская делегация уезда Яньцин нанесла визит заместителю председателя горсовета Г. Я. Шапи-

ро. Интересовало её налаживание контактов в области туризма и торговли». Статья рассказывала об этих переговорах в сегодняшней мэрии, которые были одними из первых в истории современных российско-китайских отношений на томской земле.

Этот приезд китайской делегации был не последним, были потом и другие. Мы ездили с ними в Новосибирск, Москву, Санкт-Петербург. В группы входили главным образом люди, связанные с производством, чаще всего директора небольших предприятий. Профессиональные интересы гостей я старался удовлетворить, организовывая встречи на наших предприятиях. В одно из таких посещений «Томских мельниц» китайцы предложили руководству поставить оборудование для производства лапши. В свою первую поездку в Китай в поезде «Москва-Пекин» я обратил внимание, что китайцы наливают кипяток в различные ёмкости и что-то там помешивают. Уже в уезде мы посетили фабрику, где выпускали «умную лапшу», как называли её китайцы, пиньинь по-китайски. Удивила простота производства. Это даже не фабрика, а небольшой цех, в котором установлен большой чан для замешивания теста, из него по транспортёру движется тестообразная масса, которая режется, просушивается и упаковывается буквально за минуты. На выходе сидят женщины, быстро укладывающие готовые брикеты в небольшие коробки. Одну такую коробку подарили мне. Я привез её в Томск, и эти китайские диковины раздавал друзьям, объясняя, что так это не едят, а надо сначала положить в миску, залить кипятком и, подождав минут пять, есть. Ничего подобного у нас тогда не было.

Предложение китайцев не вызвало интереса у руководства наших мельниц, вкладывать деньги в оборудование, которое неизвестно, оправдает ли себя, не было желания. К тому же понятие «валюта» ещё не было в обиходе, как и у китайцев. Приезжая к нам, они везли то, что можно было продать, получив за это рубли. В первую поездку китайцы привезли пуховики, которые уже не пользовались спросом, набиты они были пухом вперемешку с перьями, которые постоянно сваливались вниз, нам с трудом удалось всё это быстро реализовать, деньги нашим китайским друзьям нужны были для дальнейшей поездки в Москву и С.-Петербург и на другие расходы. В наших магазинах с очень скудным в то время ассортиментом китайцев интересовало очень немного – механические часы, бинокли, да ещё электробритвы. С ними приключилась забавная история. В Центральном универмаге Новосибирска они решили купить бритвы «Бердск», видимо, для подарков. Брали по несколько штук, и продавщица возмутилась – стала отпускать только по две штуки в руки. Я пытался объяснить этой работнице советской торговли её неправоту, но она стояла на своём. Пришлось и мне приобрести пару для так и не понявших смысла этой истории китайцев.

Конечно, мои поездки в Китай и общение с китайцами не сделали меня специалистом-китаеведом, но дали представление, что наш южный сосед, называющийся по-китайски Чжунго, или «Срединная страна» (в смысле – центральная, главная), во многом себя таковой и ощущает, а её трудолюбивый народ многого добьётся. Что мы и наблюдаем сегодня.

Александр Егоров

О ДЕДУШКЕ ФЕОКТИСТЕ. И НЕ ТОЛЬКО

Моего дедушку звали Феоктист Николаевич. Его не стало, когда мне было всего шесть лет. А отца не стало спустя год, когда я пошёл в первый класс. Но оба оставили о себе неизгладимые воспоминания.

Сегодняшняя история будет про моего деда. Я его очень любил и уважал, хотя виделись мы лишь летом. «А что мне привезёшь?» – спрашивал я его, а он отвечал с доброй улыбкой: «А редьки хвостик». И, конечно же, праздниками были поездки на лошади вместе с дедушкой или самостоятельно верхом на водопой к пруду. Видимо, с той поры и полюбил я лошадей. Хотя чуть от них не пострадал. Как-то отправил меня дед пятилетнего и одного с копной сена, а конь свалил и меня, и сено.

Сегодня мне уже девятый десяток лет, но я недавно на майских праздниках попросил славную девочку Олю, катающую ребятишек, разрешить мне взобраться на коня и проехаться в седле. Довольны были все: и я, и Оля, и жеребец Цыган.

Конечно, сам о себе дедушка мне не рассказывал: мал я был, да и не приветствовались тогда откровенные рассказы, время было такое... Так что основные сведения о нём я получил от бабушки Матрёны Дмитриевны, а также от моей мамы Зинаиды Феоктистовны и дяди Василия Ивановича. Из их рассказов и сложилось убеждение, что дедушка мой Феоктист Николаевич был человеком незаурядным. Во-первых, был грамотным, поскольку учился в ЦПШ (церковно-приходской школе). Во-вторых, был глубоко верующим человеком. В-третьих, никогда не матерился, даже в критические моменты, что всегда было характерным для русских мужиков.

Бабушка Мотя вспоминала, что на её вопрос «страшно ли было на войне?» дедушка отвечал: «Было и страшно», и с улыбкой добавлял, что страх заставлял солдат вспоминать о Боге. Только что отправившие всех «по матери» солдатики во время вражеских артобстрелов бросались на дно окопа со словами: «Господи, помилуй!».

Одним из главных достоинств Феоктиста были его золотые руки. Кажется, он умел делать всё: выполнять любые плотницкие работы, шить обувь, подковывать лошадей, стеклить окна. Я не говорю уже о его столярных способностях. До сих пор сохранились комод и буфет его работы из кедровой древесины.

А ещё он очень внимательно относился к своему внешнему виду. Его одежда всегда была опрятной, лицо чисто выбрито. Кроме рыжих усов, которые он красил в чёрный цвет, несмотря на бабушкины усмешки. Наверное, такому отношению способствовали и несколько лет службы в армии. Сначала на действительной военной службе в железнодорожных войсках на КВЖД (китай-

ско-восточная железная дорога, принадлежавшая России), а затем на фронтах Первой мировой войны.

Достоверно известно, что на фронте Феоктист не прятался за спинами, о чём свидетельствуют боевые награды: солдатский крест и медаль «За храбрость» второй степени. Медаль мои дети ещё в семидесятые годы отнесли в музей школы № 48, где они учились. Тогда это было принято – всё своё отдавать государству. Учителя предложили детям принести каждому в музей какие-то исторические реликвии. Принесли почти все. Был отличный школьный музей. После того, как школу реорганизовали, ликвидировали и музей. Так исчезли и все экспонаты. Недавно я разыскал директора того музея. Она лишь вспомнила, что подъехал самосвал, всё свалили в кузов и куда-то увезли. Куда, никто не спросил, и на варварское отношение к историческим реликвиям никто не обратил внимания. Я пытался разыскать следы этого музея. Но безуспешно.

Искал я не награды (хотя и они важны), а уникальную фотографию, на которой был запечатлён мой дед и ещё несколько солдат, возвращавшихся домой после революции 1917 года и окончания войны. Все они сидели на железнодорожной насыпи, на заднем плане которой был состав из десятка вагонов-«теплушек». На одном из вагонов огромный транспарант эсеров «Земля и воля». Вот в таком вагоне мой дед и возвращался домой.

Ехали в теплушках не только люди, но и лошади. Их после роспуска армии роздали демобилизованным солдатам. Привёз коня по кличке Гнедко в свою деревню и мой дед Феоктист.

У этого коня тоже интересная биография. Во время войны он возил пушки, был огромного размера и недюжинной силы. Удивлял всех в деревне своей статью. В обмен за этого коня давали двух других, да ещё корову в придачу. Но дед не предал своего друга. Когда ездили на мельницу, а тогда мололи зерно с помощью лошадей, этот конь тянул так, как не могла тянуть пара лошадей.

Гнедко однажды чуть опять не попал на войну. Уже на Гражданскую. А спасла его на сей раз бабушка. Было это так. В посёлке Богашёво остановилась на два дня воинская часть адмирала Колчака. Отбирали у крестьян лошадей, молодых мужиков насильно мобилизовывали в Белую армию. Попался им в лапы и родной брат моей бабушки Фёдор. Он сбежал, был пойман и жестоко избит плетями, однако опять сбежал. Дед мой с другими мужиками тоже скрывался в соседней деревне, где белых не было. А вот бабушка Матрёна проявила себя очень отважной женщиной. Она сохранила Гнедка, спрятав его в зародке (стоге сена), который стоял в огороде метрах в двадцати от дома. Риск был большой, так как конь мог заржать и тем самым выдать себя. Тем более прямо в нашем доме ночевал белый офицер с двумя солдатами, а в конюшне стоял его собственный конь с кошёвкой. Но, слава богу, обошлось.

Радоваться бы им, когда непрошеные гости уезжали. Так нет: хозяйева, несмотря на риск, ещё и вернули их, увидев в снегу торчащий край забытого ковра. Моей маме тогда было десять лет, и она рассказывала, как бежала за офицерской кошёвкой, когда колчаковцы уезжали. И кричала им: «Дяденьки, дяденьки! Вы ковёр забыли!». Ковёр чистили на огороде, выпал снег и заporо-

шил его. Вот и не заметили. Но бабушка не могла взять чужого, и потому послала дочку сообщить о находке. Те, конечно, спешили, вернулись и забрали его, по словам бабушки, это был великолепный ковёр ручной работы.

Дому этому, в котором проживали бабушка и дедушка, уже более ста пятидесяти лет, он до сих пор стоит в Богашёво на улице Дзержинского. Рядом мы построили ещё один, используем как дачу. Разобрать старый дом пока рука не поднимается, хотя уже все балки прогнили, и жить там давно небезопасно.

Но не только лошадей привозили с войны. Всех в посёлке Богашёво нескананно удивил старший брат моего деда, Трофим, который привёз шестнадцатилетнюю жену, красавицу австрийку по имени Амалия. Она пришлась ко двору сибирякам за свою доброту, отзывчивость и трудолюбие. Хотя всегда говорила с акцентом, трудно ей давалась русская речь. Баба Маля надолго пережила своего мужа и умерла в преклонном возрасте (под девяносто лет) в городе Томске, так и не научившись произносить некоторые русские слова.

Боевые заслуги, личные качества, а также уважение односельчан к деду Феоктисту приглянулись и новой, советской власти. В конце двадцатых годов деда назначили первым председателем сельского Совета. Однако выполнял он эти обязанности лишь короткое время. Начиналась коллективизация, власти требовали «раскулачиваний», в результате которых были репрессированы многие трудолюбивые крестьяне целыми семьями. Деду как представителю местной власти велели участвовать в этом деле, что оказалось для него нестерпимым. Баба Мотя вспоминала о том, как потряс их арест очень уважаемого всеми мастера, создавшего в деревне столярную артель под названием «Смычка», которая обеспечивала рабочие места многим мужикам. Звали его Викентий Викентьевич Воронько. Когда я спросил: «За что арестовали?», бабушка полушёпотом ответила: «Не знаю. По линии НКВД».

Ещё один сильнейший удар дедушке нанесло то, что новая власть не верила в Бога, а новые активисты ещё и оскверняли его образ. Как-то по сельским улицам в один из православных праздников двигался крестный ход. Несли иконы, хоругви. Вдруг к шествию пристроилась местная активистка. Высоко подняв измазанную навозом лопату, она замыкала шествие. Дед, увидев из окна это действие, не выдержал, выбежал на улицу, выхватил лопату и дважды огрел черенком по филейным местам хулиганки.

Потрясённый последними событиями, дед несколько дней не выходил на работу, а потом явился к начальству и доложил, что «был в запое и потерял печать». Его и уволили. Баба Мотя говорила, что могли посадить в тюрьму. Крутое было время...

Много лет спустя мой дядя Василий, который в то время был мальчишкой, рассказал правду о том, что дедушка печати той совсем даже не терял, а закопал её в огороде. Понимал, что за одно и то же дело пьяного могут и простить, а вот трезвого – посадят. Вот и ушёл в придуманный запой.

Несколько лет после этого дед Феоктист трудился на мебельной фабрике «Краснодеревец» в Томске, затем был завхозом в средней школе села Богашёво. Умер он в 1943 году от воспаления лёгких. Вот таким был мой дорогой дед Феоктист Николаевич Стулов.

Я не располагаю достаточными сведениями о других родных братьях дедушки. Кроме уже названного Фёдора, были ещё Роман, Капитон и Полумен. Вот такие были тогда интересные имена, некоторые из которых сейчас опять возвращаются. Так вот все эти братья, вместе со своими соседями Приходкиными, Шевелевыми и другими мужиками-односельчанами задумали и построили вручную топором и лопатой в живописном Богашёвском кедровнике настоящую жемчужину – лесной пруд, несколько лет назад разрушенный, и восстановленный лишь осенью 2012 года.

Два года я посещал властные кабинеты всех уровней, чтобы восстановить это озеро. Показывал фотографии, как оно выглядело ещё десять лет назад, и какое оно стало: практически высохшее, напоминающее лужу, заросшую тиной, со старой корягой, плавающей посередине. По вине предприятия, которое сбрасывало свои отходы в него. Нашёл других сподвижников, которые тоже стали заниматься этим вопросом. Наконец из бюджета области были выделены средства на восстановление озера в Богашёвском кедровнике. В мае 2013-го оно было наконец-то полностью восстановлено. Более того, в него выпущены зеркальные карпы.

Я и сейчас каждое лето продолжаю отслеживать, в каком состоянии Богашёвское озеро. Карпы в нём на следующий же год по неизвестной причине исчезли. Да и восстановленное озеро, несмотря на обещания властей сельсовета, совсем не очищается. А на подступах к нему в кедровнике построено много самовольных дач. Да так, что привычной дорогой к нему уже не пройти, надо обходить кругами. Печально всё это. Ведь кедрач – это жемчужина Сибири. Здесь в советское время был замечательный дом отдыха, детские лагеря. Восстановить бы их, построить оздоровительные центры, экскурсии проводить, показывать ребятишкам красоту лесную.

Эх, силы мои уже не те... Я уже сам дед. Но для меня озеро – это память о моём замечательном дедушке Феоктисте, который создавал его со своими односельчанами более ста лет назад.

И я очень надеюсь, что найдутся и другие неравнодушные люди, и работа по благоустройству Богашёвского пруда и прилегающей территории будет продолжена и станет достойным знаком уважения к нашим предкам, для которых любовь и защита родной природы были святым делом.

ОБА-ДВА

Поколению войны посвящается

Так распорядилась природа, что люди моего возраста зачастую до мелочей помнят события многолетней давности, но забывают, куда только что положили свои очки. Думаю, что таким образом распорядился Творец, позаботившись о сохранении народной памяти, которая куда важнее (и честнее), чем все учебники по истории, подверженные ревизиям и чисткам политического курса.

Мне было четыре года, когда началась Великая Отечественная. Жили мы

тогда в городе с совершенно сибирским названием Тайга. Двухэтажная деревяшка с общей на весь этаж кухней и «удобствами» во дворе. От фронта далеко, но жители всё равно обязаны были соблюдать светомаскировку, а стёкла окон заклеивать крест-накрест бумажными лентами. Видимо, это потому, что городок наш был, да и сейчас является, крупным железнодорожным узлом и существовала, скорее гипотетическая, но всё же угроза бомбёжек.

Хорошо помню закреплённую в углу общей кухни чёрную тарелку репродуктора, объявившего голосом Молотова о немецком нападении на СССР («Почему не Сталин говорит?» – шептались взрослые). В первый класс я пошёл в сорок четвёртом. Начальная школа недалеко от дома, старенькая, деревянная, но, конечно же, вспоминаемая с теплотой и благодарностью. Учительница Нина Ивановна, которую спустя много лет я пытался безуспешно отыскать. И закутанные во всевозможные одеяния ребятишки – в классе было зимой холодно. Согревались чаем, который нам наливали на большой перемене в принесённые из дома кружки. У многих, в том числе и у меня, кружкой служила обыкновенная консервная банка.

Даже и сейчас помню иностранные буквы, изображённые на этой небольшой посудине. Ну а песня, которую мы пели, двигаясь по кругу в небольшом школьном зале (опять же, чтобы не замёрзнуть), врезалась в память навечно. Представляете картину? Два десятка карапузов дружно поют: «Как письмо получишь от любимой, вспомнишь дальние края. И закуришь. И с колечком дыма улетает грусть твоя. Эх, махорочка-махорка, породнились мы с тобой. Вдаль глядят дозоры зорко, мы готовы в бой, мы готовы в бой». С тех пор я больше нигде и никогда этой песни не слышал.

В победном сорок пятом мы с мамой и сестрой жили уже в деревне Богашёво под Томском, куда переехали к бабушке после того, как не стало отца. Хорошо помню, как встречали возвратившихся с войны односельчан. Как бережно доставали они из-за пазухи платочки с завёрнутыми в них орденами и медалями. Носить награды на груди несподручно – был риск потерять их, поскольку в каждом доме дорогих гостей встречали не только хлебом-солью, но и доброй кружкой браги, которую в нашем селе называли почему-то пивом.

Вернулись, однако, немногие, да и те – кто без ноги, кто без руки. И долго ещё летними вечерами пели свои грустные песни молодые вдовы. Помните, земляки: «Цветочек ты, цветочек. Зачем же ты рано цветёшь?».

Не всё мы, ребятишки-первоклашки, понимали тогда. Вполне нормальным считалось отсутствие необходимой одежды или обуви. Даже в школу зимой приходилось ходить в сшитых матерью из старой телогрейки «бурках». Но так жили все, и нашей безотцовщине были присущи все детские занятия, игры, проказы, купания в пруду, выкопанном в живописном кедровнике ещё моим дедушкой со товарищи.

К тому же мы не голодали в прямом смысле этого слова. Всё же деревня – это прежде всего огород, а летом ещё и пучки, гусинки, саранки, ягоды, грибы, кедровые орехи и прочие дары леса. А у кого была корова, то, хоть и приходилось сдавать молоко государству, что-то оставалось и нам. И только когда выросли, мы стали понимать и осознавать, как трудно было на-

шим матерям. Как нестерпимо больно было переживать потерю самых близких людей. У моей двоюродной бабушки Анны Дмитриевны на фронт в 1942–43 годах ушли все три сына. Не вернулся ни один. Вот они – Михаил, Александр, Иван – на скорбных табличках в Лагерном саду.

Хорошо помню, как провожали младшего – Ваню. Стройный, смуглолицый красавец, только что окончивший школу-десятилетку. Перед отъездом в Томск на сборный пункт он подарил мне на память свою гитару, научил играть пару немудрящих мелодий. К сожалению, гитару ту я не сохранил. Через пятнадцать лет разбили её о чью-то буйную голову на студенческой пирушке в университетской «пятихатке».

В Томске новобранцы пробыли совсем недолго. Перед отправкой на фронт родственникам сообщили о времени прохождения эшелона через нашу станцию. Собралось на перроне полдеревни. Вот и состав из пыхтящего дымного паровоза и десятка деревянных вагонов – «теплушек», в простонародье называемых «телячьи». Высыпали солдаты. Поцелуи, протянутые руки, напутствия, пожелания вернуться живыми. Вот и Ваня в новенькой форме и, несмотря на летнюю жару, с шинельной скаткой через плечо. Мечется по перрону, ищет свою маму. Как сейчас слышу его тревожный голос: «Мама, где мама?».

А мама его, Анна Дмитриевна, прийти не смогла. В этот день директор школы, где она работала техничкой, отправил её на покос. Ослушаться было нельзя. За это полагалась уголовная ответственность. Такие вот были времена...

Долгое время напоминанием о тех проводах служил мне старинный вокзал постройки начала прошлого века с его ажурной башенкой, летней верандой, буфетом и небольшим сквером с жёлтыми акациями. Сто лет простояла эта жемчужина архитектуры, радуя глаз богашёвских жителей и проезжающих пассажиров. Стоял бы и сейчас, не особо проявляя признаков старения, но пришли лихие для культуры времена. Несколько лет назад вокзал разобрали и куда-то увезли. Не исключаю, что оригинальный купол этого шедевра, созданного руками наших предков, вполне может украшать дачу какого-нибудь железнодорожного начальника. Сейчас на месте вокзала – пустырь, заросший сорняками, а вместо посыпанного мелким песочком перрона – настил из щелястых железобетонных плит. И негде укрыться от непогоды многочисленным дачникам и «мичуринцам».

Теперь о том, как отмечали День Победы. Деревня гудела, как и вся страна. Наши собрались в просторном доме матери трёх погибших братьев. Громкие разговоры, грустные протяжные песни, махорочный дым. Визгливо заиграла старенькая гармошка в руках не очень умелого пожилого музыканта. И тоскливый взгляд солдата Терентия в гимнастёрке без погон и без руки – до войны лучшего в деревне гармониста.

Деревенское пиво делало своё дело, и вот уже заскрипели половицы в такт простенькой мелодии. И пошли частушки-припевки. Вот вышла в круг и хозяйка дома. Она притопывает, припевает: «Оба-два, оба-два, оба-два – четыре. Кто-то двери отворил...». Только вместо «милый мой, не ты ли» она трижды по-

вторяет «Мишенька, не ты ли, Шурочка, не ты ли, Ванечка, не ты ли?». И слёзы ручьём, и невыразимое горе и отчаяние в глазах.

Приятным грудным голосом начала песню о Ленинграде эвакуированная и жившая в нашем доме с двумя детьми Анна Сергеевна: «Ленинград мой, милый брат мой, родина моя». И захлебнулась рыданиями, вспомнив, видимо, о погибшем на фронте муже, изувеченном, настрадавшемся родном городе, оставшихся там родственниках и друзьях. По всему по этому не совмещаются в моём сознании слова «праздник» и «война». Не может быть война поводом для праздников, это огромная трагедия. Но память о ней, о Великой Победе, одержанной советским народом путём невероятных трудностей и лишений, массового героизма наших родителей и дедов на фронте и в тылу должна оставаться в памяти поколений навечно.

И отмечаться дни памяти войны должны не только и не столько проведением официальных торжеств, но прежде всего проявлением глубокой благодарности, уважения и реальной поддержки тем, кто спас страну, кто всё превозмог и победил.

Сергей ЯКОВЛЕВ

КРАСНОРЕЧИВАЯ ЗАРЯ

* * *

По велению Божию вышло:
Этот конь от начала веков
Ни оглобель не знает, ни дышла,
Ни удил, ни тем паче подков.

По земле-то – не много и надо,
Коли он, словно птица, крылат.
Никакая земная преграда
Не грозит ему страхом утрат.

Не призёр скаковой и не мерин,
И не режет он плугом пласты...
Ни на что променять не намерен
Вдохновенной своей высоты.

О бальзам поднебесного вдоха!
Он с лихвой упоён синевой,
Но о нём пусть не думает плохо
Работяга, собрат ломовой.

Вот взлетает Пегас, будто ветер,
И копытами землю не рыл,
Но опять ведь никто не заметил
Эту мощь в напряжении крыл!

* * *

От этой мглы сонливо-серой
Восток очистился не зря:
Готова к выходу пораньше
Красноречивая заря.

Денёчек майский разрастётся
На вербных сладостных дрожжах,
Над белым яром снова будет
Вся высь небесная в стрижах...

Конечно, всё – воспоминанья:
И час предзорный, и река...
Не удивительно, что втайне
Печальна каждая строка.

Но всё ж я ту зарю встречаю,
Запахнет воздух, словно мёд...
И дед мой добрый на рыбалку,
Как обещал, меня возьмёт...

ТАЛАНТЫ

Без шума сосны не качаются,
Звезда не светит без загадки...
Таланты жизни не кончаются,
Но нам понятны лишь задатки.

Ещё в нас много лилипутного,
Хоть на олимпах не впервые;
Как долго к ним ведут и путано
Дороги тёмные, кривые.

В глубинах жизни дно немислимо,
О, их попробуйте измерьте!
А то, что бомб кругом бесчисленно,
Так это всё таланты смерти.

* * *

Уж ночь немотой накрыло,
Но станет ещё мертвей:
Луны золотое рыло
Просунется меж ветвей;

Фигуры, черны и тощи,
Кривясь, поползут на свет...
Скелетным останкам рощи
Иного исхода нет.

И только зима забыться
Поможет смертельным сном,
Но будет беззвучно биться
Замедленный метроном.

Препятствий кошмарно много
До времени майских дней,
Но ищется та дорога
Чем долее, тем верней.

ДЕНЬ ПРИШЁЛ...

День пришёл большой и светлый,
Сразу крепко обнадёжил:
То, чего подолгу жду я,
Посетит меня вот-вот...

Дай-то Бог, чтоб так и вышло.
Но откуда он всё знает,
Если я на сердце веру
Сам ещё не укрепил?

Впрочем, есть уже догадка,
Что ему не показалось,
Как во мне проснулось что-то
Очень близкое любви...

Тени синие по снегу,
Крик смеющихся малышей,
На подходе март и праздник, –
Всё божественно опять.

Да, стучится вдохновенье...
Это день – большой и светлый –
Чудодейственно с надеждой
Свёл и веру, и любовь.

* * *

Сердце знает секрет упоенья,
Потому я и сделаю так,
Чтобы в печке пылали поленья
Под аккорды метельных атак.

Будет мир многолюдный покинут.
В крепкий чай превращу кипяток.
Может быть, небеса мне подкинут
Замечательных строчек пяток.

Но однако же я не об этом...
Любопытно подумать порой:
Что всего драгоценней поэтам,
Утомлённым словесной игрой?

Друг на друга ещё не сердиты,
И, в кругу проявляясь одним,
Мы себя, молодые пииты,
Поджигали с устатку вином.

С грузом лет разбрелись отчуждённо
И во всём поменяли меню,
А в итоге и ночью, и днём
Верим только живому огню.

СКАЗКА

Как в бане, дух берёзовый
Крепчал на солнцепёке,
И цвёл шиповник розовый,
И омут был глубокий.

И так себя раскованно
Вёл ветерок прибрежный;
А в грозы он рискованно
Терял свой образ прежний.

Душа его – о, мистика! –
Безумством упивалась,
Хотя нигде ни листика
Сорвать не удавалось...

Что ж день так опечалился?
Молчит пустой скворешней.
Июнь стремглав отчалился...
Июль – ещё поспешней...

В небесных красках вечера
Всё больше фиолета.
Плодами обеспечило
И точку ставит лето.

Листва летит, вращается...
Пропеллеры, сердечки...
Всё в сказку обращается,
Особенно у речки.

Там ель подобьем пагоды,
Оттуда вышел леший,
Он рвёт шиповник-ягоды,
Где омут обмелевший...

* * *

Каких вам красок, если даже
И зелень выцвела, и синь?
Тоскливо-тусклые пейзажи
Куда ни глянь, куда ни кинь.

Больное время, остывая,
Всему придаст бескровный вид;
Одна лишь память цветовая
Палитрой радужной живит.

Иначе как в такую пору
Мечтать и двигаться вперёд,
И возвращаться к разговору,
Который за душу берёт?

ТУЧА

Она была страшнее ночи,
До невозможности огромна,
В ней грохотали что есть мочи
Обвалы каменного грома;
Расколы молнийно змеились,
Чтоб чернота – ещё чернее...
И наши души изменились,
Природно делаясь прочнее.

Ничто им больше не мешало
На волю вырваться восторгом,
Следить, как ветер слепошаро
В порыве бесится недолгом,

Как дело близится к итогу,
Как солнце выглянуло жарко...
Гроза утихла, слава Богу,
Но с ней прощаться было жалко.

* * *

Здравствуй, бесхитростный осени герб –
Стылого месяца сточенный серп!
Что нам покажет широкий огляд
В пору подсчёта не только цыплят?
Всех бы назвать, на таком рубеже,
Кто с нами путь не продолжит уже...

Мы ещё здесь, на дорогах земли,
То на стремнине, а то на мели;
Нам ещё видится целей мираж...
Нас ещё может растрогать мураш,
Снова – по правилам жизни своей –
Выбравший ношу себя тяжелей.

Путь наш. Остаток, совсем небольшой...
Всех назовём и помянем душой;
Здесь, где укрыты от глаз наших вы,
Снег налипает на зелень травы,
И улетает вопрос к высотам:
Как-то вас встретили-приняли *там?*..

Александр САЙБЕДИНОВ

ГДЕ МНЕ ДОМ, СКАЖИТЕ МНЕ, ДОРОГИ

* * *

Спасибо, жизнь, за ласковое утро,
За мягкий свет, проснувшийся в тумане,
За новый день, обыденный как будто,
За муху, утонувшую в стакане.

За боль в спине, за вскормленный гастрит,
За первые шаги священным днём,
Спасибо, жизнь, за то, что всё болит,
А я же не жалею ни о чём.

Спасибо вновь за прерванный покой,
Забвенья ночи я не тороплю,
За утро, приходящее с тобой,
Спасибо, жизнь, за то, что жить люблю!

* * *

По нескошенным травам пойду за тобой
Босиком, искупаюсь в пыли,
Целовать меня будет полуденный зной,
Добавляя дурман конопли.

И обмякнут луга под ногами у нас,
Тёплым ветром в себя позовут,
Опрокинется небо лазурью сейчас,
Облака в бирюзу унесут.

Тимофеевка нежно уткнётся в лицо,
Стрекоза настрекочит покой,
Обручальное лето набросит кольцо,
Разнотравьем венчая с тобой...

* * *

Вечереет, лёгкий с моря бриз,
Парусник, белеющий в тумане,
Все дороги к морю только вниз,
Камни в них уложены стихами.

Здесь, в густой цветущей тишине
С запахом лавандовой волны,
Моя жизнь в любви призналась мне,
Возвратив ночам цветные сны.

Подарила счастье понимать,
Что дорога вверх из тех, что вниз...
Я сейчас по ним пойду гулять.
Вечереет, лёгкий с моря бриз...

* * *

Ты обожгла меня манящим взглядом,
Объятая истомой южной ночи,
Мой разум испугался: нет, не надо,
А сердце понимать его не хочет.

Твоё дыханье, тайные глаза,
И нежный сок твоих дрожащих губ,
И тихое, бессильное – «нельзя»
Под возмущённо-яростное – «глуп»...

Пока решал, что можно, как мне быть,
Ночь улыбнулась и ушла с другим.
Ты попросила просто прикурить,
Вкусая жизнь... А мне остался дым...

* * *

Где мне дом, скажите мне, дороги.
Сколько вас, навязанных судьбой,
Где с горчицей в ванне греют ноги,
Где в кровати прячется покой...

Где я знаю всё, что будет завтра,
Где и с кем я радости хлебну,
Или где не будет каши в завтрак,
Но в слезах от счастья утону...

Где себе я выберу дорогу,
И пойду дорогой я иной,
Только вот согрею в ванне ноги...
И в кровать... Надеюсь, ты со мной...

* * *

А Россия укрылась снегом...
Вьюга, ветры, метель, пурга,
Над величественным ковчегом
Потрудились для всех снега.

Всё укрыли: дома, дороги.
Стал действительно белым свет.
Всё засыпали: страх, тревоги,
Все укутали «да» и «нет».

И теперь, словно мудрый Ной,
Не пленяясь безумным бегом,
Белоснежный храня покой,
Вся Россия укрылась снегом.

* * *

В лазури купаются кудри берёз,
В проталинах мокрые парятся мхи,
И пахнет весной оживший навоз,
И где-то за лесом поют петухи.

А воздух врывается свежей волной.
Я небо хватаю руками, как хлеб,
Тревожа привычно священный покой,
Я вновь понимаю, как глух был и слеп.

Стою полупьяный, но сильно живой,
А дымкой тягучей волнует она...
Мы баньку не зря истопили с тобой
Как раз в воскресенье... к тому же весна...

* * *

Давным-давно заброшенный баркас,
Заботливо укутанный песком,
Вновь с грустью с моря провожает нас,
Глотая пены набежавший ком.

И я в глазах притихшую волну
Усиленно от сглаза укрывая,
Несу с собой, проплачусь и верну,
Я просто большее про море знаю.

Всё сложное останется на дне,
Усталость, боли, страхи и потери,
Вот только море станет солоней,
Цена любви, расплата за доверье.

Портал тепла, обитель чистоты,
Всё так же море щедро манит нас,
Но солонее диалог на «ты»...
И всё грустней заброшенный баркас...

* * *

Звуки скрипки, лето, вечер, море,
Мидии, прибрежное кафе,
И слова, что тонут в разговоре,
А очнутся в будущей строфе.

А скрипач смычком вонзился в душу,
Солнце утонуло в тишине.
Я прошу, сейчас меня не слушай,
Всё скрипач расскажет обо мне...

Вознесёт в надрыве над волной.
Что ненужно, просто в море смоем,
Что моё, оставит всё со мной:
Звуки скрипки, лето, вечер, море...

Лидия Овечкина

С КРЫШИ НЕБО КАЖЕТСЯ ВЫШЕ

ПРИШЕСТВИЕ ОСЕНИ

Как незаметно сентябрь август сменил –
Только мгновенье. И нет уже времени лета.
И словно с последним вздохом – упадок сил,
И время упущено, чтобы искать ответы.

Осень – для мыслей, и размышлений для.
Дождик секунды отсчитывает капелью –
Капли с крыш словно соло поют для меня,
Ветер приносит звуки осенней свирели...

Серое облако село на берег Томи,
Лёгким туманом окутало бор вдалеке.
Осень спустилась тихонько на край земли,
С севера к нам прибыв по холодной реке.

ПРЕДЗИМЬЕ

Между осенью и зимой
То подтает, а то – замёрзнет.
Зябко ёжится город мой:
То – предзимье. Пальто набросить,

На крыльцо шагнуть: снег кругом,
Да немного. Ещё заметны
Листья жёлтые под окном,
Их не скроет снег. Веют ветры.

И – то солнце меж облаков,
То снежок или дождик брызнет:
Время, данное нам на то,
Чтоб привыкнуть к зимы капризам.

ЛЕТАЮЩИЙ КРОКОДИЛ

«Рождённый ползать – летать не может»,
Но если очень хотел взлететь,
То из упрямства вперёд с разбега
Пытаться стоит в полёт успеть,

Сорваться к небу. Пусть крыльев нету –
Цепляйся лапами за облака.
Не важно, кто ты – вперёд с разбега
И понесёт тебя мечта, легка!

* * *

Я в тимирязевском бору
Черники-ягоды нарву.
В холодный солнечный денёк
Бор – словно в сказке теремок –

Сияет зеленью своей.
Свистит синичка: не жалея...
Луч золотой в листве блестит,
И ветер тихо шелестит.

И август звёздные дожди
Рассыплет. Лето, подожди!..
Но ускоряет лето ход.
Тепло... Тепло вот-вот уйдёт.

* * *

Ну что, мой Томск, опять мы вместе.
Тобой люблюсь на ходу.
Нам будущее – неизвестно,
Но под зонтом опять иду

По улочкам твоим старинным,
Листая прошлые века.
Дома расскажут мне былины.
Здесь – тени прошлого... Строка

Не сложится – одни обрывки
И многоточия теней,
Где бледный отсвет от улыбки
Из памяти минувших дней

Окрасит улицу сияньем
Осенней праздничной листвы.
И сердцу в такт – твоё дыханье,
Мой Томск. Вновь вместе я и ты.

* * *

Ветры веют над рекой,
А по ней идёт шуга.
Вьюга словно бы рукой
Запахнула мир в снега.

Берег белый пуст и гол,
Ни души. И тишина.
За рекою тёмный бор,
Тускло в облаках луна

Освещает этот мир,
Где снега всё замели.
Лишь следов лежит пунктир
Там, где рыбаки прошли...

* * *

Почему не гулять по крышам?
Мы забыли их добровольно...
С крыши небо кажется выше,
И на крыше дышится вольно,

С крыши месяц кажется больше –
Он как хлеба горбушка на блюде.
С крыши звёзды красивей и ярче,
Млечный Путь как дорога... Люди,

Поднимитесь, прошу, на крыши,
Вы увидите мир, как чудо,
Вы услышите: звёзды дышат,
Рассылая свой свет повсюду!

Ли́ра Герклотц

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК

В саду росла груша. Не просто дерево, а мать всех деревьев! Она плодоносила так, что можно было к сентябрю праздновать не яблочный, а грушевый спас. Бегали по соседним дачам и кричали: «Возьмите наши груши, а то спасу от них нет!». Какого сорта были груши? Я уж и не помню. Размеры они были небольшого. Снаружи жёлто-зелёные, но самое удивительное было внутри. Внутри они были розовые! Ароматная светло-розовая мякоть... В меру сочная, так что, откусывая мягкую плоть, соком не обляпаешься: не течёт, но и не сухая. На кожице имелись коричневые крапинки, как будто по этой груше несколько раз пробежали, обмакнувшись в краску, сороконожки – такие были маленькие и аккуратные точки. Плоды блестели на солнце, словно их натёрли воском, они подставляли свои упругие бока солнцу, и некоторые с одной стороны имели алые пятна. А на вкус мякоть сладкая, а кожица с кислинкой.

Мы, хоть семья и аристократов, но практичные. Поехали продавать добро на рынок. Мамин брат договорился с другом, пригнал грузовик. Дедушка и бабушка вытащили из сарая старую стальную ванну и три железных ведра. Мама принесла ещё одно пластиковое. Пустую ванну сразу погрузили в кузов. Вёдра и ванна мгновенно заполнились грушами доверху, даже с горкой вышло. Ехали весело: грузовик подпрыгивал на кочках, а с ним плясала и ванна, и груши, и я.

Приехали на рынок, нашли место для торговли, выгрузили товар. Мамин брат ушёл пить пиво с шофёрами, бабушка отправилась по рынку за другими необходимыми нам продуктами. Дедушка остался со мной. Приглядывал.

Подходили парни и девушки, спрашивали, настоящие ли груши, дедушка злился, говорил, что раз ребёнок ест, значит, настоящие. Люди интересовались, пробовали, но проходили мимо. Я не позавтракала утром, поэтому завтракала грушами и прямо «на работе».

Я уже умела говорить «р» и стр-р-рашно гор-р-рдилась этим. Во-первых, это вызывало восхищение у всех членов семейства, во-вторых, это давало необходимое превосходство над двоюродным братом: я могла произносить своё эрсодержащее имя без ошибок, а он не мог.

– Груши! Ароматные груши! Вкусные груши! Красивые груши! – выкрикивала я.

Справа от меня сидела бабушка в платочке с двумя пластиковыми вёдрами: одно, красное, побольше, другое, голубое, поменьше, в которых были грибы.

– Это грузди, груздочки, – ответила старушка.

Грузди? Г-Р-У-З-Д-И! Какое волшебное и звонкое слово! Не то что шумные груши! Так радуешься на «р», но перед «ш» нужно утихнуть, никакой радости, никакого восторга, а тут: «г», «р», «з», «д»! И можно кричать! Чем громче, тем

лучше! Что это бабушка сидит и молчит? Что же она шепчет себе под нос? Как же люди узнают, что у неё есть грузди?!

– Груздочки берём! Груздочки берём! – рекламировала я.

Торговля пошла на славу! Через полчаса бабушка засобиравлась домой: торговать стало нечем. Она улыбалась, отчего лицо её делалось таким морщинистым, что становилось похоже на кору нашего грушевого дерева. Глаза стали узенькими и блестящими от радости.

– Спасибо тебе, милая, спасибо. Дай Бог здоровья! – приговаривала она.

А я сидела довольная оттого, что мне разрешили выкрикивать прекрасное слово и продавать чужой товар.

Бабушка взяла трость и, охая, пошла с рынка. Чёрный платок с хохломой, тёплая фиолетовая вязаная кофта, цветастая ситцевая юбка, оранжевые носки в галошах удалялись, смешиваясь с толпой, наконец совсем скрылись из виду. Я сразу как-то устала и задремала, а когда проснулась, то день уже кончался.

У нас торговля не шла, и грустная ванна по-прежнему была полной.

Через час мы погрузили всё в грузовик. Мамин брат ворчал, бабушка и бабушка сидели уставшие, мама молчала. Она взяла одну грушу из ванны, потёрла её об олимпийку, критически осмотрела со всех сторон, отгрызла кусочек, прожевала и усмехнулась.

Больше на рынок мы не ездили.

СИНИЧКА

Темно на улице. Тихо. Ни зги не видно. И лес, и поля, и деревни – всё накрыто тёмным пологом. Крепок сон в такой час. Весь мир молчит. Весь мир замер. Только рука, лежащая на животе, поднимается и опускается: вдох-выдох, вдох-выдох.

Вдруг запели птицы, и громко так, звонко, и не умолкают ни на минуту. Две вороны, сидя на разных деревьях, хрипло переговариваются друг с другом. Кто проснулся в такой ранний час, тому уже не уснуть. Щебет, песни за окном. В пять утра сон чуткий. Но то у молодых. Лежит на кровати Серафим Степанович. Храпит. Ноздри раздуваются и сжимаются, как меха на аккордеоне. Щебет птиц не может разбудить его.

Начало светать. Солнце стремится выйти к реке из-за деревьев. Река течёт мирно, спокойно: не скачет, не прыгает по камням, она широко разлилась, вышла из берегов, затопила лес и успокоилась. Зелёная лодка рыбака еле различима на мутной зелёной воде таёжной речки. Лодка неуверенно движется: рыбак пытается найти удобное место для своего промысла. Солнце пробирается между деревьями всё ближе к реке. На лице рыбака то солнце, то тень. Он то зажмурит, то широко откроет глаза. Посмотришь в воду впереди себя – кажется, что идёшь по пешеходному переходу, так чередуются свет и тень на воде. Только переход этот бесконечен и уходит далеко-далеко вперёд по течению реки за горизонт.

А на левом берегу уже совсем светло. Между двумя холмами, в тени, яркое жёлтое пятно. Одуванчики, словно огненный ручей, спускаются с вершин холмов и впадают в фиолетовую реку сибирских кандыков. На цветочном ковре, словно блики, кое-где видны ветреницы. Ближе к реке ковер становится совсем жёлтым от лютиков и хохлаток. Солнце поднялось выше. Теперь его лучи играют на руках Серафима Степановича. Руки сморщенные, сухие, вены просвечивают сквозь бледную кожу, словно русла рек. Один игривый лучик попал на зеркало трюмо, а оттуда прыгнул зайчиком прямо в правый глаз Серафиму Степановичу. Он чихнул, открыл глаза, правый сразу же заслезился, Серафим Степанович вытер рукой неприятную влагу, потянулся, закричал и сел на кровати. Зевнул. Опустил ноги, не глядя, попал прямо в клетчатые тапочки.

На улице хорошо. Свежо. Майский ветер приводит деревья в движенье, и они начинают здороваться друг с другом.

Серафим Степанович выходит на улицу в стареньком синем кафтане, но весьма опрятном. Старик очень любит этот кафтан, ему его покойная жена сшила. Добротная вещь, говорит он, много-много лет мне служит. И детей в нём воспитал, и внуков вынянчил, и помру, наверное, в нём. Сел Серафим Степанович у берёзы на скамеечку и греется на солнышке. Как бы ни было тепло на улице, а старикам всегда холодно. Кровь уже не молода, не горяча. Серафим Степанович залюбовался зелёным блестящим, словно металлическим, жуком, который полз по стволу берёзы. «Куда ползёшь, Аркадий? Много ль дел у тебя сегодня? Ждёт ли тебя дома твоя любимая Марфа?» – мысленно задаёт Серафим Степанович вопросы жуку. Неизвестно отчего, но всех жуков он называет Аркадиями, и считает, что на каждого Аркадия найдётся какая-нибудь Марфа.

В это время на ветку берёзы, как на сцену, садится синичка и поёт-заливается. Что за красавица! Фрак жёлтенький, шапочка чёрная, щёчки белые. А поёт-то как! Щебечет да приговаривает: «Скинь да положи, скинь да положи». Словно ребёнок лепечет детскую песенку... Заслушался старик, заулыбался. А синичка продолжает напевать. И слышится старику, что синичка поёт: «Синь да хорош, синь да хорош». «Что ты щебечешь, синичка? – спрашивает старик птицу. – Сядь ко мне поближе, я уж совсем глухой стал, ничего не слышу». А синичка спрыгнула к Серафиму Степановичу на скамейку да знай своё твердит: «Скинь да положи, скинь да положи». А ему всё слышится: «Синь да хорош, синь да хорош». Сидит старик, слушает пение. Доволен, что его кафтан даже синица похвалила. Солнышко припекает, полдень уж наступил. Стало жарко Серафиму Степановичу, скинул он кафтан с себя да положил на лавочку. Тут-то синичка схватила кафтан в клювик и улетела.

Маргарита Сенчило

ХЛЕБ С НАЧИНКОЙ

Это была ночь летнего солнцестояния. Розовым воскресным утром июня сорок первого года внезапно надвинулась на нашу землю зловещая туча войны.

Ещё мирно спал городок Любань. Люди, уставшие за трудовую неделю, намеревались отоспаться влать. Посапывали в своих постельках малыши. Сенечка, мальчик четырёх лет, голубоглазый, с вьющимися льняными волосами, спал с мамой рядом. Мама Вера была молода и белокура, как сын. Муж её был в отъезде по служебным делам в Ленинграде.

Но судьбе было угодно перевернуть жизнь людей в одночасье – война!.. Страх и тревога поселились в душах людей. Отца призвали на военную службу. Шла эвакуация, не хватало транспорта, не многим удалось эвакуироваться.

Наши войска отступали с запада, проходя через городок. Бойцы были усталые, много раненых. На конных повозках и машинах везли тех, кто идти не мог. Шла военная техника, потрёпанная в боях. Проходя мимо местных жителей, солдаты опускали глаза. Но рыжий парень в изодранной гимнастёрке крикнул:

– Милые, держитесь! Мы обязательно вернёмся!

Шедший рядом добавил:

– Берегите себя и детей.

Один немолодой солдат сунул Сеньке кусок сахару и потрепал по голове:

– Ишь ты, какой кудрявый!

Какое-то время город был ничей. Стояла гнетущая тишина. Но двадцать пятого августа в городок вошли фашисты. Гул машин, отдалённая канонада, выстрелы, трескотня мотоциклов – и вместе с облаками пыли и гари строем вошла чужеродная вооружённая масса в немецкой форме. Пугала резкая речь, непонятная и страшная.

Вера, копавшаяся на грядке в огороде, увидев это, схватила Сенечку, и они быстро спрятались в углу двора в погребе, который был открыт для просушки. Крышку закрыли над головой. Темно. Жутко. У Сеньки сердце колотилось от страха. Но сидеть в темноте и ничего не видеть было ещё страшней. Мать чуть-чуть приподняла крышку погреба, и Сеня перед самым своим носом увидел ноги в грубых сапожищах, услышал гогот и крики солдат, которые обливались водой, брызгая друг на друга и громко хохоча.

Нога в сапоге, подцепив крышку погреба, резко отбросила её, и мать с ребёнком, съёжившиеся и до смерти испуганные, оказались на виду. Молодой красномордый солдат заржал и подозвал других поглядеть на эту «забаву». Один из немцев плюнул на них и попал Сеньке на руку. Тот нахмурился и сказал громко:

– Дурак!

Подошёл офицер, что-то приказал, и Вера с Сенькой мигом оказались вынуты из укрытия, а один солдат из автомата, висевшего у него на животе, расстрелял внутренность погреба. Солдаты шныряли всюду, осматривая каждый закуток дома и двора. Таково было знакомство с врагом.

Началось существование «под немцем». Хозяева быстро навели «порядок». Отобрали продукты, выловили во дворах всю живность: кур, коз, коров, поросят. Солдаты расселились по лучшим домам. Местные ютились, где придётся.

Сенька с матерью обосновались в сарае, благо, что было ещё тепло и там лежало сено. Взрослых, в том числе и Веру, немцы собрали в бригады и гоняли в соседний совхоз, там они работали с раннего утра до позднего вечера.

Сенечка и соседские ребята остались без присмотра. Они держались кучкой человек в шесть-семь, так было веселее и удобнее. Одно время они повадились всей гурьбой ходить на железнодорожный вокзал, где было гораздо интереснее, чем во дворе. Здесь иногда им перепало кое-что съестное: недоеденные галеты, брошенный сухарь, а однажды какой-то сердобольный немец дал понравившемуся ему Сенечке целую плитку шоколада, которую они тут же, как воробы, поспешно поделили между всеми.

Но один раз, в недобрый час, дети увидели, как из товарного вагона, у которого из стенки выпали доски, посыпались на землю булки хлеба. Дети инстинктивно, позабыв об опасности, ринулись поднимать хлеб. Сенька, как самый маленький и вёрткий, схватил булку и мигом спрятал под рубаху, придавив резинкой от трусов.

Как гром, раздались выстрелы из автомата – стрелял охранник с перрона. Дети кинулись врассыпную, роняя хлеб. Сенька юркнул, словно мышонок, под вагон, краем глаза заметив, что двое ребят, на бегу как бы споткнувшись, упали и не встали. Он догадался, что пули попали в них. Ужас сковал мальчонку – он был ни жив ни мёртв и просто влип в колесо вагона.

Двое охранников, сойдясь, начали обсуждать происшествие. Улучив секунду, Сенька с невероятной осторожностью оторвался от колеса, переполз рельс и кубарем скатился под откос с насыпи в заросли, где растительность скрыла его с головой. Обожжённый крапивой, исцарапанный, побитый, грязный и до смерти напуганный, он долго пролежал не шевелясь. Когда немного успокоился, то, крадучись, озираясь вокруг, хоронясь в высокой траве и кустах, он, обойдя далеко опасную зону, вернулся огородами к своему дому и юркнул в сарай.

Был уже вечер. Темнело. Мать ещё не вернулась с работы. Сенька достал из-под рубахи злополучную булку и спрятал, закопав её под соломой в углу сарая. Потом лёг на лежанку, укрылся тряпьем и уснул, как убитый.

Когда он открыл глаза, перед ним на коленях стояла мать вся в слезах и ощупывала его – цел ли? Она, возвращаясь с работы, уже узнала, что двух мальчиков немцы убили на вокзале. Сенька торопливо, сбиваясь, шёпотом рассказывал, как было дело.

Ночью, когда совсем стемнело и квартиранты-немцы затихли, Сенька показал место, куда зарыл хлеб. Вера нашла булку, разломив её, почувствовала что-то твёрдое. Достала. В мякише застряла пуля! Ей стало дурно, она упала рядом с сыном и проплакала до рассвета...

Елена Сидоренко

ВЕРНОСТЬ

Младшая дочка давно хотела завести щенка. И вот в десять лет бабушка, моя мама, пошла у неё на поводу. Выбирали вместе с бабушкой кобелька. Но к ногам прижалась сучка. Рыженькая, весёлая и забавная, она тёрлась об ноги девочки и словно просила: «Возьми меня на руки, это ж я – подружка твоя!». И вот они уже все вместе едут на дачу.

Назвали собаку Динкой, как и её мамашу, охранявшую рыбный магазин. Была она красивой и вольной собакой, бегала свободно по двору, не то что папаша, лохматый чёрно-белый псиня, сидящий на цепи около будки. Впрочем, в том, что папаша именно он, можно было и посомневаться, так как из всех девяти щенков все были в материнскую масть – рыжие и с гладкой шерстью.

Так что родословная у нашего приёмыша оказалась дворянской. От слова «двор». Или попросту: «собака простая-городская». Вот только сумела она стать настоящим и преданным другом всей нашей семье.

Десять лет Динка охраняла деревенский дом в посёлке Богашёво, где жила моя тётушка, бывшая учительница и библиотечкарь. Динка любила и привечала не только старенькую хозяйку, но и всех нас, живущих или приезжающих погостить летом в родовое гнездо.

О том, что скоро придет кто-то родной и близкий, тётушка узнавала задолго до нашего появления. Каким-то невероятным чутьём Динка чувствовала нас, когда мы ещё шли по улице. Она садилась возле крыльца и поскуливала, нетерпеливо ожидая, когда же наконец-то звякнет щеколда от калитки. Увидев кого-либо из домочадцев, Динка стремглав неслась к нему, сбивая с ног. А когда видела сразу несколько человек, радости её не было предела. Она готова была облизать с ног до головы каждого. Но мы охлаждали её пыл. Погладив и осадив её фразой: «Ну, хватит, хватит, сейчас переоденемся, тогда и будем обниматься», мы заходили в дом.

А переодевшись для работы в огороде, бывало, за разговорами и забывали про Динку. Тогда она напоминала о себе, подавала голос: мол, что же вы там? А где моя косточка? Спыхватывались и несли ей гостинцы. Но как бы Динка ни была голодна, косточку она никогда не бросалась грызть сразу. Уносила в уголок и возвращалась назад. За лаской. И пока не почешешь её за ушками и по спинке, не поговоришь ласково, к еде не прикасалась. Иногда торопились заняться делами и мало уделяли ей внимания. Тогда Динка обижалась почти по-человечески: опускала голову и укоризненно смотрела вслед.

Была она умной собакой, это замечали все соседи, их собаки-пустобрёхи обычно лаяли по поводу и без повода. Она же – только по делу, когда во двор заходил чужой. Лишь иногда, из озорства и обиды, лаяла на соседскую кошку. Но та сама была виновата – любила дразнить Динку, вышагивая прямо перед

её носом, задрав хвост, но на расстоянии цепи. Понятно, что такого нахальства не выдержала бы ни одна собака.

А вот своего кота Ваську Динка никогда не трогала. Ели они, бывало, из одной чашки, а спали, свернувшись в один клубок, ведь так намного теплее.

Динка была бесконечно верной, доброй и ласковой. По выходным дням всегда ждала нас около старинного деревенского дома, построенного ещё во времена моей прабабушки, в начале двадцатого века. Всю неделю ей было скучно со старенькой хозяйкой, любившей жить в своём внутреннем мире, состоявшем из книг и телевизора или работы на огороде.

Зато в выходные начинался настоящий праздник. Каждый вновь прибывший привозил Динке косточку, котлетку или колбаску. Динка снимала лакомство с руки осторожно, уходила в уголок и там наслаждалась. Благодарила карим взглядом, доверчиво-верным и преданным.

За годы своей честной службы по охране дома принесла Динка большое потомство. Каждый год – по приплоду из нескольких щенков. Все щенки получались у неё, как на подбор, рыжие или шоколадные. Всех разбирали соседи. Долгими зимними днями и ночами ждала она лета, чтобы увидеть всех нас – городских. Особенно младших членов семейства – ребятишек, которым нравилось играть с ней. Ко мне же она забиралась на руки, как в детстве, забыв, что сама давно уже не щенок. Я садилась на крылечко и гладила её. Несмотря на то, что на мои колени она уже не входила, Динка всё равно старалась угнездиться так, чтобы как можно больше касаться меня всем своим телом. Тыкалась носом в подмышку, когда я её гладила и ласково говорила: «Ах ты, моя милая девчонка... Ах ты, лисичка моя рыженькая... Соскучилась, моя дорогая... А я-то как соскучилась по тебе...».

А как она радовалась, высоко подпрыгивая, когда мы всей семьёй собирались в кедровник. Стоило только произнести фразу: «Гулять будем?» – сразу подскочит, закрутит хвостом, носом в колени тычется, прыгает! Пыль столбом! И вот уже Динка рвётся вперёд на поводке и кажется, что это она хозяйина на себе везёт... У леса снимаем поводок, и она стремглав несётся без тропок и дорог...

Любила Динка в лесу бегать за палкой и приносить её нам обратно. Стоит с палочкой в зубах, довольная, что нашла, затем опускает её под ноги кому-нибудь и ждёт, когда опять кинут.

Гуляли мы с Динкой в Богашёвском кедровнике с мая и по октябрь, когда уже стояла золотая осень. Хорошо в кедровнике всегда. Воздух просто необыкновенный, насыщенный запахами хвои, цветов и кустарников. Но осенью кедровник становился просто изумительным в своём горделивом великолепии. Вековые и вечнозелёные кедры, часть из которых посадил ещё мой прадед, шумели, словно переговариваясь своими верхушками. Между стволами кедров проглядывали берёзки и рябинки в багряно-жёлтых сарафанах. А земля под ногами – как пух, мягкая, рыхлая, покрытая разноцветным ковром из хвои и опавших листьев.

Большинство шишек к осени уже было сбито местными жителями и

заготовителями, но часть ещё оставалась, в основном – на самых верхушках. Вот они-то под ветром и падали. Поэтому мы всегда спешили в кедрач в ветреную погоду, благо дойти до леса было всего ничего, не более десяти минут.

Динка тоже любила собирать шишки. Найдёт и лает. Зовёт к себе. Бывало, увлечёмся так, что разбредёмся по всему лесу, старшие члены семьи начинают волноваться: где ребяташки, как бы не потерялись. Более всего волновался дедушка за бабушку. Та очень любила грибы и могла уйти далеко в лес, охотясь за ними. Тогда и звали на подмогу Динку, которая носилась по лесу, как угорелая, накручивая круги, словно про запас. Понимала, что следующий раз будет только через неделю. Но стоило только крикнуть: «Динка, ищи бабушку!», и Динка мчалась по лесу, нюхала воздух и золотистую хвою, ковром устилавшую кедровник. Найдёт и ведёт хозяйку, гордо деду показывает: «Вот, нашла! Похвали и погладь меня!».

А ещё Динка любила кататься на мокрой земле и купаться в грязных лужах. Мы тогда не понимали, что собакам это полезно и даже нужно – вывалиться как следует в землю, так сказать заземлиться. Происходило это всегда на одном и том же месте. Чтобы пройти к красивому лесному озеру в кедровнике, нам приходилось переходить небольшой грязный ручей по узкой дощечке. И вот пока мы осторожно друг за другом шли по этому мостику, Динка со всех ног бросалась в ручей, зарывалась в грязную жижу и улыбалась во всю ширину пасти, высунув язык. А затем выскакивала, трясла мокрой шерстью, да так энергично, что чёрные капли летели на всех нас. Мы отскакивали и сердились на Динку, а она виновато виляла хвостом. Но в следующий раз всё повторялось заново.

Мы все любили Динку. А она нас. Но, как и все собаки, она выделяла одного – самого любимого. Моего отца, дедушку моих детей, она любила больше всех. Хотя зимой редко его видела. Лишь на него одного она смотрела особенным, проникновенным взглядом. И чувствовала его любое недомогание. С возрастом отец стал брать с собой в лес палочку – уставали ноги. На обратном пути из леса Динка практически тащила хозяина на себе. Чтобы ему было легче идти в гору, она натягивала поводок до предела, как настоящая ездовая собака.

Впрочем, выйти из леса с первого раза у нас редко получалось. На опушке леса, у деревни, мы обычно надевали на Динку поводок. Она же, понимая, что воля заканчивается и опять ей сидеть на привязи, стремилась намотать ещё несколько кругов по лесу. И лишь затем с повинной головой могла подойти к нам, позволяя пристегнуть поводок. Но это по молодости.

С годами Динка в лесу стала уставать и бегала мало, а вернувшись домой, сразу ложилась спать у крыльца старого дома. Перестала также отвязываться и бегать по кобелям года за два-три до своего ухода из жизни.

Как-то сказала ей хозяйка: «Вот умру, куда ты, Динка, пойдёшь? Тебя, такую большую собаку, в квартиру не повезёшь». Динка слушала, шевеля ушами и наклоняя голову, и всё понимала. Было это осенью.

А в январе ушла в мир иной моя любимая тётушка и Динкина хозяйка...

Суета. Похороны. Поминки... Динка долго выла, заглядывала в глаза каждому, как бы спрашивая: «А что же мне теперь делать? Кого сторожить? Кому я здесь нужна в этом старом доме?».

Дом, опустевший и остывший, Динка верно охраняла до весны, тем более что городские хозяева приезжали к ней каждый день. Её кормили, но всё же не сберегли... Не было болезней, да и возраст ещё не совсем старый, всего десять лет. Но, видно, правду говорят, что собаки и от тоски умирают. Для них важно быть кому-то нужным...

Летом мы все на даче. Приезжая, всегда вспоминаем нашу верную Динку.

Наверное, невыносимо стало ей без хозяйки.

Поскрипывает протяжно дверь приоткрытой стайки.

И, кажется, плачет рядом печальный рыжий щенок.

А в сенях пустого дома старенький поводок...

К 60-летию со дня рождения Владимира Антуха мы печатаем сегодня эссе молодого критика Михаила Родионова и подборку стихотворений безвременно ушедшего поэта.

Михаил РОДИОНОВ

ГОЛОС ОДИНОКОГО ЧЕЛОВЕКА

О поэзии Владимира Антуха

Существует множество личностей в мировой культуре, которые не были замечены при жизни: Винсент Ван Гог, Ян Вермеер, Франц Кафка, Эдгар По, Лотреамон – список можно продолжить. Ещё длиннее список авторов разного уровня таланта, которые так и остались забыты, а созданное ими хранится в домашних библиотеках и остаётся без внимания. В их число входит родившийся в Томске Владимир Петрович Антух.

Его жизненная и творческая биография не были наполненными громкими событиями. Между рождением в 1959 году и смертью в 1995-м всего 36 лет. В эти годы уместается трудовая деятельность в качестве слесаря, монтажника и кладовщика. Премия «Мой край родной» и участие в первом Всероссийском совещании молодых писателей. При жизни вышла изданная в 1989 книга «Граница времени».

Умер Владимир Антух от воспаления лёгких – врачи скорой помощи отказались госпитализировать Антуха, так как у того не было полиса обязательного медицинского страхования. После смерти А. И. Казанцевым был собран сборник «Знак скорпиона»¹ и последовало несколько публикаций в сибирских журналах и альманахах «Начало века», «День и ночь» и «Сибирские огни».

Издание посмертных сборников всегда связано с интерпретацией текста составителем. В первую очередь это расстановка стихотворений в определённом порядке для воссоздания художественного мира поэта, поскольку сам автор не мог этого сделать. Этот мир композиционно организован составителем как осмысленное целое.

Предисловие Казанцева, название которого «...Забвения я не желаю», принадлежит самому Антуху и представляет своеобразное последнее слово поэта, – это горькое воспоминание о потерянном друге и ушедшем ученике. Александр Казанцев так сформулировал цель издания и свою задачу: «Пусть эта книжка послужит тому, чтобы не забылся напрочь поэт, ушедший на 36-м году жизни».

¹ Антух В. П. Знак скорпиона: Стихи / Владимир Антух. Томск. «Образ», 1995. Стихотворения автор статьи цитирует по этому изданию.

Сборник начинается со стихотворения «Метель, метель», которое является своеобразным входом в художественный мир поэта. На сцене появляется поэт, о котором рассказывает посторонний наблюдатель: *«И хочет он// Лишь одного:// Чтоб в день// Грядущий// Пришли и поняли его// Чужие души»*. Для поэта единственно ценным является желание быть понятым.

В следующем стихотворении «Решать за меня ничего не надо» возникают черты личности поэта, что позволяет сделать вывод о наличии в поэзии В. Антуха лирического героя, который существует по принципу «Всё сам пойму и всё сам исправлю». Лирический герой предстаёт как цельная личность с обострённым желанием высказывания, и то, как оно будет понято, не даёт ему покоя.

Тема самоопределения и самоутверждения является основной в творчестве поэта – его лирический герой занимает очень чёткую позицию по отношению к миру, в котором существует. Это связано с образом реальности, который им создаётся – герой, где бы он ни находился (в природе или в городе), никак не может её увидеть, разглядеть, ему что-то мешает, отсюда и рождается постоянное стремление к самоидентификации – если нельзя постичь окружающее, необходимо работать с внутренним. Так, одним из важных образов в творчестве Антуха становится метель, которая появляется в первом стихотворении: *«Метёт метель/ И белый свет/ Подобен аду»*.

В русской литературе этот образ имеет множество значений: у Пушкина в стихотворении «Бесы» в этой стихии кружатся бесы, в «Капитанской дочке» метель перерастает в метафору народного бунта; у Блока в цикле «Снежная маска» это стихия страсти, а в «Двенадцати» – снова бунт и революция. У Антуха иначе – это своего рода состояние мира, из которого невозможно выбраться, это экзистенциальный образ, поскольку всё, что за ней, – не существует, и герой, *заброшенный* в неё, не в состоянии увидеть ничего, кроме снега: *«Не превратилось в снеговое крошево,/ В моей душе оставшись навсегда,/ Былое...»*.

Существенную роль играет мотив памяти, который сохраняет связь героя с тем, что было раньше, до метели в мире. Благодаря ей герой Антуха понимает, что за пределами актуальной реальности метели есть что-то другое. Но холодная стихия всё поглощает, заматывая воспоминания, делая прошлое недоступным. Так, в стихотворении «Друг детства» герой прослушивает магнитофонную запись с голосом друга. А за пределами дома *«За окошком опять завьюжило. Дом объят вихревою мглой [...] Ветер силою всей обрушился, / Гнёт деревья. Но держат корни»*.

Не всегда то, что стало частью метели, становится забытым. Иногда это воспоминание о чём-то плохом. Например, об отце в стихотворении «Визит». Исходная ситуация представляет встречу пятилетнего лирического героя со своим отцом, который ушёл из семьи ещё до рождения сына. Ситуацию их встречи уже сопровождает стихия, которая далее преобразуется в метель: *«Вечер – сед./ Первый снег гулял по миру»*. Образ метели детализируется, разделяется на то, что связано со снегом: снеговое крошево, первый снег, вьюга. В том числе и холод, мороз, лёд и ледниковый период: *«Мороз под сорок»*.

Вымерло всё и вымерзло». Все эти знаки, относящиеся к категории зимней стихии, уводят героя к небытию, к отсутствию жизни – к смерти.

В поэзии Антуха можно выделить ряд стихотворений, связанных с темой времени и человеческой истории. Это состояние реальности и находящегося в ней человека, когда непосредственно сближаются история мира и история одного отдельно взятого человека. Так, в стихотворении *«Не лгите мне. Ничто не повторимо»* лирический герой, наблюдая за ходом времени, помещает себя в один ряд с грешниками в аду: для него *«в прошлом, как и в будущем – темно»*. Темнота – это ситуация непонимания, которая требует адресата, в стихотворении попытка его поиска – ожидание письма, ожидание, которое *«невыносимо»*, но оно даёт подтверждение самого существования. Письмо здесь расширяется от текста в конверте до коммуникационного акта, и самого поэтического творчества, с помощью которого происходит утверждение себя в мире.

Герой потерян во времени и полагает, что рождён для другой эпохи, но какой – неизвестно: *«Век мой в веках затерялся [...] Ничто не вернулось на круги своя, и время с судьбой не совпало»*. Конфликт сглаживается благодаря выбранной позиции внаходимости: *«И только мы – бродяги и поэты – скитались по расхристанной земле»*. Они, подобно Сизифу, поднимают, как камень, свои стихи, в гору: *«В преисподню рушились подмостки. Но нам ещё не раз на них взойти»*.

Прошлое в сознании лирического героя остаётся лишь фрагментами, например, как воспоминание об отце (*«Не запомню в свете дня черт его лица. Хорошо, что у меня не было отца»*), воспоминание о друге детства, чей голос смутно доносится через снежное *«крошево»*, которое затмевает воспоминания. Из прошлого остаётся только пережитое самоощущение нависшей беды: *«И страх, крадущийся на мягких лапах [...] И замер я на улице нелепо. И всё гляжу, как тридцать лет назад, в осеннее простуженное небо»*. Мир существует как течение времени, которое невозможно осмыслить, в которое невозможно встроиться: *«И чем дольше живу, тем большего не понимаю, а многое уже никогда не пойму»*.

Переживание неопределённости времени, его бесконечности подытоживается стихотворением *«Одно и то же – сердце и боль»*. Герой с помощью таблицы геологических периодов пытается сравнить, как мир изменился за сто с лишним тысяч лет, как преобразился человек, изменилась ли враждебность мира по отношению к нему. Свои выводы он хотел бы высказать окружающим, но люди его призывов не слышат, поскольку сами стали частью зимней реальности: *«Ледниковая эпоха продолжается»*.

В стихотворении *«Границы времени»* Антух приглашает читателя на границу времён и исторических эпох: *«Прошлое с грядущим повстречалось. Что грядущему от прошлого осталось? [...] И готов я в гулкое пространство за границу времени шагнуть»*. Герой всё так же пытается найти смыслы в истории, найти в ней ответы на тревожащие вечные вопросы любви и памяти, обнаруживая слитность в истории всех событий: *«Сольётся, не останется в былом: вой «мессеров» над полем Бородинским и звон мечей на озере Чудском»*.

Время становится конкретным благодаря эпиграфу из «Ветхого Завета» (цитата из «Книги пророка Даниила»): *«И разумные будут сиять как светила на тверди...»* в котором сообщается о всеобщем человеческом грехе и последующем наказании, где только праведники обретут покой и новую жизнь. Антух мыслит строго в соответствии с ветхозаветным текстом, утверждая настоящее как наследие бесчестного и грешного прошлого.

Ряд стихотворений сборника включает образы античности и русского фольклора, например, стихи «Илион» и «Лабиринт». Мир находится в осажденном положении у бесконечной жестокости, люди проливают кровь. Из состояния нескончаемой войны нельзя найти выход: *«Войду в лабиринт Минотавра [...] Победой окончится бой. Но тонкая нить Ариадны оборвана будет тобой»*. Тем случайным людям, которые пытаются найти другой путь, противопоставляются те, кто поддерживает убийственный хаос: *«Сварил уху из рыбки золотой – та даже откупиться не успела»*.

Человечество пытается освоить мир через кровь, через насилие и завоевание. Этому посвящена древнерусская тема («Слово о погибели русской земли», «Из Лаврентьевской летописи») и история освоения Сибири («Из цикла «Землепроходцы», «Баллада Сибирского тракта», «Из цикла «Звон кандалный» «Томск. Век XVIII»). Эти исторические вехи изображаются через перемещение во времени – что близко и творческому сознанию поэта. Завоёванные чужие земли непригодны для жизни, непригодны для человека. То, что взято кровью, оказывается своего рода холодным адом: *«Однозвучно гремит колокольчик по замёрзшему ямщику»*. Во вновь возникших сибирских городах люди борются за жизнь там, где её ещё нет: *«Город жил в нищете, а не в неге. Он горел, но не был покорён»,* – завоевателей вытесняет враждебное азиатское пространство.

Стихотворение «Каменному мосту» открывает в сборнике раздел, посвящённый Томску того периода времени, в котором жил сам Владимир Антух. Его лирический герой встречает на Каменном мосту через Ушайку поэтов разных времён: Клюева, Мартынова, Всеволода Иванова. Этот мост – один из свидетелей времени, вросшие в бытие корни, которые остаются вечными наблюдателями и живыми памятниками, а мост, как сооружение – созданная человеком конструкция над водой – символом времени. Как образ – связующее звено между реальностью и её культурно-историческим отражением – отсюда на мосту появляются поэты Клюев, Иванов и Мартынов.

Каменный мост у Антуха – действующее лицо, равно как и церковь на Воскресенской горе из стихотворения «Набросок». За видимостью порядка и покоя, за туманом скрывается история в смертях: *«У проходной, где все спешат, и где толпа – слепа, Давно открытые, лежат че-ре-па»*. Цикл завершает посвящение «Родному городу»: историю, представленную смертью и человеческими судьбами, загубленными Сибирью, пытаются замочь, переиначить, насильно забыть. *«На этом месте когда-то базар кипел. Не смогли разобрать – взорвали»* – история укоренилась в земле, она сопротивляется как свидетель и пытается остаться на своём месте, чтобы показать людям другой мир, который был до них. Герой проходит *«мимо дома Радищева, в котором музея не будет [...]*

мимо бывшей почтовой станции, где стёрта память о Чернышевском [...] мимо тюрьмы – не бывшей, помнящей Короленко». При этом попытка затереть смерть и кровь прошлого бессмысленна по той же причине: «Не смогли разобрать — взорвали». Материю истории нельзя ни разобрать, ни взорвать, как дом, поскольку она даже не уходит в землю – она нематериальна, и остаётся на уровне культурных смыслов.

В стихотворении «Город чугунных оград» лирический герой, не находя ответа в прошлом, пытается их найти в настоящем и натывается на несвободу, откуда можно выйти только в смерть. Он понимает свою сопричастность русскому миру, в котором, «гремя кандалами свободы, Россия сквозь время бредёт». Сопереживает поэтам двадцатого века, которых перемолол «век-волкодав» и заставил уйти через самоубийство: «Поэты стреляются. Лезут в петлю, всегда оставаясь поэтами». Ответов нет и в чужой, непонятной Москве, которая может казаться ориентиром для приезжего – за важностью и помпезностью столицы чувствуется её чуждость, её причастность к насилию: «Пол-Москвы с утра глотает/ Ненасытное метро».

Оставляя внешний мир, лирический герой обращается к самому себе, уходит в поэтическое пространство: «Мгновенья заветных слов придут и мгновенно минут. И строки моих стихов, ещё не родившись, погибнут».

Темы времени, любви, жизни рождаются у Антуха из творческой силы поэзии: «Каждый прочитанный стих твой, что прожитый год [...] Сколько прожил я... И дней. И годов. И веков». Они взаимосвязаны: с появлением любви жизнь продолжается и длится время. Даже когда любовь уходит, жизнь не прекращается, хотя у Антуха любовь – чувство тяжёлое, это всегда боль, но она не трагична, не смертельна: «Боль свою с собою унесла. А мне – моя, как финский ножик в спину, но каяться не буду на миру. И никогда я ножик тот не выну. А выну – не надейся: не умру». Объект любви оказывается не так важен в сравнении с чувствами, которые действительно необходимы лирическому герою – само ощущение любви: «Я жив, пока они ещё живут во мне».

Герой Владимира Антуха находит единственный ключ к истории в поэтических смыслах, в творчестве: «Поэзия – бессмертие моё. Бессмертие моё. Или забвение». Созданный Антухом художественный мир находится в состоянии постоянной смерти. Если в истории смерть властвует, то в художественной реальности Антуха она существует как фон, на котором разворачивается реальность. Всё пребывает в ледяной стуже, всё засыпано снеговым крошечком, вокруг ничего не видно. Владимир Антух оказывается поэтом трагического переживания реальности.

Природный мир наполнен стихиями, которые не дают человеку возможности к существованию. Это стужа и беспросветная темень, от которой не спасает ни свеча, ни золото осенних листьев. Социальный мир оказывается точно таким же чуждым лирическому герою – человеческая цивилизация, частью которой является субъект, пребывает всё в том же ледниковом периоде – мир людей мёртв, и делает всё, чтобы таковым оставаться. Герой осуществляет попытки связаться с реальностью, быть понятым через рефлексию времени

и истории, через попытку определения собственного места, пытается найти язык, с помощью которого можно было бы вступить в контакт.

Этим языком становится поэзия. Благодаря поэтическому акту к герою приходит понимание собственного потенциального бессмертия – отсюда стремление к тому, чтобы *«тенью стать на Каменном мосту»*. Тень – факт существования чего-то реального – лирический герой желает стать тенью, чтобы обитать ровно в той же реальности, что и Клюев, Иванов – те, кто остался частью мира благодаря поэзии, поскольку поэтический акт – это не только возможность языка, но и иная форма жизни. А в поэтическом акте и смерть не страшна. В экзистенциальной вечности смерти нет.

Владимир АНТУХ

МНЕ СЕЙЧАС НУЖНА ТИШИНА

* * *

Как отчаянно ветры дуют
За окном. И горят снега.
Сел на корточки и колдую
У погасшего очага.

Все поленья огонь охватит,
Не жалея смолистых слёз.
Разольётся тепло по хате,
Как по городу зло – мороз.

Я под танец огня-рыжовки
С этих рук соскоблю смолу.
Кошка вылезет из духовки
И растянется на полу.

Будут ходики громко чакать.
Остывая, дымиться чай.
Будет в полночи выть собака
И гореть на столе свеча.

Новый стих я душой учую
И прочту его.
А пока
Сел на корточки и колдую
У погасшего очага.

21.12.81–19.09.82

ДЕКАБРЬ

*Вы лежите, словно снег, выпавший во время сна,
и, наверное, видите перламутровые сны...*

Гиги Сулакаури. В пять часов утра

В этом доме на стене
Тени ночи. Тишина.
Вы лежите, словно снег,
Выпавший во время сна.

Что свело нас в этот час,
В этом северном краю?
Сколько лет я знаю Вас,
А сейчас не узнаю.

Чей Вас мучает двойник?
Чтоб от прошлого уйти,
Вы забудетесь на миг,
На моей уснув груди.

Ночь безумно коротка.
Нет ни боли, ни вины.
К Вам пришли издалека
Перламутровые сны.

В этом мире только мы.
Только этот старый дом.
Только графика зимы
За декабрьским окном.

24.12.86.-12.01.92

НЕПРАВИЛЬНЫЙ РОМАНС

Уходит дилижанс по выбитой дороге,
Наотмашь хлещет дождь, и тонет мир в дожде.
А писем не догнать. Не задержать. В итоге
Они придут в срок из прошлого к тебе.

Они придут в ночь дождя и листопада,
И сразу пёс цепной зальётся лаем зло.
Черна и холодна в ночи ограда сада,
Но будет на душе твоей от слов тепло.

Я думал о тебе бессонными ночами.
Я с именем твоим ложился и вставал.
А прошлое моё смеялось за плечами.
Смеялось надо мной. Но я не отвечал.

* * *

Синих строчек сдержанный взмах.
Ближе всех, конечно же, дальние.
Я Вам напишу при свечах,
Как во времена стародавние.
В лучшие мои времена,
Где Вас, к сожалению, нет.
Мне сейчас нужна тишина,
Зыбкий и мерцающий свет.
Только не от чёрной тоски,
Что ютится в каждом из нас.
Просто Вы мне стали близки.
Не сейчас – давно. Не сейчас.
В мир Ваш не открою окно –
Ветром не задует свечу.
Вам об этом знать не дано.
Потому что я не хочу.
Потому что свечи лишь повод –
Оборвался «фазовый» провод.
Потому что ночью ко мне
Замело следы на земле.

* * *

Тишина на сотни вёрст окрест.
Слякотно. Уже не моросит.
Безысходность душу не разъест.
Только память в прошлое скользит.

Нёс тебя по лужам на руках,
Потому что ты была моей.
И качались звёзды на ветвях
Вымокших, поникших тополей.

Город незнакомый и чужой.
Ветер в стену врезался, скуля.
Если что и было за душой –
Это только ночь и тополя.

Только сонный, только лунный след
На стене и крашеном полу...
Никого сейчас в том доме нет.
Канул он в сгустившуюся мглу.

Больше ни о чём не говорю.
Только помню тот, последний взгляд
Женщины, которую люблю
И перед которой виноват.

Мне не сбросить груз своих оков.
С каждым годом давит он сильнее.
На столе пятнадцать дневников.
Что мне делать с памятью моей?..

ИЗ ЦИКЛА «НОЧИ НОВОГОДНИЕ»

Сочился сквозь окна декабрьский призрачный свет
И падала гулкая ночь на соседние крыши.
И только какой-то нахальный и юный поэт
Всё лез в разговор и не думал о том, что он лишний.

Ты в сборище это попала случайно. Давно
Тебя потерял я – в разгар високосного лета.
Застолье шумело, и пело, и пило вино.
Но целую вечность мы были вдвоём – до рассвета.

Уже намечался январский простуженный день,
Когда мы покинули дом, тишины не нарушив,
И долго метались среди ненавистных нам стен
Внезапно прозревшие наши мятежные души.

Пустынная улица. Город с похмелья не встал.
И только позёмка змеилась у нас под ногами.
Вдруг ветер тебя подхватил. А меня – освистал.
И нет никого. Я один. Ты уже над домами.

Тебя не вернуть. И звучит по ночам до сих пор
Чаконою Баха, а осенью чардашем Монти
Лишь ветер, который тогда оборвал разговор
На самой щемящей, на самой пленительной ноте.

Владимир КРЮКОВ

ЖИЗНЬ ПУНКТИРОМ

У моей книги «Жизнь пунктиром», изданной в 2007-м при поддержке тогдашнего ректора медицинского университета В. В. Новицкого, пожалуй, самая счастливая судьба. Книга довольно быстро разошлась. Мне о ней говорили добрые слова вживую и по телефону, присылали письма по электронной почте. Читатели вполне приняли эту форму, которую я обозначил подзаголовком «Вне жанра».

Мои сомнения, высказанные на встречах, что, возможно, книге недостаёт выстроенности, «правильности» были отринуты. Напротив, говорили мне, это и делает её интересной и привлекательной: выписки из прочитанных текстов вперемешку с впечатлениями жизни, непосредственность высказывания, доверие к собеседнику. Ободрённый, продолжаю свои записи.

* * *

Всегда в крови бродит время, у каждого периода есть свой вид брожения.

Юрий Тынянов

* * *

Насмешка дерзкая обманутого сына над промотавшимся отцом.

Михаил Юрьевич сочинил это в 24 года. Как точно и зло.

* * *

Вы пытаетесь меня убедить, что всё было не так, как на самом деле.

О ХЛЕБЕ

Январь 2007. Идём с Глебом (сын, г.р.2000) мимо магазина. Разгружают булочки и хлеб, в чистом морозном воздухе стоит свежий хлебный дух. Это замечательное сочетание так волнует!

В пятом или шестом классе зашли мы с Витькой Козловым в пекарню. Отец его там работал. Выпекались тогда большие нестандартные буханки, их взвешивали при продаже на весах. И вот Витькин отец отрезал от горячей ржаной булки с нависающей горбуш-

кой два ломтя, да ещё положил на каждый скромные кусочки масла, которое тут же поглотилось хлебом. Витька показал, что можно его и солью присыпать. Что я и сделал. И так ярко вспоминается это до сих пор, что кажется – не ел ничего вкуснее. Может быть, так оно и есть.

* * *

Слово «перестройка» в государственном значении встречается в бумагах Александра I. Возможно, принадлежит Сперанскому.

* * *

Одна пожилая медсестра рассказывала. Мучили её ночью головные боли, вставала, пила таблетки. Так и тут летом, время раннее, но уже светло. Встала, приняла лекарство, подошла к окну. Поглядела на соседнюю водонапорную башню, на деревья. Вдруг эта башня пошатнулась. Ох, подумала она, видать, совсем лихо. Закрывает глаза, а когда снова взглянула, башня уже почти коснулась земли. А потом – грохот, от которого в страхе пробудились другие жители дома.

Это было знаменитое Падение Баш-

ни. Я – старшекласник – тоже наутро ходил смотреть на руины.

* * *

Вот так философ написал о пришедших к власти в октябре 1917-го:

«Жалость» для них бранное слово, христианский пережиток. Злость – ценное качество, которое стараются в себе развить. При таких условиях им нетрудно быть весёлыми. Чужие страдания не отравляют веселья.

Георгий Федотов

* * *

Для России отпадением от истории... было бы отпадение от языка. «Онемение» двух-трёх поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории.

Осип Мандельштам

* * *

Апрель 2007. Сон.

Летний день или, может быть, погоднее начало осени. Идём, о чём-то разговаривая с моим товарищем-одноклассником Борисом. Идём по шоссе в сторону города, проходим мост (когда-то в старину доводилось делать такие пешие прогулки). Но в районе Лагерного сада Боря куда-то исчезает. Однако появляется Андрей, друг со студенческих лет. Становится понятно: мы идём в концертный зал университета. Там будет петь Окуджава. Берём билеты, проходим в зал. Места не расписаны, занимай, какие хочешь. Удивительно, но мы в числе первых, потому располагаемся прямо возле сцены. Я в полном восторге. Зал между тем заполняется. Верчу головой, высматривая знакомых. Хочу что-то сказать Андрею: ба, его нет рядом. Не успеваю осмыслить это дело, потому что публика уже аплодисментами встречает Булата Шалвовича. Вот он в каких-то пяти метрах. Стихает шум, он берёт пробные аккорды. Но и его мне не дано услышать: отчего-то

просыпаюсь. Ночь, четыре часа. Лежу и думаю о том, что все, кто мне сейчас снились, покинули этот мир, оставили меня.

* * *

Игорь Стравинский шутил, что il prete rosso (красный священник) Вивальди написал всего лишь один концерт, а затем повторил его (на радость нам) триста девяносто девять раз.

НОЧНАЯ СМЕНА

Это было в южноуральском городке Сатка в начале 80-х. Мой свояк Вова Прыгунов как-то взял меня с собою на завод в ночную смену. Видимо, в целях просвещения, и не только: хлипкому интеллигенту надо показать, как крепкие парни занимаются серьёзным делом. Чтобы запомнил: Урал – опорный край державы.

Запомнилось и осталось навсегда ощущение, что погрузился в некую ирреальность, чтобы не сказать инфернальность. В эти часы я всегда сплю, так что сознание меркло и вспыхивало вновь. А прочее наслаивалось на это. Огромная балда типа бетономешалки, но гораздо большего объёма, медленно вращалась над нами. От неё шёл жар, в ней перемешивалась магнезитовая масса. Потом это горячее тесто подавалось порциями под пресс тоже устрашающих размеров. Он опускался с резким фыркающим звуком. На транспортёрную ленту выдвигался кирпич тёмно-серого цвета. Надо ли говорить, что был он громаден, по моим прикидкам надо было положить пять-шесть простых наших кирпичей в два ряда. Как будто и работать в этом цехе должны гиганты, но нет, ходили обычные люди, шутя о чём-то разговаривали, сам Прыгунов на меня обалдевшего показывал, они добродушно смеялись. И посреди несмолкающего гула чмокал-фыркал пресс, и руки прессовщиков в толстых,

стёганных верхонках снимали с ленты новые и новые свежеиспечённые кирпичи.

* * *

«Бьётся в тесной печурке огонь», – говорила вполголоса, незаметно подмигивая, Ирина Сохань, когда автора какого-нибудь сообщения на семинаре явно заносило, и он плёл что-то далеко не по делу.

* * *

Записи о сыне Глебе. 2005 (ему неполных пять лет).

На вопрос о Карлсоне.

– Конечно, знаю. Карлсон – это герой самолётов. Он летает.

Как-то с утра заявил мне:

– Тебя можно зарифмовать.

Я пожал плечами, не понимая. Он пояснил:

– Вот слушай: «Вова – Кальцинова». (Он как раз принимал это средство для укрепления костей).

«Катаклизмы», – задумчиво сказал Глеб, глядя по телевизору на разрушения, произведённые ураганом «Катрина».

Нам позвонили. Глеб снял телефонную трубку, назвал своё имя. Кто-то попросил его позвать дедушку или папу, имея в виду меня и не зная, кем может мне приходиться этот молодой человек.

Сын ответил обстоятельно: «Дедушка умер, а папа в городе».

Глеб, возвращаясь со мной из садика, с удовольствием рифмовал окружающий мир, я хвалил его, если бывало удачно. Потом он принял участие в просмотре очередной серии «Есенина». Уже лёжа в постели, сказал задумчиво и тихо:

– Я, наверное, поэтом не буду.

– Почему это? – спросил я. Неужели, думаю, усомнился в своих силах.

– Они водку пьют и дерутся.

– Ну это поэты старой школы, – говорю.

– Какой-такой старой школы? – спрашивает с недоверием. – Они там не в школе.

– Я хотел сказать – поэты былой поры, старых лет, – поправляю и уточняю. – Сейчас по-другому поэты живут.

Он укладывается удобнее, вздыхает. Кажется, я его не убедил.

* * *

Стихи Глеба, сложенные в декабре 2005-го:

ЙОД

Глебка скажет: С Новым годом!

И спину намажет йодом.

КОТ

Не сходить ли в гости?

Предлагают кости.

Весело дождику намочить меня,

Весело Бобику укусить меня.

* * *

В конце 70-х в нашем окружении было повальное увлечение хокку. Сочиняли все. Мне запомнился опыт художника Геши (Гены) Мозжерина, человека весьма своеобразного.

Может, вся моя жизнь

Всего лишь сон

Бабочки-однодневки?

* * *

Лазарь Каганович дал свою оценку «Преступлению и наказанию». Все мучения молодого человека, приводящие к покаянию, он назвал надуманными. Неимущий студент (читай: пролетарий) убил старуху, паразитирующую на таких, как он, и правильно сделал. Совесть его должна быть спокойна.

* * *

«Я всегда думал... что общее мнение отнюдь не тождественно с безусловным разумом... что инстинкты масс бесконечно более страстны, более узки и эгоистичны, чем инстинкты отдельного человека, что так называемый здравый смысл народа вовсе не есть здравый смысл, что не в людской толпе рождается истина».

П. Я. Чаадаев, Апология сумасшедшего.

* * *

В записке самоубийцы: «Я ни у кого не просил разрешения прийти сюда и потому имею право уйти, когда я захожу».

* * *

Мэр Москвы Лужков с его энергичными делами по возвышению этого города не может не вызывать у меня – жителя бедной провинции – отторжения. И при всём том я испытываю к нему уважение за два известных мне факта – за его непримиримую позицию к содомитам (запрет их парада) и также решительный отказ пустить в Москву корриду. Помню по этому поводу телеинтервью с яростно сверкающей глазами русской амазонкой, которая там, за границей, успешно забивает быков, а тут, по дремучести градоначальника, не получается.

* * *

Тётя Дуся говорила про односельчанина, лёгкого на подъём:

– Подпояшется, как снопик, и бежит, как пионерик.

* * *

Вспоминается, как приехали мы с Алькой и его другом Витькой в Сочи уже под ночь. Посидели у его родственника за чаем и легли спать. А ночью я проснулся от резких, металлических звуков. Смолкнул и опять. Все вокруг спали спокойно. Утром я рассказал хозяину. Он рассмеялся, а когда вышли из дому, показал на широкие бетонные

ливнёвки – в них живут лягушки, и когда ночью они кричат, стенки отражают и усиливают звук. С непривычки, мягко сказать, неприятно.

* * *

Лучший анекдот про газетные опечатки. В прошлом номере газеты вместо «Сионист Пердюк» надо читать «Пианист Сердюк».

* * *

В марте снег дышит и слоится.

* * *

Вспомнил и как будто снова услышал. Мы шли в тишине. И вот из тишины прорастает звук. Что-то булькает: то слышен, то исчезает переплеск. И вышли к ручью, скрытому травой в узких бережках. И тут уже отчётливое, полноголосное журчанье.

* * *

Наверное, я припадал к тем, кто в 70-е, 80-е годы старался жить не по лжи. Сегодня рассудительные, взвешенные люди (теперь уже преклонных лет) придумали для нас изысканное определение: «сладостная трясина протеста». Дескать, ах, как вам нравилось это состояние, как вы им дорожили. Какое враньё! Не дорожили мы им, не носились как с торбой, просто приняли как данность. Я всё понимаю. И обижать их не хочется, в каком-то смысле уважаемых, в некотором смысле достойных. Ну пришлось прогнуться (в меру), не тянули рук на собраниях, чтобы обличить (просто смолчали), в своих лекциях не опускались до безумных панегириков лауреатам разных премий. Но отчего сегодня такое раздражение против меня, если напишу где-то о том, чем горжусь: да, читал, что хотел, говорил, что хотел, мог себе позволить не сидеть на ваших собраниях, не слушать вранья. Что же сегодня это вас так выводит из равновесия? Никто же вам не мешал жить достойнее, чего же теперь-то с больной головы на здоровую.

* * *

В «Соборах» Лескова авантюрист Термосесов готовит донос на протопопа и замечательно формулирует цели и задачи: «Мы с этого попа начнём свою тактику, которая в развитии своём докажет его вредность, и вредность вообще подобных независимых людей в духовенстве; а в окончательном выводе явится логическое заключение о том, что религия может быть допуссаема только как одна из форм администрации. А коль скоро вера становится серьёзной верой, то она вредна, и её надо подобрать и подтянуть». Отличный совет на все времена, и наши власти этому следуют. И русскую православную церковь это устраивает.

* * *

Володя Ширяев во многом необычный, нерядовой человек. И запомнилось мне в нём вот что: он в каждом отыскивал творческое начало, и если находил, настойчиво просил: «Старик (или старуха), тебе писать надо, у тебя способности. Давай». А если уж ты что-то сочинял, то он выуживал из тебя строчки, читал, либо слушал очень внимательно, давал дельные советы. Что он сам сочиняет, узнал я далеко не сразу, своё он читать не спешил. Но мне сразу и навсегда запомнилось из первых услышанных от него стихов: «И вот сижу и грею/ я рёбра хилые свои/ о рёбра батареи».

* * *

В записной книжке из моей газетной поры (1979).

Судили товарищеским судом трёх пьющих женщин. Все – матери. У одной – пятеро, у другой – трое, у третьей – двое. И вот самая молодая (мать двух девочек), моя ровесница, с 1949-го, прерывала выступающих, кричала:

– Оставьте меня в покое! Пила и буду пить! Лишь бы помереть скорее!

Вынесли им какое-то общественное

порицание, отпустили. Не идёт из головы эта женщина, и чем ей помочь, не знаешь.

* * *

Чёрт на пути ко всемогуществу – так Марк Алданов определил развитие цивилизации.

* * *

Жизнь – это не то, что происходит с человеком, а то, ЧТО он помнит и КАК он об этом помнит.

Габриэль Гарсиа Маркес

* * *

Начиная сочинять что-то осенне-печальное в восьмом, наверное, классе, я спрашивал у своего отца, какое дерево осенью желтеет первым. Он подумал и сказал:

– Осина. Но если это в какую-то контрольную, за точность не ручаюсь.

Но он оказался совершенно прав.

* * *

Мы, студенты-гуманитарии начала 70-х, состязаясь, сочиняли тогда такие «интеллектуальные» шутки, обыгравая сочетание «дать маху».

Ленин, раскатав в своей философской работе идеалистов Маха и Авенариуса, приговаривает, потирая руки:

– Ох и дал же я Маху!

Современник спрашивает Гойю, что тот представил на выставку. И Гойя отвечает:

– Нынче я дал «Маху» (подразумевается знаменитая «Обнажённая Маха»).

* * *

Утро 7 октября 2009.

За окном ветер чуть шевелит листья малины, и на одном листке горит-переливается радужными цветами капля росы. И думаешь: ну вот, на сегодня даже этого уже и достаточно.

И вообще, нынче небывало тёплая и погожая осень. В первых числах месяца было за двадцать тепла. Как будто навёрстываем упущенное – июнь был холодным, сырым.

* * *

Были перестройка и гласность. Потом всё выродилось, перерядилось, произошла перестройка гласности.

* * *

Из романа местного сочинителя детективов: «Лицо полковника мгновенно покрылось озабоченностью».

* * *

Как сжималось сердце от нежности бледного заката.

* * *

В романе Томаса Вулфа «Домой возврата нет» герой – писатель – так размышляет: «Интеллектуал» и человек мыслящий – отнюдь не одно и то же... Собачий нюх обычно ведёт собаку к тому, что она ищет, или уводит от того, что она старается избежать. Иными словами, её чутьё – это её чувство реальности. А «интеллектуал» обычно лишён чутья и у него нет чувства реальности». Знакомые Джорджу Уэбберу (так зовут героя) «интеллектуалы» не способны были что-либо переварить. Они не умели размышлять. Надо всматриваться в жизнь, разбираться в ней, из опыта своей жизни пытаться извлечь зерно истины, самую её суть.

* * *

Пока тело не погребено, нет и живой памяти о покойном. Но вот тело предано земле – и то, что было дорого, воскресло.

* * *

Я понимал, что на какие-то мои, казалось, выстраданные, проверенные заключения мне возразят с ходу умно и неопровержимо. Они умели говорить *умнее самого смысла*. Они это довели до совершенства.

* * *

Атеисты с христианским умением творить добро.

* * *

Когда приходилось прощаться с

людьми, которых – я знал – никогда больше не увижу, меня захлёстывала острая, нестерпимая печаль.

* * *

Несколько конкретных понятий и вещей вошли в моё сознание с чьей-то подачи. И нужно было восстановить истину. Например, Горький припечатал джаз как музыку толстых, гитару как инструмент парикмахера. Тихо горжусь, что не принял это на веру и любил и джаз, и гитару. Отверг и другие, более основательные заключения «учителей жизни», особенно по части литературных имён и произведений. Я не борец, но право на своё суждение отстоял и не понимаю, как могло быть иначе.

* * *

Наташа сказала, что всё в нашей с нею жизни так и должно было закончиться. Это был жар, мы горели, мы не знали жалости друг к другу и не сберегли себя.

* * *

Всё меньше нужно слов. Остаются те, которые не о жизни, но – сама жизнь.

* * *

Чёрные глаза её во время спора, страстного рассказа начинали как бы светиться изнутри, как будто там угли распались.

* * *

На инструктаже по пользованию газовой плитой сидели мы торжественно. Ещё одно приобретение теснее связывало нас. Показывало, что мы – семья.

* * *

Велосипедная цепь идёт по замкнутому кругу, но даёт движение вперёд.

* * *

Так и осталась с поры детско-юношеского максимализма какая-то брезгливость к бабам, изменяющим с кем попало, но в семье исправно рождаю-

щим от нелюбимого мужа детей, чтобы всё было как надо, как у всех.

* * *

Тот, кто не имеет опыта свободы, кто не воспитан свободой, не станет задумываться, где положить для себя самого предел...

С. С. Аверинцев

* * *

Тупым, деревянным голосом лает собака.

* * *

Измаил Нухович встал из-за стола при появлении моего отца. Все восприняли это как знак приветствия. А он не садится. Так и не сел, пока отец не занял место за столом. Это почтение к старшим *просто* в традициях нашего народа, сказал друг-балкарец, чем несколько смутил моих товарищей-славян.

* * *

Виктор Свинин давно рассказывал, а вот не забылось.

В больничной палате появился запретный предмет – транзистор.

Врач спрашивает парня-хозяина, как же он, вопреки правилам, принёс сюда радио. И тот, глядя тупыми и наглыми глазами, отвечает:

– Молча.

* * *

Некоторые имена просто одним звучанием пробуждают интерес к их носителям: Фламарион, Алкивиад, Астор Пьяццола.

* * *

Август 2010. Запускали воздушного змея с Глебом. Я бежал со всех ног по песку, подтягивал нитку, радовался, как он то рывками, то плавно набирал высоту. А потом, когда шли домой, подумалось: не попытка ли это догнать, обмануть время, вернуть беззаботность? Нет, наверное, было *просто хорошо*.

* * *

В студенческой юности замечатель-

ный тест на сближение. Сидим, болтаем о чём-нибудь небольшой компанией, вдруг кто-нибудь предлагает: давайте каждый напишем десять своих любимых фильмов (или книг). И потом сверяем, и находим совпадения, и присматриваемся внимательней друг к другу.

* * *

Детское ощущение: порой вдруг покажется, что все – тени, лишь ты живой человек. Недавно спросил у своего 10-летнего Глеба, знакомо ли ему это. Хитрец отшутился: «Когда я увидел, как у тебя льётся кровь с головы на лицо, как я мог подумать, что ты *не-настоящий*» (он был свидетелем этой травмы). Так же в отрочестве мне казалось странным, что люди, идущие мне навстречу по улице, не улыбаются, а то и просто грустны, озабочены. Казалось мне: они притворяются. Ведь жизнь так прекрасна, забавна. И как-то ведь это сочеталось с собственной меланхолией, беспричинной печалью. Как?

* * *

Мама всегда прибавляла звук в радио, помогая просыпаться к школе. Но это не мешало мне досматривать сладкие сны. А тут, помню, пробудился с ощущением свежести, бодрости. По радиотрансляции звучала песня «Лыжи у печки стоят» в исполнении не Визбора, а какой-то самодеятельной группы. И так это было проникновенно, чисто, что сразу пронизывало насквозь.

* * *

Люди, с которыми редко видишься, но, встречаясь, заговариваешь так запросто, как будто расстались вчера. Это люди, которым ты доверяешь, знаешь, что они остались теми же, с тою же открытой душой.

* * *

Я встречал настоящих денди. Не тех ребят, которые корчили из себя что-то, а тех, у кого это получалось естествен-

но: пальто врзлёт, небрежно повязанный шарф, добродушно-снисходительная улыбка.

* * *

Вот что сказал М. М. Зощенко на 60-летию Е. Л. Шварца. «С годами я стал ценить в человеке не молодость его, и не знаменитость, и не талант. Я ценю в человеке приличие. Вы очень приличный человек, Женя».

* * *

Матисс показывал одной даме своё полотно, где было нагое женское тело. «Но женщина совсем не такая!» – воскликнула дама. «Мадам, – отвечал Матисс, – это не женщина, это – картина».

* * *

Лидеры области готовятся к приезду в город президента, делятся с телезрителями тем, о чём они его попросят. Ни один не сказал, что надо бы говорить о снижении отчислений в центр с наших нефти и газа.

* * *

Приехал в Томск поп-исполнитель Шнуров, довольно неприятный тип. Берёт хамством, матом в текстах, демонстрацией приверженности к водке. Пришло в Большой концертный зал человек 200 – ребята с такой же патологией или просто зеваки. Просчитались хозяева зала. Как же надо не уважать свой город, чтобы вообразить, что соберётся полный зал слушать маты со сцены?! (декабрь 2010).

* * *

Надежда Яковлевна Мандельштам вспоминает об *Ахматовой* (эпизод 1938 года):

– А. А. провожала меня на вокзал с похорон Ани (сестра Надежды Яковлевны). Опять переполненные залы, одичалые люди на мешках, разворошённый человеческий муравейник – последствие раскулачивания. «Теперь только так и будет», – сказала А. А.

* * *

Когда мы осмыслим свою роль на земле, пусть самую скромную и незаметную, тогда лишь мы будем счастливы. Тогда лишь мы сможем жить и умирать спокойно, ибо то, что даёт смысл жизни, даёт смысл и смерти.

* * *

Слишком много в мире людей, которым никто не помог пробудиться.

Антуан де Сент-Экзюпери, «Планта людей»

* * *

Из советской поры. Недоумки-начальники, опекающие культуру. Один, вручая памятные подарки:

– Ну а вам, дорогие друзья, высоко оценивая вашу работу, дарим бюст Ленина в полный рост.

Другой спрашивает у представленного ему участника самодеятельности:

– Хорошо, хорошо. И сколько же человек в вашем квартете?

* * *

О необычных именах и фамилиях. Простокишин. Ирина Океановна, дерматолог. Эдуард Арлекинович, директор проектно-сметного бюро.

Девушка-воровка, прошение которой мы рассматривали на комиссии по помилованию, проживала: деревня Киберспасск, улица Весёлая. Нарочно не придумашь.

* * *

В замечательной повести Трумэна Капоте «Завтрак у Тиффани» есть такой эпизод. Главная героиня Холли дарит юноше, от лица которого идёт повествование, предмет его мечтаний – роскошную клетку для птиц. И говорит ему: «Но ты обещаешь мне, что никогда никого туда не посадишь».

* * *

Плюсы поэзии Пастернака становятся минусами его прозы: невнятность, избыточность слов, путаность и неопределённость.

* * *

Воспоминание о том, как идёшь бо-
сиком по недавно вскопанной и уже
прогретой земле: не головное, а со ще-
коткой под ложечкой.

* * *

Быть *лаконичным* означало не что
иное, как отказ от красивых слов. Ког-
да Филипп Македонский отправил в
Спарту послание, в котором грозил,
что «если он вступит в Лакедемон, то
сровняет его с землёй», то совет судей
ответил ему одним словом – *если*.

*Норман Дэвис, «История Европы»,
М. 2007.*

* * *

У таланта всегда видно, как сделано.
У гения всё возникает как чудо. (Ка-
жется, у Пришвина такая запись.)

* * *

В полном порядке, законченности
есть какая-то безнадежность.

* * *

Мы по-разному понимаем литера-
туру, как люди по-разному понимают
правду. Ну и что же? Что тут страшно-
го?

* * *

Она была одарена тайной подчинять
себе обстоятельства и людей, сказано у
Грина в «Бегущей по волнам» про Биче
Сениэль.

* * *

Сейчас, читая, мало чего *впитыва-
ешь*, как в юности. Так, запоминаешь
по возможности.

* * *

Взяв в руки том Бунина, всегда вспо-
минаю врача Тамару Ивановну Аки-
мочкину. Где она теперь, жива ли? Их
семья переехала куда-то на Дальний
Восток. А тогда, давно, в конце 75-го,
я заболел желтухой (гепатитом) и был
помещён в отделение родной посел-
ковой больницы. Она была моим ле-
чащим врачом. А какое тут лечение?

Режим и покой. Потому предполага-
лись небольшие успокоительные бесе-
ды. И вот я рассказывал, как и за что
люблю бунинскую прозу. Сетовал, что
был совсем юн, когда приложением к
журналу «Огонёк» прошло собрание
его сочинений.

Эти две или даже три больничные
недели были просто подарком судьбы,
потому что работал я тогда в постылой
районке. При выписке Тамара Иванов-
на вручила мне девяти томник Бунина.
Я совершенно обалдел, пережил под-
линное счастье, не посмел даже дежур-
но отказываться от дорогого подарка. С
той поры мы поддерживали дружеские
отношения, я бывал у них в доме, знал
мужа, сына и дочь. И доставал, прино-
сил какие-то интересные им книги.

* * *

Старик Тодоровский рассказы-
вал, как Григорий Поженян решил
сам снять фильм по своему сценарию
«Прощай». Но съёмки шли своеобраз-
но: на площадке он вёл себя неукроти-
мо, всех обижал. Вечером шло замире-
ние в ресторане либо просто на воздухе
при посредстве алкоголя. Председатель
парторганизации Одесской киносту-
дии пришёл к нему с увещанием.
Похмельный Поженян выслушал его и
сказал: «Вы знаете, мне кажется, вашей
партячке надо перейти на нелегаль-
ное положение, уйти в подполье».

* * *

Даже в желанное путешествие уез-
жать из дома было непросто. Отрывал
себя от места. А когда оттуда, где заме-
чательно прошло время, где обретены
были новые друзья, тоже нужно было
уезжать – это опять совершалось мучи-
тельно. Особенно, когда знал, что боль-
ше сюда не вернусь.

* * *

Затоскую, когда слух вспомнит
вагонный перестук, а кожа – лёгкий
сквозняк по коридору, свежесть, а гла-

за – открытие пространства за окном и душа – открытие попутчиков.

* * *

Всё лучшее написано. Всё главное – сказано. И если при всём при том хочешь что-то писать, следуй лучшим, оставленным нам предшественниками советам? наставлениям? *Заветам* – вот хорошее слово.

* * *

«Оттопыриться» – сделать что-то в свою пользу за счёт другого.

* * *

Фильм о Бобе Дилане «Меня там нет».

* * *

Замечательный перевертень Коли Бренникова:

и он видит сон юности дивной.

* * *

Грязь оттепели – удачное название статьи против оттепели середины 1950-х.

* * *

В нормальной женской биографии – до тридцати лет хронология, после тридцати лет мифология (*Дон Аминадо*).

Эпитафия

Прохожий! Обща всем живущим часть моя:

Что ты, и я то был; ты будешь то, что я.

Александр Сумароков, <1755>.

* * *

Либеральная Европа похоронила себя со своей пресловутой толерантностью.

* * *

Дядя Ерошка внушает Оленину («Казачи» Толстого), что зверь умнее человека. «Он всё знает». И я вспоминаю, как папа возражал то ли мне, то ли матери, когда мы обзывали нашу собаку Понто глупым, непонятливым псом. «Эта собачка поумней всех нас будет», – убеждённо говорил отец.

* * *

Ферамен, один из тридцати афинских тиранов, пировал однажды с многочисленными друзьями. Вдруг крыша дома обрушилась и раздавила всех, и только один Ферамен остался невредим. Что же, он обрадовался своему спасению? О, нет! Он... испугался. Чего? Вот чего.

– О, судьба, – воскликнул он в ужасе, – для каких же будущих бед бережёшь ты меня?

В. В. Вересаев «Аполлон и Дионис» (О Ницше)

* * *

Открыв глаза, по старой привычке начал подумывать – чему бы мне порадоваться сегодня. Замечательная привычка, да не всегда работает.

* * *

Страх. Я вспоминаю соседку, тётю Соню, она рассказывала, как её мать боялась людей с портфелями – уполномоченный! – уже в наше время, когда уполномоченные ушли в историю и портфели стали доступны почти всем.

* * *

Что такое любовь? Ветерок, шелестящий в розах; нет, золотое сечение крови. Любовь – это музыка, заставляющая плясать даже сердца стариков. Она словно маргаритка, распускающаяся у дороги с наступлением ночи, и она словно анемон, закрывающийся от дыхания и умирающий от прикосновения.

Кнут Гамсун

* * *

В «Крутом маршруте» Евгении Гинзбург приводится так: «Что такое любовь? Ветерок ли, шелестящий в кустах шиповника или вихрь, ломающий мачты кораблей? Это золотое свечение крови...».

* * *

Заметил, что в газетных и телеинтервью с писателями, поэтами творче-

ское отошло на второй-третий план. Интересно не то, что думает творец по тому или новому вопросу (общество, политика, литература), а что он предпочитает пить, есть (любимое блюдо), какую одежду носить, когда женился-развёлся. И отвечающие начинают по этим правилам играть.

* * *

Тому, кто *постоянно* осознаёт себя частицей социального организма, получение любой, самой минимальной свободы, не нужно. Это тяготит его. Западное сознание ориентировано на развитие индивидуальности, а наше всё-таки расположено к среднему арифметическому в социальном плане. Отсюда и полупросвещённый слой, удачно названный кем-то «агрессивно-послушное большинство». Потому и немислимо для меня обратиться к православию в том нынешнем понимании, присоединиться к толпе. К людям, внутренне несвободным.

* * *

Ощущение от настоящей поэзии: ты, оказывается, помнишь больше, чем можешь помнить.

* * *

Когда в Алжире зритель застрелил артиста, игравшего злодея, и был за это казнён, их похоронили рядом, поставив памятник: «Лучшему актёру и лучшему зрителю».

* * *

Родина моя всё та же, но некоторые уверяют меня, что я ей больше не родной.

* * *

В «Арионе» (№ 3, 2009) эстет Максим Амелин открывает нам новое имя, заканчивая довольно самоуверенно: «То, что Евгений Карасёв является одним из крупнейших современных поэтов, для меня бесспорно. Хотелось бы, чтобы его глубокая и мощная, яркая и ни на кого не похожая поэзия уже сегодня

так же высоко, как и мной, ценилась всеми, кому не безразлична судьба русского словесного искусства». С тем, что это способный человек, не заспорить. И подборка стихотворений это подтверждает. Автор – карманник-рецидивист (род. 1937 г.), за плечами которого семь судимостей и двадцать лет «за колючкой». Его обласкали столичные журналы, ему вручили московские премии. Работая в зоне, я сам помогал там сочинителям и советом, и публикациями. Но тут меня насторожило одно показательное произведение:

*Из уголовного мира я угодил
в общество писателей.
В отличие от рецидивистов
особо опасных,
они знают с жизнью
по касательной,
и однажды найденное, как леденец,
обсасывают.
По сравнению с литературной
братией урки –
материал первородный:
суд у них – «свадьба»,
деньги – «пензы».
Хоть снова уходи в подворотню
за продолжением песни.
(«Ирония судьбы»)*

Воистину замечательно! Как-то по-распутински (я про старца, разумеется) оглядевшись и обтеревшись «в свете», продекларировал своё понимание жизни. Мы-то, оказывается, знаем с ней «по касательной». «Подлинной-то» и не нюхали. Ну и остаётся столичной тусовке схватить это, а то и поклониться благодарно.

* * *

Я шёл по слегка приметённой свежим снегом просёлочной дороге. Быстро упали сумерки, и стали тёмными деревья по сторонам – безлистые берёзы, осины, редкий ельник. Бесконечным сделалось пространство, звёзды

его оживляли. Я знал, что до большой дороги мне ещё идти и идти. И вообще казалось, что едва ли выйдешь отсюда в большой мир, где есть город с его огнями и звуками, откуда и должен был явиться мой гость. Однако в сердце моём жила любовь, а к ней прибавлялась странная жалость ко всему этому бедному окружению, ко всему, что рядом и простирается надолго. Всё было тихо вокруг и ко всему добавлялось звёздное молчание.

А кругом поля, пустые поля, а позади – моя деревня. И помнишь её крайние избы, утонувшие во мгле, и почему-то знаешь, что не забудешь её никогда, не разлюбишь. И хорошо и легко идти по зимней дороге с этой неизъяснимой жалостью (или нежностью) в сердце.

Зима 1969-го, от Татьяновки на Бакчарский тракт

* * *

Вздуваемые ветром шторы в окне вагона. А на столике в стакане позвякивает ложечка. Я люблю этот звенькающий, прохладный, минорный звук. И летит за окном мир, и не хочет кончаться этот длинный, долгий день. С непонятным любопытством читаешь названия станций, полустанков. Тучи, меж них яркие проталины лазури. Блеск дождинок на ветках деревьев, совсем особенный на лапах елей.

* * *

Валера Сердюк рассказывал. Бабушка едет к своей знакомой в новый район города, где улицы обозвали именами разных иноземных интернационалистов. Есть улицы Карла Ильмера и Ференца Мюнниха. Старушка в автобусе ещё раз сверяется:

– Вот только призабыла: лучше мне выйти на Мюнхена или на Гиммлера?

* * *

Уметь вовремя остановиться. Даже в хороших делах.

Ещё: у Сэлинджера сказано что-то

вроде того, что надо бы научиться не говорить очевидного.

* * *

Редкий дар лёгкости, естественной умной игры с образами, словами. Кто-то удачно назвал это *поэтическим остроумием*. Здесь в сочетании равно важны оба слова. Среди моих друзей-современников прекрасно владел этим Володя Ширяев.

* * *

В автобусе: мужичок проглядывает гороскоп со снисходительным смешком недоверия. Он прав: судьбу нашу определяют гены. И об этом прекрасно рассказал Джеймс Уотсон, нобелевский лауреат, открывший ДНК, в книжке «Живой мозг».

* * *

Думаешь, как хрупка и недолга жизнь, и сколько всякой шушеры успешно пытается укоротить, усложнить, запутать и без того неустроенную жизнь. И спасает только юность (даже и послекалендарная), только природа, товарищи, музыка, стихи, проза. Немало набирается спасателей.

* * *

Светлая голова – не замутнённая чтением.

* * *

Мужик-пенсионер уезжает на мичуринский с весны и до первых холодов. Работает без пьянки, отдыхает сам от себя. Осенью – возвращение в город, дом, тоска, скука, алкоголь на всю зиму.

* * *

Какую дикость переживаем: попы всерьёз затребовали Исаакиевский собор! Силу взяли: и выставки громят, и спектакли закрывают. Ну с Исакием, кажется, не пролезло.

Б. Пиотровский в Питере хорошо сказал: если бы вы сберегли, то и владейте. А здесь заслуга музейных работников. Вас близко не стояло.

* * *

Любая система этических воззрений понижает самокритичность, снабжает человека набором готовых ответов. Несмотря на то, что некоторые моральные нормы имеют абсолютную важность, нормативный этический кодекс часто оказывается неработоспособным – реальные моральные ситуации неповторимы. Единственной опорой подлинной этики является совесть, личная ответственность, личный выбор. Отказ оправдывать личное поведение чужими, созданными для тебя правилами.

Лешек Колаковский. Этика без кодекса

* * *

– Ну так и вот... – странной фразой заканчивал он свои речи, разводя руками.

* * *

«Я не только склоняюсь перед неизбежностью, она придаёт мне силы. Достижения человека куда более примечательны, когда думаешь о том, как он ограничен в своих действиях», – так пишет Цезарь в романе Торнтон Уайлдера «Мартовские иды». Отношение к себе как к ценности, доверенной себе же.

* * *

Такие необыкновенные моменты бывали: охватывало как пламенем ощущение своего единства со всем, что вокруг, со всем миром.

* * *

Все эти мои мысли, картинки, сильные соображения... Зачем-то мне хочется с кем-то поделиться. Может, я надеюсь так сохранить себя в другом, в читающем? Просто чтобы не уйти бесследно. А надо ли это? Не слишком ли самонадеянно? Да нет, пожалуй. Ведь за моей спиной ни много ни мало – целая человеческая жизнь.

* * *

Разными мы были в юности, разными путями пошли. Но противны мне те, кто отказался от собственной молодости, предал её либо изустно, а ещё хуже – печатно. Кто обозвал эти беседы, споры, сборища игрой, вложив в это слово пренебрежительность. Но даже если это была игра, то, по-моему, искренняя, весёлая, открытая.

* * *

В понедельник, 9 ноября 2015, Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) шокировало спортивный мир. ВАДА обвинило Россию в повальном применении допинга легкоатлетами и рекомендовала Международной федерации в этом виде спорта исключить Россию из своих рядов.

Замечательны фамилии дисквалифицированных.

Владимир Канайкин получил пожизненный «бан» от ВАДА. У серебряного призёра чемпионата мира обнаружили аномальные отклонения показателей крови в биологическом паспорте. Олимпийская чемпионка Пекина-2008 и серебряный призёр Лондона-2012 Ольга Каниськина. Олимпийский чемпион Лондона-2012 Сергей Кирдяпкин.

* * *

Как всё-таки приятно знать человеку, что его не забывают там, откуда он уехал. Это я про тётю, которая уже жила в городе, и вот ей привезли районную газету, где появилась заметка за подписью нескольких жителей под названием «Мы вас помним, Ксения Анфиногеновна!». Тётя, как всегда воспринимавшая скромно всё, что её касалось, показала мне газету с тихой заслуженной гордостью.

* * *

Вспомнил, как мы взяли поросёнка, который к зиме вырос во взрослого кабана, и папа, увидев его, поджарого,

на высоких ногах, сказал: «Вы, похоже, какого-то бегового кабана вырастили».

* * *

Работая в районке, я повадился каждое утро перед выходом к автобусу прочитывать пять-шесть страниц хорошей книги – как противоядие на предстоящий день. И, кажется, помогало.

* * *

О Петербурге

С какой тоской покидал я этот обретенный для себя город. Ей-богу, последующие отъезды проходили спокойнее – я знал, что вернусь. Но в этот первый раз такой уверенности не было. И сколько вместили он – этот первый раз. И разговоры с удивительными женщинами-блокадницами, и то, что они взяли меня на встречу в узком своём кругу. Я впервые слышал о том, от чего волосы на коже вставали – о ворах, убийцах, людоедстве, и вместе с тем о взаимовыручке, бескорыстной помощи, самоотверженности.

Я встретился с поэтом, который за последние годы занял такое большое место в моей жизни и убедил: чтобы тебя услышали, не обязательно всплещивать руками, кричать или переходить на аффектированный шёпот – достаточно говорить своим голосом, тихо удивляясь прелестям и причудам этого мира. Правда, поэта (Александра Кушнера) при встрече я почти не видел и не слышал. Добрался до далёкой окраины под названием Автово, а уже на пороге квартиры моё сердце загрохотало и начались оптические искажения. Но рукопись свою я передал. И получил подробный и уж совсем не формальный ответ.

У меня осталось на тактильном уровне воспоминание о горячем дружинистом берегу гатчинского пруда, были в нём и глина, и что-то сродни нашему болоту. Стоял редкий по благодати

летний день – не жаркий, со свежим влажным ветром.

Восторг, забирающий душу – залы Русского музея с любимым Серовым, с «Весной» Борисова-Мусатова, с детьми и женщинами Зинаиды Серебряковой...

И обратный путь на верхней полке с романом Грэма Грина. Купил я его в книжном на Старо-Невском. И эта пронзительная вещь под названием «Суть дела» растравила сердце. Переживания героя мне были незнакомы, но все его терзания я воспринял как свои, в том-то и сила мастера. В годы перестройки и гласности Грин добрался до Томска и даже слетал на нефтепромыслы, я видел его в плотном кольце функционеров – совсем не тот контекст, чтобы сказать ему о своих чувствах.

Сейчас в этом городе, где проходили самые отрадные мои дни, трудно обжиться, непросто обустроивается моя дочь. Переживает она совсем другие чувства, живёт в других обстоятельствах – поиски работы, смена одной на другую, куда быстрее добираться и платят чуть больше, съёмная квартира, а ещё заботы о своей дочери, только встающей на ноги.

Я сочувствую ей и даже завидую её попытке переменить судьбу. Чем я могу помочь? Жалким почтовым переводом раз в три месяца? Остаётся только усиливаться внутренне и посылать ей это усилие, этот заряд противодействия, устойчивости, упорства.

* * *

Комиссия по «фальсификации истории в ущерб интересам России». А фальсификация *в пользу* – нормально?

* * *

В деревне, где я работал, человеческое было сильнее государственного. Так, по крайней мере, мне увиделось.

* * *

Слушаю рассказы Валеры Люберцева о постоянных жестоких драках в его родном селе Анастасьевка. И вижу себя похожим на ту барышню, которой снится жуткий, страшный *мужик* (пишут латинскими буквами) с чёрной окладистой бородой. Ничего такого я не видел в своём детстве. То ли потому, что в моём родном селе напротив нашего дома жил начальник отделения милиции, а чуть наискосок располагалось само отделение.

* * *

Пьяный Марик (не помню, с кем) шли по коридору нашего четвёртого этажа общежития, распевая: «Wenn die Soldaten durch die Stadt marschieren...». При обилии добровольных стукачей ничего, сошло.

* * *

В разговоре со Светланой Александровной Пузановой.

– Какое здоровье в 86? Держусь. 86 – это ведь очень много, Володенька, очень много...

1.05.2016

* * *

Когда-то в «Опытное поле» – страничку творчества читателей в «Томском вестнике» – ученик 10-го класса прислал мне такое:

*Хватит плакать и бить баклуши.
Посмотри в окно. Поутру
Покрываются холодом уши,
Стынут мозги на ветру.*

* * *

Бывает нечто, о чём говорят: «Смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Екклесиаст. 1, 10.

* * *

Бакулки пинать по деревне – говорил папа про праздное времяпровождение.

Нет, я больше сидел на крыльце

дома бабушки, где жил тогда. Сидел, прислонившись к нагретым доскам сени, от них было тепло спине, а лицо и грудь грело нежаркое солнце.

* * *

Память – великая завиральница. Мы помним не факты, а воспоминание о них.

(Ахматова в записи Павла Лукницкого.)

* * *

При полном солнечном свете пламени костра не видно, только струится горячий воздух, когда огонь лижет сухие сучья, ветки.

* * *

«На свете счастья нет, но есть покой и воля». «Уюта – нет. Покоя – нет». Я думаю об этом. Люблю покой, рад, что удалось его обрести. Не тот покой, когда всё по фигу. Тот, который позволяет, забыв про суету, расти духовно. В этом покое есть достоинство.

Нам всё время напоминали про долг. Подразумевался в основном гражданский, который надо вернуть народу. Пожалуй, я признаю один – долг памяти. И вижу при этом конкретных людей.

* * *

Студенческие годы. Вася Гольшкин зарифмовал происшествие на свадьбе Володи Коробенко. Там стул просто сложился подо мной.

В. Крюкову посвящается

*Я видел поэтопаденье.
Мне снилось три ночи подряд,
Что в это весеннее время
Поэты со стульев летят.*

*Я плакал, такому не веря,
В клочки я свой сон изорвал.
Но утром спросили за дверью:
«Ты слышал, как Крюков упал?!».*

13.3.73.

* * *

– Мне кажется, я беспредельно окосела, – сказала Надя Сотникова на прощальном ужине нашей учебной группы в кафе «Иней» (тоже 1973).

* * *

Он хотел стать мне кровно близким, близким по крови – этот комар.

* * *

Помню, как я досадовал, когда прочитывал, что герой закрыл (или открыл) книгу. Просто книгу. Мне всегда было интересно, что он читал, а не было ни названия, ни автора. Потому так радостно было встретить у Гумилёва:

*Я закрыл «Илиаду» и сел у окна,
На губах трепетало
последнее слово...*

Дальше тоже было трогавшее сердце:

*Так, в далёкой Сибири,
где плачет пурга...*

(Но это уже о другом.)

Правда, были досадности другого рода. В английских, американских романах герои читали авторов, о которых я не имел (да и не имею) никакого представления, а они чуть ли не классики англоязычной литературы.

* * *

«Надо бы умирать так, чтобы крикнуть, шепнуть перед смертью: «Ура, мы отплываем!». (Андрей Синявский)

«Правда обязательно торжествует. Но... потом». (Александр Володин)

* * *

– Вы – новатор в традиции, – сказал Катаев С. Липкину, послушав его стихи. Так же себя величает в недавнем интервью Юрий Кублановский.

* * *

24 августа 2016. Как почти год назад, Ольга повезла меня на Лебединку. С нами отправился и Глеб. День стоял совсем июльский, жаркий. Приехали. Ни души на берегу. Где-то на другой стороне перекликаются люди, но это далеко.

Насобирали сухие палки, ветки, зажгли костёр. Ольга отыскала в недалёком кострище не сгоревшие угли (видно, кто-то залил водой). И вот у нас они быстро набрались жара, стали мы поджаривать сосиски-гриль. Однако пора и в воду. Зашёл в озеро. Какая тёплая вода! В Томи, где мы последнее время купались, была прохладнее. Долго идёшь от берега в глубину, и долго просматривается дно с камешками. Проплыл далеко, вернулся. Потом сделал ещё один заход. И когда поплыл в третий раз, моему примеру последовали Глеб и наша мама. Они-то думали, что я преодолеваю холод, а тут убедились: вода как в середине лета.

* * *

Маленькие комнаты или жилища собирают ум, а большие его рассеивают.

Леонардо да Винчи

* * *

Пришёл мороз, остановил всё – ветер, воду сначала в лужах, потом в озёрах, реках... И сам встал неподвижно, сделав своё дело.

* * *

С 2000-х началась эпоха фейерверков.

* * *

Если лектора спрашивали о большом, серьёзном, он говорил:

– Ну это вопрос *вождевой* (то есть глубокий, не нашего уровня).

Его же спрашивали: Острые вопросы были? Он говорил: были.

Ну и как ты отвечал? Он говорил: уклончиво.

А как это? Говорил: идите к чёрту с такими вопросами.

* * *

Наблюдение Леонардо да Винчи:
Люди, вырастая, утрачивают дар удивления.

* * *

Эйнштейн в детстве удивился, что стрелка компаса ведёт себя столь опре-

делённо, и понял, что за вещами должно быть что-то ещё, глубоко скрытое.

* * *

Кроме почти всем знакомой русской тоски, есть в Есенине ещё огромный запас нежности. Не любить Есенина – это признак несомненной человеческой дефективности.

* * *

Бывший африканский вождь Бокасса, поедавший своих уничтоженных противников, последнее слово на суде начал с такой фразы: «Я, конечно, не святой...».

* * *

В японской живописи «ваби – саби» – «красота простоты».

* * *

Волосы как друзья – седеют и редуют.

Дон Аминадо

* * *

Сон с 4 на 5 января 2017 года

Снилось, что я неожиданно проснулся и вижу, что в темноте мама на коленях моет пол, передвигая таз, выжимая тряпку. Я понимаю, что это в моей маленькой комнатке на улице Советской. И вот она у моей кровати. Увидела, что я проснулся, и, не вставая с колен, приблизила ко мне лицо и стала обнимать левой рукой, а правой – гладить по голове. Сначала молча, а потом тихо повторила: «Вот ты какой, Володя Крюков». И мне послышалось, что она чем-то немного удивлена, я подумал: наверное, тем, что я вот так замер, не отвечая на её ласку. И я протянул руки, обхватил её, уткнулся головой ей в плечо и заговорил: «Мама, мама, мама». А потом и не смог говорить – горло перехватило, и слёзы полились. И мысли путались в голове. Подумалось, может быть, она говорит «вот ты какой» потому, что долго не видела меня, а сейчас увидела, как я изменился. И другая мысль: да нет же, мы видимся часто,

тут что-то другое в этих словах. И вдруг догадка пришла – нет, не догадка, а как будто вполне утвердительная подсказка: мама давно умерла, и вот увидела меня *оттуда*.

Я проснулся. Сердце прямо заходило в груди. Но тут, в тихой темноте, стал понемногу успокаиваться. Протянул руку, у меня на столе сотовый телефон, нажал клавишу, чтобы увидеть время. 02.04. Когда я выключил транзистор, было 1.50. То есть проспал я каких-то 15 минут. И вот в этот отрезок увидел свой сон. А слушал, как читали по радио отрывки «Северного дневника» Казакова. Наверное, вспомнилось мне, но не отметилось как-то явно, что получил я первую для меня казакскую книжку в библиотеке маминского санатория. Прочитал, возвращая, очень хвалил, и библиотекарь вдруг протянула мне её (это был сборник «По дороге»): «Возьми себе, перечитаешь. Могу же я сделать что-то хорошее для сына Татьяны Дмитриевны».

* * *

Появилась такая сволочь как *пранкеры*. Это герои нашего времени, устраивающие розыгрыши по электронной связи. Ловят доверчивого абонента на крючок. И розыгрыши получаются далеко не безобидными.

* * *

Шопенгауэр говорил, что чем больше человек читает, тем меньше думает, потому что чужое убивает в нём самостоятельный поиск истины. Сегодня это лишние опасения: не читают и не думают.

* * *

В интернете: Дмитрий Безделов обвиняется в расхищении 500 миллионов рублей.

Это в тему о говорящих фамилиях.

* * *

– Анекдоты смешны, – говорила Тэффи, – когда их рассказывают. А ког-

да их переживают, это трагедия. И моя жизнь – это сплошной анекдот, то есть трагедия.

– Дурею не по дням, а по часам. Но чужую дурость вижу зорко, до тошноты.

(Та же Тэффи, в книге Андрея Седых «Далёкое-близкое».)

* * *

Белинский сказал, что Гоголь пишет «слёзные комедии»: сначала смешно, а потом грустно.

* * *

Вот такой небезобидный постмодернизм Пастернака в книге «Второе рождение» (1932):

*Столетье с лишним – не вчера,
А сила прежняя в соблазне
В надежде славы и добра
Глядеть на вещи без боязни.*

Каждое слово здесь пытается переложить ответственность на соседнее, напустить тумана. Поминается Пушкин, льстящий Николаю Первому, сравнивающий царя с Петром Великим («Начало славных дней Петра мрачили мятежи и казни»). А сам Пастернак сравнивает себя с Пушкиным – и льстит Сталину. Разве не постмодернизм? Правда, с «нечеловеческим» лицом.

Алексей Пурин

* * *

Комсомольцы, которых наблюдал на факультете, а потом и на уровне города: так старательны были, так правильны, что почти на сто процентов можно было сказать, что они *притворяшки*, они играют то, что от них требуется.

* * *

Василий Аксёнов (*январь 1976 года*) ушёл с обсуждения книги о биг-бите.

«Потом по телефону он мне сказал: «Я хотел выступить. Я уже столько лет слышу ваши разговоры – имеет ли пра-

во на существование джаз, имеет ли право на существование современная мода и т. д. А почему вы ни разу не задумались – имеете ли право на существование вы, которые решают судьбу того, что существует и без вас...»

(В книге Виктора Славкина «Разноцветные тетради (записи на обратной стороне жизни)».)

* * *

В кулуарах XXVII съезда корреспондент телевидения спросил у Михалкова, как он относится к тому, что происходит. Михалков: «Мммы живём в удддивительное ввремя!..». И я подумал: с этой фразой он прошёл жизнь. И никогда не прогадывал.

(Виктор Славкин, там же.)

* * *

Парень с «почтового» сидит среди нас. Про себя не говорит ни слова, а нас внимательно слушает. Несколько неловко. Товарищ подмигнул мне: «Видно, ему есть *о чём молчать*».

* * *

Один способный человек, попадая в ритм окружающей его системы, добивается успеха. А другой, может быть, даже более одарённый, не совпадает с этим ритмом. Изнуряет себя без результата.

Это я приблизительно, по памяти, излагаю мысль Германа Гессе.

* * *

Пожилым или даже старым называют в разговоре моего ровесника. Справедливо, но невероятно: неужели и я – старик? Толстой много размышлял о смерти. Он полагал, что человек умирает не от старости, не от болезней, а потому, что благо его жизни уже не может увеличиваться в этом мире.

* * *

Мёртвый час. Это послеобеденный сон. Сейчас в день набегают масса мёртвых часов – ничего не могу написать, беспомощность.

* * *

Сленг 60-70-х. *Я дико извиняюсь, конечно.* И ещё в ответ на вопросы про жизнь, про здоровье, сдержанно отвечать: «*Нормальный ход*».

* * *

Уже не первый год, прощаясь с ушедшими, без всякого понта говорю про себя: «До встречи».

* * *

Диалог.

– Что-то его давно не видно.

– Ко мне иногда заглядывает.

– Куда-то он переехал, что ли?

– Далеко. В мир иной.

– Ну а что ты дурачишься? «Заглядывает».

– Во сне вижу.

* * *

Непреходящий признак мудрости в том, чтобы видеть чудесное в самом обычном (*Эмерсон*). Кстати, читая лекции в Амхерсте близ Бостона, Эмерсон всегда останавливался в доме почтенного и обеспеченного юриста Дикинсона. Его дочь Эмили обрела большую и прочную посмертную славу, признана великой американской поэтессой. Вот её определение поэзии: «Если я читаю книгу и холодею от неё так, что никакой огонь не может согреть меня, – я знаю, это поэзия. Если я физически ощущаю, словно мозг мой обнажился, – я знаю, это поэзия. Только таким путём я и могу судить о ней».

* * *

Сегодня поутру (5.06.2017) прочитал в компьютере:

Томский геофизик, а в 1982–1983 годах политический заключённый, один из фигурантов дела «Томских книжников» Александр Францевич Ковалевский скончался 2 июня. Об этом ТВ-2 сообщил заведующий музеем «Следственная тюрьма НКВД» Василий Ханевич.

Помню гнусное судилище осени

1982 года, которое получило потом название «дела книжников». Помню подавленного Александра Францевича на скамье подсудимых: малые дети, которых он оставляет, дикость «преступления» – ЧТЕНИЕ! Но, оказывается, чтение направляется государством: что можно, а что нельзя.

Я познакомился с А. Ф. после его возвращения из зоны (кажется, полтора года). Назову как главную черту в его облике и поведении человеческую мягкость. Но при этом я понял, что он сохранил *свою правоту*, своё право читать и осмыслять то, что написано и напечатано. Вскоре после его отсидки многое из того, за что накрутили срок, появилось в журналах, вышло книгами. Как жестоко, как несправедливо то, что случилось с ним, с Валерой Кенделем и Толей Чернышёвым. Они оказались вроде бы *преждевременными* людьми. И жизнь им за это поломали.

* * *

Вчера предложил Глебу оттащить на задний двор листы ДВП и поставить к стене бани. Держа лист рукой, я полез на косогор к бане, но почва из-под ног ушла, и я, потеряв опору, поехал вниз, предчувствуя, как сейчас обдерусь на этом шлаке с ошмётками бетона, как мочанусь спиной и головой о доски, составленные неподалёку. И вдруг сильная рука поймала меня у пояса и удержала. Глеб остановил моё падение, подтянул к себе. И я с благодарностью подумал, что вот какой молодец вырос. И сказал ему спасибо за это.

* * *

«Никогда не говори: всё кончено. Герман Лопатин».

Этот автограф из альбома приводит в своей книге «Герман Лопатин, его друзья и недруги» Юрий Давыдов. Там же история о попытке освободить Чернышевского из ссылки и об аресте Германа Александровича: «Не на ангар-

ских порогах, а на берегу ничтожной речки Ушайки потерпел он крушение. Вообразите: и Ангару прошёл, и Старо-Ачинский тракт, такой путь, а в Томске опознали».

* * *

В 20-м, кажется, году Блок присутствовал в институте на каком-то заседании опоязовского толка. Говорили о стихах. Блок, по-видимому, чувствовал, что от него ждут отзыва, и поэтому сказал:

– Всё, что вы здесь говорили – интересно и, вероятно, правильно, но я думаю, что поэту вредно об этом знать.

Этот вкус к неведению был у Блока совершенно личный, не менее чуждый символистической культуре, чем акмеистической и футуристической. Должно быть, этот вкус проистекал из каких-то тайных свойств психологической структуры Блока.

Лидия Гинзбург, «Человек за письменным столом»

* * *

Я заметил за собою следующее. Иногда сажусь за компьютер усталым и не готовым, но постепенно втягиваюсь. И вот усталость исчезает и появляется лёгкость, мобильность. В ночные часы при этом теряется ощущение времени. Ничто не отвлекает. День не способствует такому отстранению. Ночью время сливается в поток и течёт неощутимо и незаметно. И время, которое фиксируют часы на столе, не имеет над тобой власти. Правда, последние годы это случается всё реже, чаще к полуночи одолевает сон, и ты вынужден уступить ему.

* * *

«Дневник» Юрия Марковича Нагибина – история тщеславного человека, который при том хотел бы оставаться порядочным, честным. Талант позволяет ему жить вполне комфортно (книги, сценарии), но то и дело брюзжание:

и туда его не пустили, и там обошли. Но опять же постоянные поездки: не говоря уж о «странах народной демократии» и Япония, и Италия, и Америка. Много сомнительных рассуждений в этом дневнике, много злости и зависти. Есть и то, что покажется небесспорным, но увидено очень по-своему.

26 апреля 1983 г.

Даже в рабьей своей покорности простые люди не виноваты. А виноваты – изначально – безмерные пространства, холода, снега и ветры России, где человек не мог притереться к человеку и стать общественным животным. Русские люди (в массе своей) ненавидят, презирают и боятся друг друга. И на эту неизбывную сердечную тягость навалилась свинцовая доска окаянной власти.

30 ноября 1983 г.

...рабский идиотизм. Народу и не нужно другого строя. Как испугались в исходе шестидесятых тощего призрака свободы и с какой охотой кинулись назад в камеру, где не надо ничего решать, не надо выбирать, не надо отвечать за свои поступки, где всё отдано надзирателю, а твоё дело жрать, спать, срать, гулять, трепаться о погоде с однокамерниками, мечтать о выпивке и отработывать лёгкий, необременительный урок. Воистину – быдло. Был ли когда-нибудь народ настолько покорный, безмозглый, доверчивый, несмотря на все обманы? И всё-таки это не врождённая безмозглость, а сознательный отказ от ума – из страха перед удавкой.

* * *

«Счастье в усилиях», – говорит молодость.

«Счастье в покое», – говорит смерть.

«Всё преодолею», – говорит молодость.

«Да, но всё кончится», – говорит смерть.

В. Розанов, «Уединенное».

* * *

Жизнь слишком коротка, чтобы делать то, что не нравится. И понимаешь это не сегодня, но так она – жизнь – устроена, что приходится делать то, что не нравится. И на это тоже убиты не часы, не дни – годы.

* * *

Мартовский, почти апрельский наст называли у нас в селе «чарым». Он был настолько крепок, что по нему бегали, не проваливаясь, как-то обалдевая от того, что это возможно. Как будто застывшее море.

* * *

Мне кажется, что такие режимы, как наш сегодняшний (2015–17), уже не могут обходиться без того, что надо чем-то отвлекать обывателя, заряжать какой-то любезной его сердцу дурью. Отсюда эта злодейка-Америка, которую надо хорошо припугнуть. И мы с замашками сверхдержавы, но без её возможностей. Значит, нужны новые ракеты, авианосцы, самолёты новых поколений. Да, это деньги. Но разве ж мы не патриоты, не государственники? Разве нас не тревожит то, что мы снова в кольце врагов? И с телеэкранов краснобаи с пафосом кричат: да, конечно, перетопчемся, переживём некоторые трудности, откажемся от какой-то дорогой жратвы во имя величия России! А отчего она вздоржала – лучше пока не будем об этом. Несколько утешает, что молодёжь не смотрит сегодня телевизора. Но ведь и об этом подсказали лидеру, и вот он устраивает встречи с юной аудиторией.

* * *

Но розы! Вот что помогает отбросить, забыть мерзости в масштабе страны. Как они цветут, как они гордо или наоборот сдержанно, скромно, достойно держат свои головы. Как тихо и красиво опадают их лепестки. Нет, не случайно Ольга нашла себе такое заня-

тие, как разведение роз. Труды оборачиваются замечательным результатом, и это цветение сводит на нет разного рода негатив – и бытовые неурядицы, и то, что пытается лезть к нам через телеэкран.

* * *

Эротизм часто направлен на любование, а не на обладание, сказал кто-то. Я это хорошо понимаю, сам переживал, иногда боясь признаться крутым ребятам в такой... сентиментальности, что ли.

* * *

Слишком поздно стал говорить себе: ты должен запомнить это.

* * *

И молодость наша, слава богу, не запятнана двоемыслием и двоедушием.

* * *

Бабушки относятся к золотым дарам детства.

Карел Чапек

* * *

В Элладе не знали оладий.

Придумал эту поговорку про исторические нестыковки, нелепости.

* * *

Кто-то цитировал недавно Платона про то, что ничего невозможно узнать, можно только вспомнить. Тогда книга для меня – инструмент воспоминания.

* * *

Утром кот вскакивает на постель и не спеша приближается почти к лицу. Укладывается на груди, вперив в меня стеклянные прозрачные глаза с чёрными вертикалями зрачков. Он провёл ночь на улице, где точно – никто не знает: у печной трубы или на опилках? Но лапы чистые, видимо, пробежка по снегу помогла. Он, конечно, уже выморщил у Ольги что-нибудь пожрать, даже не выморщил – потребовал неу-

станным, почти без перерыва воплем. Теперь пришёл за лаской. Я глазу его большой лоб, пригибая изодранные уши. Он запекает, но бесстрастные глаза не выражают дружелюбности. Он так и остаётся себе на уме.

И я вспоминаю горячо любимого в юности Гофмана, его «Житейские воззрения кота Мурра», его гениальную находку – жизнеописание композитора Крейсера сохранено для нас благодаря запискам Мурра. Ведь кот, излагая свои житейские воззрения, рвал листы из книги хозяина, используя их как промокашки для своих свеженарисованных страниц. Замечательно: история жизни музыканта-гения как макулатурные листы в кошачьей биографии. Но и кот у Гофмана – тоже не промах. Жизни Мурра и капельмейстера сопряжены не случайно, тут есть над чем подумать.

* * *

Наступление на культуру. Скоро будет назван победитель премии «Нос». Я посмотрел формирование шорт-листа, жюри определяло это на выезде, в Красноярске. Вещицы одна другой хлеще, конечно, главный претендент – Сорокин.

В «Знамени» знакомая мне Ольга Юрьевна продолжает публиковать нечто более чем странное в разделе «Поэзия».

По телевизору показывают выступление Полины Барсковой, любовно снятое Ромой Либеровым (он сам себя так величает). Неряшливая, с блуждающим взглядом стихотворка кошмарит доверчиво открытого ей зрителя канала «Культура». Там, на экране, ей внимает небольшая аудитория, слушают вежливо, боясь прослыть простаками, не готовыми принять серьёзную, сложную поэзию.

С другой стороны газета, сохранившая название «Литературной», ве-

дёт планомерное просвещение нового читателя, впрочем, и людей совсем взрослых приглашают, готовы их перевоспитать тоже. Пишут об этом так: «ЛГ» намерена обращаться к фактам из истории Советского Союза, которые получали необъективное, тенденциозное освещение, особенно в период перестройки и 90-х годов прошлого века. Приглашаем к разговору историков, политологов, читателей». Это послесловие к публикации под названием «Факты против домыслов. Кто и почему сидел в ГУЛАГе, что особо отмечал Сталин после Победы и для чего была нужна денежная реформа 1947 года». Из текста понятно, что сидели те, на кого писали доносы граждане, сводившие счёты. Но после доклада Жданова на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года за клеветников взялись, и теперь уже они пополнили лагерь. А доносчиков насчитывалось около четырёх миллионов. (ЛГ № 49, 10–16 декабря 2015). Автор – Юрий Кириенко, кандидат *технических наук*. В том же номере уверяют, что ВООПиК общество не только культурное, но политическое, спасавшее в брежнев-андроповскую пору именно *русскую культуру*, которую злодеи хотели извести.

В другом номере доказывают, что в Катynie поляков расстреляли немецкие фашисты.

* * *

Совсем редко вижу во сне папу. Но вот приснился, каким он был давным-давно – председателем колхоза в Пудино. Едем с ним в санях по улице нашего Пудина. Я – возраста восьми-девяти лет – за спиной отца, но иногда прилетает и мне сколок снега из-под копыт. Папа легонько погоняет лошадь вожжами: «Н-но!», потом оживает коняшку у нашего дома, с этим замечательным: «П-р-р-у!».

* * *

Маленькие люди должны совершить большое дело – настоящий подвиг. Так это хорошо придумано про хоббитов.

* * *

Она спрашивала у гостей: «Вы чай пить будете или не хотите?».

* * *

Остряк-циник: «Не устраивает жизнь – займись чем-нибудь другим».

* * *

Светились матовые шары под потолком (комната общежития).

* * *

Мы пришли с Ольгой к дизайнеру Лазарю Карабину. Он сидел в недрах кинотеатра «Пионер». И тут работал со входной дверью мужичок. Он присел внизу и крикнул помогавшей ему тётке: «Открой створку!». Она начала отворять. «Да не тую!» – с досадой зарорал он. Помощница исправилась, приоткрыла нужную половину двери. Мы прошли дальше, и в памяти моей навсегда осталось это замечательное: «Да не тую!». Великий русский язык.

* * *

Юра рассказал про своего старшего товарища Олафа Рамина (я тоже, кстати, познакомился с этим почтенным пожилым человеком у Юры в Мельне, 2016). Так вот, Рамин зашёл в больницу навестить своего учителя (тому около восьмидесяти). В это время женщина-санитар что-то проделывала у постели, Рамин небрежно встал в стороне. И больной учитель сказал ему:

– Что же ты стоишь при женщине – руки в карманы?

Тот же Рамин подарил Юре вельветовый пиджак. Вскоре спросил: почему не надеваешь? Юра рассеянно ответил, что надо бы купить к нему вельветовые брюки. И вот Рамин озадачился этим делом и стал по телефону советовать,

где найти каталог продаж. Потом выбрал магазины, где хороший выбор, есть примерка. Потом позвонил про другие торговые точки, где обеспечат возврат и т. д. То есть проявил большую заинтересованность в этом вопросе.

* * *

При крушении надежд, планов и замыслов ищешь что-то в утешение. Замечательны слова одного монаха: «Если что-то не получается по не зависящим от вас обстоятельствам, значит, Господь приготовил вам кое-что получше».

* * *

– Ой, девчонки, он такой забавный, такой интересный человечек! – говорила Л. на школьном вечере встречи, на 25-летию, кажется. Хвалилась она знакомством с Жириновским.

Я услышал и почувствовал, что краснею. Мне стало неловко за неё, а ещё стало стыдно за себя – когда-то она была моей подростковой любовью. Боже мой, как же я не замечал того, что в ней, наверное, всегда было. Ах, нет, тогда, в пору, скажем, очарованности, я бы этого попросту не заметил.

* * *

После трагедии в Кемерово (25 марта 2018), когда ты, понятно, переживаешь сострадание к людям, вдруг возникает на телеэкране тётка, кричащая телеоператору: «Прекрати снимать! Американцев радуешь? Они и так уже глядят, радуются!». Полный бред? Нет, это результат направленного поиска врага в последние годы. Это пятиминутка ненависти. Это крик из осаждённых врагами крепости.

* * *

Удивительные эти русские люди! То на руках носят, то готовы в лицо плюнуть.

Фёдор Шаляпин

* * *

Во сне: я почувствовал, как плещет-

ся сердце, прямо совсем близко под кожей. Оттого как-то тревожно стало. И я сказал об этом незнакомому человеку, который стоял рядом. Он поглядел на меня внимательно, обронил нечто странное:

– У вас здоровое сердце. Оно останется внезапно.

* * *

Ещё сон в эти же дни конца апреля. С Володей Лосевым расположились на галечнике близ воды. И сдаётся мне, что это тот самый Казыр, на котором прошли благословенные дни августа 1968 года. Бросили одежду, но Вова двинулся не к реке, а в обратную сторону.

– Ты куда? – спросил я. И добавил что-то вроде: – Далеко не уходи.

Он кивнул головой, мол, понял. И ушёл. Сижу, смотрю на его рубаху, жду.

Но его всё нет и нет. Он ушёл навсегда.

* * *

1 мая. Не сразу раскачались на какую-то приборку во дворе. А потом пошёл несильный дождик. Мы сели с Ольгой под поликарбонатной зелёной кровлей нашего новостроя. Это – веранда на месте разломанных в конце лета сений избушки. Ольга принесла обед – котлеты с картошкой пюре, салат с участием пекинской капусты. Мы пили вино «Толва» чилийского урожая, произведённое в Германии. И дождь часто-часто постукивал по крыше, а потом стал булькать в бочке, падая с водостока. Пришёл кот, стал попрошайничать и получил своё с нашего стола.

* * *

Ещё один недавний сон.

Разговариваем по-русски с негритянской средних лет. Она спрашивает:

– А знаете, когда Бог стал Богом?

Я не совсем понимаю, жду, что скажет она. И она говорит:

– Когда он почуял свою силу.

И вот я иду, повторяя про себя эту фразу. И шаги мои, замечаю, становятся шире. Под ногами – свежий снег, и, оглядываясь, я вижу, что расстояние между моими следами всё увеличивает-ся. И это происходит легко, само собой, без каких-то усилий с моей стороны.

* * *

«Такая несказанно сладкая грусть от этого вечного обмана ещё одной весны, надежд и любви ко всему миру (и к себе самому), что хочется со слезами благодарности поцеловать землю. Господи, Господи, за что Ты так мучишь нас!»

Кэнко-хоси, буддийский монах, закононаставник Кэнко – автор замечательного произведения японской литературы XIV в. «Записки от скуки».

«Мы не задумываемся над тем, что такое миг, но если миг за мигом проходит, не останавливаясь, вдруг наступает и срок, когда кончается жизнь. Не стоит скорбеть о грядущих днях. Жалеть следует лишь о том, что текущий миг пролетает впустую».

«Ведь наверняка приходят лишь старость и смерть. Приход их близок и не задержится ни на миг. Какая же радость в их ожидании?»

Кэнко-хоси

* * *

Я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками.

Капитан Грей в «Алых парусах»

* * *

Конкурс «Воспитатель года». Среди финалистов женщина с замечательной фамилией КРУОГЛА Елена Константиновна. А потом должность – учитель-логопед детского сада. Невольный комический эффект. Может, не нашлось логопеда на её предка, а тот был просто КРУГЛОВ.

Билибердина – настоящая фамилия, нашёл в газете.

О профилактике гриппа рассказывала врач-эпидемиолог Соплевич.

В титрах: редактор Стоимёнова.
Вёрстка Н. Беспаловой.

В больнице повстречал парня по фамилии Тракторов. Подумал: не может быть. Спросил его, не детдомовский ли. Он рассказал, что фамилия деда была Траков, а далее трансформировалась таким образом. Правда ли, нет ли.

* * *

– Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят, жаль только, мы не дотянем. Интересно было бы взглянуть. (А. П. Чехов, «Случай из практики», 1898.)

Через пятьдесят лет... После кровавой войны, на которой стратеги ни в грош не ставили человеческую жизнь, после победы продолжили наполнять концлагеря теми, кто побывал в плену, кто сражался с немцами в отрядах Сопротивления в Европе, кто не хотел возвращаться, но был выдан исполни-

тельными британцами. Интеллигенцию припугнули постановлением 1946 года, где дали добро к травле Ахматовой и Зощенко. Раскручивалась компания против «космополитов». Выдающиеся учёные получали реальные сроки от 10 до 25 лет. Четыре года оставалось до кошмарного «дела врачей».

* * *

В разговоре Вася Демешкин роняет иногда замечательные фразы: «Шебаршимся помаленьку», «На веку, говорили старики, как на долгом волоку».

* * *

Хоть что-то вокруг должно быть освящено твоей любовью.

Как может взволновать простое дуновение ветерка! Или это только в детстве?

* * *

Сохраните меня в памяти настолько, насколько я этого заслуживаю.

Антон КАРЯКИН

ИВАН ПЕТЛИН О КИТАЕ

400 лет назад в Томск вернулось посольство из Пекина. Через много лет в Посольском приказе найдена челобитная казаков Ивана Петлина и Андрея Мадова – жалоба царю на невыдачу денег за двухлетнюю поездку в Китай:

«Бьют челом государю царю и великому Князю Михаилу Федоровичю всеа Руси Томского города казаки Ивашко Петлин да Ондрюшка Мадов.

В прошлом де во 126 году посылал их на государеву службу из Сибири боярин и воевода князь Иван Семёнович Куракин да дьяк Иван Булыгин провожать к Алтыну царю его алтыновых послов, а от Олтына царя велено им итить и проведать про Китайское государство. И они де Алтына царя послов до Алтына царя допроехали и у Алтына царя были, а от Алтына царя шли они до Китайского государства степью пять недель и идучи голод и всякую нужу терпели и души свои осквернили, в говейно мясо от нужи ели. И в Китайском де государстве они были, и про все проведали, и роспись и чертеж Китайскому государству ко государю к Москве с собою вместе привезли. И от тоей де службы одолжали и платьишко поободрали, а государевым де они жалованьем ничем за тое службу не пожалованы. А которые де наперед сего посыланы были к оному Алтыну царю Василей Тюменец с товарищи, и те де за тое службу государевым жалованьем пожалованы. И государь бы царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси их, Ивашка и Ондрюшку, за тое их службу пожаловал своим государевым жалованьем и денежною и хлебную прибавкою, как государю бог известит».

В этой челобитной – два исторических факта, которые долго оспаривали. Летом 1619-го года (126-й от 1492-го, считавшегося семитысячным «от Адама») возвратился в Томск отряд Ивана Петлина (двенадцать казаков). Прождали год, не дождалось полагающейся платы и осмелились писать самому царю. На запрос Москвы пришла из Томского острога отписка воеводы Куракина: «В прошлом во 126 году посылали они, боярин и воевода князь Иван Семёнович Куракин да дьяк Иван Булыгин, ис Томского города провожать к Алтыну царю послов ево казаков Ивашка Петлина да Ондрюшку Мадова и велели им, быв у Алтына царя, проведать про Китайское государство. И они де, Ивашко и Ондрюшко, и в Китайском государстве были, и Китайскому и Лабинскому и иным государствам жилым и кочевным и великой реки Оби и иным рекам и дорогам росписи и чертежи с собою привезли. Да с ними ж пришли в Сибирь от Алтына царя и из Лабинского государства и из Киргизские земли послы. И они того Ивашко Петлина ко государю к Москве с росписями и с чертежом послали наперед, а послов, которые с ними пришли, после пошлют ко государю вскоре. И только государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси казаков Ивашка Петлина да Ондрюшку Мадова за тое их службу своим государевым жалованьем пожалует».

Документ деловой, точный, есть и другой, тоже бесспорный: *«Государь пожаловал Иваишку за службу и за изрон 25 рублей, другому 20 рублей, да по камке, да по сукну человеку, да в оклад по рублю, да по чети муки, да по осмине круп и толокна человеку»*. Но тут сразу, с первого шага, вопрос: кто же первым из русских побывал в Китае – Иван Петлин или Василий Тюменец. И на сей вопрос есть прямой ответ в документах Посольского приказа: *«В прошлом во 124 году посылаемы были на государеву службу к Олтыну царю Тарского города атаман Васька Тюменец да литовского списку десятник Иваишко Петров и им дано государева жалованья в приказ: Ваське Тюменцу 15 рублей, Иваишке Петрову 13 рублей, да им же по чарки, по 2 рубли чарка, да по камке, да по тафте, да по 2 сукна добрых лундышных; да им же прибавлено к старым их окладом к денежному окладу по рублю, к хлебному, ко ржи, к крупам, к толокну по чети; да им же дано за изрон, и что они давали Алтыну царю сабли и самопалы, Василью Тюменцу 19 рублей, Иваишке Петрову 15 рублей»*.

Всё в цифрах. И тем не менее двести лет историки спор ведут. Появился новый фигурант: Бурнаш Ялычёв, посол от Ивана Грозного 1567 года (!). Академик Миллер в своей «Истории Сибири» признал подлинность жалобы Петлина, а вот Николай Карамзин считал, что не доехал томский казак до Поднебесной и челобитной своей блефует. Писатель-историк поверил «дорожной сказке» Ивана Петрова и Бурнаша Ялычёва. А у них повествование очень расписное, да что там – легендарное: *«Лета 7075 (1567) году по государеву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси указу посланы были проведывати за Сибирь государства атаманы Иван Петров да Бурнаш Елычев и вывезли тем государствам роспись, которые за Сибирью государства, Китайскому государству и мунгальской земле и иным местам живым и кочевым и великой Оби реки... А ходу по той реке и до вершины, где царя Алтына сошлись кочевья, 15 дней, а дорога вся идти по камению. А от Алтына царя до улуса идти 5 дней. А улус зовут Атувас, а князь в нём Тормоши, а от Тормошина улуса ехати за Утчеркукуш, а в нём князь Каракула, ехати до того улуса 5 дней. От Каракулина улуса ехати до улуса, а в нём князь Чистаки, ехати 5 дней, а от Чиняева улуса до князя Тангичирика ехати 5 дней, а от Тангичирикина улуса до князя Чертику ехати 5 дней, а от Чертурова улуса до князя Сеченнос ездю 4 дни, а от Чиниева улуса до Таинскатут ехати 4 дни, а от Тыскатулина улуса до царя Бушкуты ехати 3 дни. А от царя Бушкуты до княжны Манлов до мунгальской земли за два дни идти щелию промеж камней, а к щели вышел в мунгальскую землю, на выезде от щели два города мунгальские каменные, а имена городам Каламбаши и Банишин. А в одном городе воевода князь Таламташа, а в другом городе Олбанташа. А третий город в мунгальской земле Лобинской, а царствует в нём женщина, имя её царица Мачикатута, да сын ея царевич Анчитайный. А та царица Мачикатута и указывает во всей Мунгальской земле по всем градам, а хто не придет и да от нея пойдет в китайскую землю, она дает грамоту и печать в города, в котором приедешь. Да поидешь к рубежу да и покажешь сторожам грамоту и печать, и они пропустят за рубеж в китайскую землю, а не будет от нея грамоты с печатью, они в китайскую землю не пропустят за рубеж»*.

Карамзин объяснил похожесть текстов просто: *«Петлин, вероятно, не бывал в Китае, а списал донесение атаманов Ивана Петрова и Ялычева, упомянув только в начале о первом, а в конце прибавив несколько строк от себя»*. А почему решил он, что Петлин до Китая не доехал, а Бурнаш Ялычёв, на 50 лет раньше, побывал там, – понять это нельзя. Василий Тюменец – лицо историческое, но он выехал из Тары будто бы в 1567 году, а этот город появится только через тридцать лет.

Обратим внимание на имена и названия мест. У Ялычёва они явно фольклорного происхождения: «Атувас», «князь Тормоши», а далее улус «Утчеркукуш, а в нём князь Каракула», а после того улус князя Чистаки. У Петлина названия мест более достоверные, не из легендарных «дорожников»: улусы Алгунат, Сулдус, Бисут, а в нём царь Часакты, а дальше «правит князь Тайчин-Черекту. А от Черектина улуса ехати до улуса 5 ден, а зовут Бешут, а в нем князь Чеку». Иван Петров был спутником Василия Тюменца, которому Н. М. Карамзин приписал авторство баснословного повествования. Но имя Тюменца, тарского казака, почему-то исчезло.

Итак, достоверно установлено: в 1618 году по указу воеводы Куракина выехал из Томска отряд казаков в 12 человек. Куракин и отвечал на вопросы Посольского приказа. Иван Петлин, владевший несколькими языками, в казаки повёрстан из учителей. И он не сочиняет, простодушно признаётся: *«А мы у царя Тайбуна не были и царя не видали, потому что итти к царю не с чем. И мне посольский дьяк сказал: у нас де чин такой держат – без поминков де перед царя нашего Тайбуна не ходят. Хоть бы де с вами, с первыми послами, ваш царь Белой послал нашему царю Тайбуну невеликие дары, и вас бы де, послов, с поминками наш царь пустил к себе и послал бы к нему свои дары...»*.

Архивные данные не врут: Томск, тогда ещё новый город, назван «острожкой», правильно указаны воевода и дьяк-делопроизводитель, главное же – был Петлин «на расспросе»: *«А в роспросе Ивашко Петлин с товарищи сказал: Ехали они ис Томскаго острожку на Кирбицкую землицу степью 6 ден, а кирбицкой царь голдует государю, и, приехав в Кирбицы, сказали, что они посланы от государя в Китайское государство. И кирбицкой царь тотчас дал им корм и подводы и провожатых и отпустил их в Мунгальскую землю к Алтыну-царю. <...> И отпустили их до перваго китайского города до Широкалги. И были они в Широкалге 2 дни, а из Широкалги до другою китайского города до Топы 5 дней, а ехали они дорогою все лесы и деревнями, и храмы частые устроены каменные. И им дают подводы. А Тайта город велик добре, стоит на 4 углы. А сказывают, что ходу круг его 6 ден. А как они приехали к городу, и их воевода встретил того города, а с ним 3000 человек по тому же в наряде, и круг воеводы шли пешие люди человек со 100 и несли солничники. <...> И шли они до Белого города Китайского государства 5 дней. И увидели его за днище. И как приехали блиско, и город стоит бел, что коли камени, потому и Белой город слово. А ходу, сказывают, круг его 7 ден. А как приехали к городу, и из города им встреча была по тому ж честно и людно, добре нарядно. Как въехали в город, и в городе устроенье всех городов больше и сильнее, и товары всякие, и питье, и овощей много множеством. И жили они в Белом городе, и отпустили*

их в город Крым, где сам китайской царь Албул живет. И шли они от Белого города до китайского города Крыму 5 ден» («Роспись Китайскому государству и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам»).

Расспрос вёлся, очевидно, в Тобольске, и опубликован был через двести лет – в 1818 году. Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» пересказал не донесение Ивана Петлина, а легенду Бурнаша Ялычёва. Так или иначе, имена первых русских послов в Китай теперь достоверно установлены, в том числе по китайским источникам: «В 47 г. правления Ванли (1620 год) было послано второе посольство – Ивашки Петлина, который также не имел подарков и не был принят императором». В Центральном государственном архиве древних актов обнаружены ранее неизвестные документы, и они бесспорно утвердили за Иваном Петлиным славу русского путешественника в Китай. Это челобитная в Посольский приказ и выписка из неё. Петлин и Мадов прямо упоминают Василия Тюменца как своего предшественника. Из «Челобитной» нам известны перипетии и трудности поездки: пять недель, во время поста, казаки «и голод и нужу терпели и всякой скором ели», чем «души свои осквернили». Тут надо помнить ещё, что ехали они через земли агрессивной Джунгарской орды. Проехали земли енисейских кыргызов, подвластных джунгарам.

«От Киргиз до реки Абакана 6 ден езд; а от Обакана до реки до Кимчика 9 ден езд; а от Кимчика до большово озера, где Иван Петров сказывал, в коем озере самотицвет камень, 3 дни езд; а кругом тово озера 12 ден езд конем. Да в то же озеро 4 реки впали: река с востоку, река с полуднь, река з западу, река с сивера, а все 4 реки с Миус реку, текут в озеро, а в озере воды ни прибывает, ни убывает. Да в то ж озеро река впала промежу востоку и сивера, а имя той реке Кесь; а ходу по той реке от озера до вершины, где царя Алтына сошлись кочевья, 15 ден, а дорога все итти по камению». Все названия достоверные, недавно подтверждённые проверочной томской экспедицией. «А не дошед до Мунгальской земли за 2 дни итти щелью промеж камени: страсти изымут! А ис щили выедешь в Мугальскую землю, а на выезде ис щели 2 города мугальских каменных, имя городе[м] Байшин; а в одном городе воевода князь Тау-тайша, а в другом городе воевода князь Онбой-тайша». Тут и первое упоминание на русском языке Великой китайской стены: «А стена ведена кирпичиная, а мы сочли по рубежной стене башен со 100, по обоим концам, а к морю и к Бухаром башням, сказывают, и числа нет; а башня от башни стоит по стрельбищу. И мы у китайских людей спрашивали: для чево та стена ведена от моря и до Бухар, а башни на стене стоят часто? И китайские люди нам сказали: та де стена ведена от моря и до Бухар потому, что де 2 земли – земля де Китайская, а другая де земля Мунгальская, ино де промежу земель рубеж; а башни де потому часто стоят на стене – как де придут какие воинские люди под рубеж, и мы де на тех башнях зажигаем огни, чтобы де люди сходилися наши по местам, где чье место, по стене и по башням. А с приходу к рубежу живут об стену Черные мунгалы, а за рубежом земля и города китайские. А скрозь ту стену рубежа в китайской город в Широкалгу пятеры ворота, ниски и уски, на коне наклоняся

продеешь. А кроме тех ворот у рубежа на стене в Китайское государство ворот нет; изо всех государств ездят в те в одны ворота, в город в Широкалгу».

Посольство вернулось ни с чем (как и в случае с Василием Тюменцем), разве что с «китайской грамотой», на которую двести пятьдесят лет взирали с недоумением. Но сам Петлин понимал свою задачу – разведка: *«И Ивашко Петлин с товарищи сказали: посланы они из Сибирского государства проведывать про великое Китайское государство, и с нами грамот и поминков нет, а будет великого государства нашего государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси к вашему великому государю послы нарочно – и грамоты и дары с ними будут. А жили они в Китайском государстве 4 дни. А честь им от китайского царя была: стояли на посольском дворе, и корм им был до воли и питья много. И отпустили их тою же дорогою».* Удивительно тут вот что: дома забыли за два года, куда и зачем посылали, и Петлина вызвали «на расспрос».

Путешествие Петлина на европейских языках издано ещё в XVII веке. У нас же на Руси оно кануло на триста лет в хаос списков и установлена его подлинность только в начале XX века.

Георгий ТОРОЩИН

ИСКАЛЧЕННЫЕ СУДЬБЫ

После перенесённой операции в 2009 году я понял, что надо успеть оставить память о своих родителях, тем более, что ещё есть кому и что вспомнить.

Вспомнил, что от отца остались в тетрадках записи о своей жизни и жизни матери и тетрадь от дяди Лазаря. У отца было пять классов образования, у дяди – семь, но они осознали необходимость описать свою судьбу, и если я не приведу всё это в порядок, оно исчезнет. Дай мне Господь силы ради памяти отца, матери и дяди.

Технический прогресс – великое достижение человечества. Я имею в виду радио, телевидение, компьютерную технику... Иногда он так закручивает нашу жизнь и спрессовывает время, что некогда оглянуться назад в своё прошлое. А надо бы...

Готовит внушка урок, читает «окружающий мир» за третий класс об отмене крепостного права в 1861 году. А ведь это произошло всего через 50 лет после Отечественной войны с французами. Не будь её, Россия так бы и была ещё долго, возможно, крепостной. Но война взбудоражила страну, начали строиться на Урале сталеплавильные заводы, железные дороги, зашевелился народ и даже бывшие крепостные крестьяне. Их стали привлекать работать на заводах, а остальные стали роптать на малоземелье. Отмена крепостного права сразу отделила бывших хозяев-дворян, которым отошла помещичья земля, от «малоземельных», которые не могли прокормить свои большие семьи.

А зауральские земли, захваченные Ермаком Тимофеевичем, практически пустовали, их границы были ненадёжны, и крестьянам разрешили осваивать эти земли. Железной дороги на восток не было. Туда направлялись ходоки, которые сначала смотрели, оценивали места, возвращались, а потом уже люди сбивались в товарищества наподобие артелей, переезжали на эти места и начинали строиться.

Я вспомнил про записи своего отца. Пожелтевшая от времени ученическая тетрадка. На последней странице обложки: Камский ЦБК, ГОСТ 12063-75, Артикул 5005 – 18 листов, цена 3 коп. – за 2 шт. Это так, к слову.

ТОРОЩИНЫ

Мой отец пишет, что его отец Роман Петрович приехал на Алтай, когда ему было 7 лет, из Вологодской губернии со своим отцом. Роман Петрович родился в 1876 году, стало быть, переехали они в 1883 году, то есть через 22 года после отмены крепостного права.

Я стал по Атласу СССР искать населённые пункты, похожие на свою фамилию. Нашёл село Торошино Псковской области, а она граничит с Новгородской и Вологодской областями. Дед был уроженцем Вологодской области. Не оттуда ли пошли родом мои предки по отцовской линии?

Я уверен, что каждого человека в жизни интересует, откуда и как произошла его фамилия и где жили его предки. По словарю Даля – «торошитые» означает «беспокойно-хлопотливые». Возможно, это и было первым определением моего далёкого предка по отцовской линии.

Выписка из тетради моего отца:

Мой дедушка Торощин Пётр Михайлович пришёл ходоком из России в Алтай, дер. Бедреп Ельцовского р-на Каменского с/с. Ему понравилось в Бедрепе, и они стали переезжать. Государство дало им пособие, как малоземельным на переезд. Они долго ехали на лошадях...

По карте это 3–3,5 тысячи км напрямую, надо умножить примерно на два и представить: если ехать по 100 км в день, то получится примерно 70 дней. А лошадей надо пасти, давать отдых, они ведь не порожняком шли.

У дедушки было две дочери и сын – мой будущий отец Роман. Они стали сооружать дом. Старшая дочь дедушки сразу же вышла замуж, а он с меньшей дочкой стал заготавливать лес и подвозить в усадьбу. Морозы были большие, снега глубокие. Она, эта дочка, бывало, что и по пояс в снегу, сразу простыла и через недолгое время умерла. Дедушка остался один – Роман ещё мал. Он так долго мучился, нанимал строителей, но выстроил дом: большой, крестовый, с подвальным жильём, почти как двухэтажный. Построена была баня, во дворе два амбара, пятистенное сушило, огород большой. На это ушло много времени. Роман уже подрос.

А рядом было большое село Каменка, там тоже было много переселенцев, и был там из Вятской губернии Оботнин Никифор. У него было четыре сына – Матвей, Николай, Иван, Филипп. Да четыре дочери – Дарья, Александра, Елена – моя будущая мать, и Клавдия.

Поехали свататься, повенчались, и она переехала в Бедреп жить. Построили дом, отделились. И вот мама родила меня 25 апреля 1916 года.

Хочется отойти от сухого повествования тех лет. Деда Романа я помню хорошо, но больше мы общались с бабушкой. Она часто вспоминала то время, когда родила первенца Василия, радовалась жизни, которая налаживалась вроде бы. Она часто вспоминала: «Когда ещё в Бедрепе жили... Василий просил: «Дядя Филя, сделай мне «талежку задки-передки» (с передними и задними колёсами), сестрёнок катать». Примерно через девять лет после Василия появилась дочка Валя и следующие...

Сейчас приходится вытаскивать из памяти моего детства короткие разговоры с бабушкой, когда она мне говорила, что дед взял её из бедной семьи – восемь детей прокормить и вырастить было очень сложно. Характер у бабушки общительный – сказывалась многодетная семья, а дед был скрытный, и, как мне кажется, немного скуповат. А может, его так последующая жизнь перекроила.

Начались гнетущие послереволюционные годы.

Отца забрали в Армию (белогвардейскую), мать растила нас одна, всё хозяйство было на ней. Через четыре года пришёл отец, он за это время (и не он один) перешёл в Красную Армию, и уже защищал Сибирь от белогвардейцев.

Кто был прав, кто не прав, мы не знаем до сих пор, но история так сложилась. Время течёт, как вода в реке, в одну сторону, а люди в ней, как соринки – или их вынесет на быстрину, или прийдёт к какому-нибудь берегу и загонит под корягу или под кочку...

Когда отец Роман пришёл с Гражданской войны, дед пошёл смотреть место в Черемшанке, его туда звал народ – нужна была мельница, место хвалили. Посмотрели, понравилось.

Стали разбирать наш дом и плавить по реке Чумыш. Дали ему усадьбу, поставили дом – я всё это помню. Усадьба у реки, стали сооружать мельницу.

...Народ понаехал на лошадях, привезли лес, стали строить плотину. Запустили мельницу. Мельница замолела, но мало-мало, а вода ушла быстро. Дохода никакого не было.

Надо было её в то время сделать общественной, под ведомство сельсовета и всё...

Так написал отец, но могло ли что измениться? Наверяд ли...

Дед находился на мельнице. А отец имел три коня, три коровы, сеяли пшеницу, овёс, просо. Земли было достаточно, но посевов делали мало. Дедушка в Бедрепе продал свой дом и на эти деньги купил сенокосилку, конные грабли, плуг и коня, и осталось немного деньгами...

Выписываю события из тетради отца и вижу, с какой любовью он вспоминает то время:

Дом был пятистенный, всё было выкрашено, стоял как красавец.

Что такое дом, построенный своими руками? В то время каждый мужчина обязан был построить себе дом, отделяясь от родителей. Дома строились с размахом, залезая в долги, знали, что он на всю жизнь. От его состояния складывалось и дальнейшее благополучие всей семьи.

Сейчас строят дома, как будто лепят кирпичи. Да вот только купить их стало просто невозможно, особенно молодым людям. А как строили дома в советское время? Я, работая на заводе, принимал участие в строительстве не менее пяти домов, но квартиру так и не получил. Ухитрились получить её далеко не все. Мне пришлось вступить в кооперативное строительство.

Отвлеку ещё ваше внимание вот на что. Частенько, убирая в квартире и протирая пыль, задаёшься вопросом: откуда она берётся? А я знаю, что она из-под пола, если он застелен половицей. Строители никогда не убирали штукатурку, вернее, то, что падало от штукатурки на пол. Разгребали этот мусор, клали поперечные бруски и на них стелили пол. Даже при ходьбе пол шатается, и сухая штукатурка из-под пола просачивается – этим мы и дышим, покуда живём в таком доме.

Вернёмся в прошлое.

Мы косили сено, пахали. Мне было 12 лет, я уже сам пахал, ночевал на пашне, ухаживал за лошадьми.

И тут началась принудительная коллективизация. Мы, т. е. отец, тоже вошли в артель, а дедушка бросил мельницу, уехал обратно в Бедреп, в лесу купил пасеку из 7 колодок пчёл, перевёз бабушку, и там они жили в избушке.

Один из дядьёв отца, не знаю уж кто, занимался изготовлением гармошек, и отцу на 14-летие подарил гармонь, с которой тот не расставался до смерти. Кстати, и у его отца (деда Романа) тоже была гармонь.

Выучив несколько мелодий, отец ходил с парнями и девушками по вечерам по селу и играл на гармошке. Однажды он мне рассказал: иду, играю, как умею, едет подвода, везут каторжных. Один и говорит:

– Дай, парень, сыграю напоследок.

Конвойный разрешил. Я подал ему гармонь, иду рядом, а он так заиграл, что я и не знал, что так можно сыграть на моей гармошке. Сыграл несколько мелодий, подал мне гармонь и говорит:

– Учись играть, гармонь хорошая...

Гармонь и вправду была голосистая, однорядка, на 16 ладов, я её до сих пор помню. Мой брат пытался на ней что-то разучить, а я до неё не дошёл. Отцу, честно говоря, некогда было на ней играть.

Но вернёмся назад...

Пошли скудные тяжёлые строки, мне показалось, что у отца даже почерк изменился:

Отца стали раскулачивать, артель распалась. Нас посчитали как кулаков – за мельницу, за то, что народ собирали делать запруду, за то, что дедушка нанимал работников вывозить сено, пока отец был на войне. И вот в 1931 году, в мае месяце нас выселили из дома и повезли на лошадях в Бийск. Всё осталось в доме, разрешили взять самое необходимое на две подводы. Сундук да инструмент на одной, а на второй, кроме взрослых и меня, были Валя – 6 лет, Груня – 5 лет, Нина и Нюрочка – совсем малышки. Мне только-только исполнилось 15 лет. Мама плачет да кормит Нюрочку грудью. Из Бийска до Томска в переполненных товарных вагонах, а в Томске посадили на пристани в баржу и повезли вниз по Оби до Колпашево, а потом ещё долго вверх по реке Кеть, до Ключвинки. Никакого посёлка там ещё не было, а была грива горелого леса – выше Белого Яра, примерно в 50 км вверх по реке.

На этом этапе для моего отца кончилось детство и юность, и счастливая, хотя и тяжёлая жизнь. Он этого ещё не понимал, помогал родителям управляться с детворой. Его старшая сестра Валя, помню, говорила: когда их везли на барже, «очень страшно было ходить «в туалет» – ёлочками обставленное место между двух баржей: две шатающиеся дощечки, а под ними внизу бурлит вода...». Ели сухари, пайки, которых едва хватило до полпути. Пили сырую воду, что доставали ведром прямо из реки.

Дымил впереди пароход, разбрызгивал колёсами воду и тревожно гудел, проплывая мимо деревянных селений. Днём – оводы, здоровые, жёлтые, каких не было на Алтае, вечером и ночью комары да мелкая мошкара усиливали гнетущее впечатление.

А в это же лето, возможно, даже на этом же пароходе, в такой же барже ехала со своей семьёй одиннадцатилетняя девочка Клаша Котельникова: отмахивалась от гнуса и с ужасом смотрела на дикие, заросшие ивняком берега. Детство у неё закончилось ещё раньше...

КОТЕЛЬНИКОВЫ

Открываю тетрадь Котельникова Лазаря Васильевича, родного брата моей мамы:

С Урала, из г. Уфалея, переехал на Алтай в Чаргу мой прадедушка Котельников Егор Яковлевич с тремя детьми: младший – Пётр, двадцати лет от роду, был мой будущий дедушка.

Я долго не мог найти Уфалей, понять, где он находится. Нет его в указателе географических названий – и всё тут. Возникло сомнение в достоверности места. И, уже отчаявшись, я начал на карте лазить по Уралу, и наконец нашёл на севере Челябинской области в верховьях рек Чусовая и Уфа город Верхний Уфалей с населением 10–50 тысяч.

Всё встало на своё место.

Это произошло примерно в 1850–60 годах. Всего 150 лет назад и эту семью потянуло на вольные земли из обжитых родных «расейских» мест. Алтай, Сибирь, Приморский край – это была ещё не Россия. Но тяга к просторам и вольным землям потянула и эту семью.

Чарга, первым поселенцем которой был калмык Черга, расположена на берегу притока Катуня в Шебалинском аймаке (районе) Горно-Алтайской области.

Мой прадедушка Егор Яковлевич и его сын Пётр Егорович жили сначала вместе (т. е. в одном доме), потом Пётр привёл в дом Веру Филипповну Патову (тоже из Чарги). Отделились. У них народились дети – Василий Петрович, 1898 г. рождения (мой отец), Егор, Герман, Павлина, Мария.

Пётр Егорович умер в 1916 году. А тут пошли новые переселения – две большие семьи Вакуловых, Мартемьяновы, Примицыны, Альковы, Поповы, Вилисовы, Казанцевы. Все они хорошо знали друг друга, многие дружили. Люди обживались. Места раздольные, свободные земли, невысокие горы, вечная зелень, шумит река, тепло.

Я проезжал дважды по этим местам, мимо Чарги, но это было уже после смерти моей матери. Мне хотелось выпрыгнуть из машины, пройти пешком по этой земле, прикоснуться к ней. Щемило сердце, и наворачивались слёзы. Мама так часто с грустью вспоминала это место, где оборвалось её детство, и это всё передалось мне. Возможно, это и есть «генетический зов предков».

У вновь приезжих Вилисовых Власима Осиповича и Марфы Севастьяновны были дети: сыновья – Сергей, Константин, Александр, и дочери – Анфиса Власевна, в будущем – Котельникова, Августа Власевна – Зырянова, Анисья Власевна – Попова, Татьяна Власевна – Табакаева, Людмила Власевна – Казакова.

Пришло время, и Василий Петрович просватал Анфису Власевну. Первым делом срубили дом, хоть небольшой, но двухэтажный. Думали жить. У них народились дети: Иван, Клавдия, Пётр, Лазарь, Геннадий, Софья, Виктор.

В деревнях скота было много, отец приспособился выделывать кожи, срубил мастерскую под это дело. Работал сам не покладая рук – дети ещё малы. Нанимал одного работника, но он был какой-то дальний родственник, и, кстати, был рад, что его пристроили на работу.

Начались грозные годы коллективизации и раскулачивания. Предвидя эту неизбежность, Василий Петрович вместе со своим сродным братом Алексеем Ивановичем перешли границу Китая и обосновались в Харбине, втайне думая, что жену с семьёй детьми оставят в покое. Но для сельсовета нужен был дом, и в 1931 году Анфиса Власевна с семьёй была сослана в Сибирь. Старшему, Ивану, было 14 лет, младшему, Гене – 2 годика. Пётр – ему было 10 лет в это время – пас лошадей, и поэтому остался, примкнул к каким-то родственникам, да Софья, уже в пути, была выкрадена и увезена тёткой, Татьяной Табакаевой. Остальных пять человек детей повезли осваивать «новые лесоразработки» – так пишет Лазарь Васильевич в своих воспоминаниях...

Я не понимаю, какой смысл переселять женщину в 36 лет с семьёй детьми без отца в Сибирь? Мне кажется, только на уничтожение...

Власть была отдана беднякам, которые не умели, да и не хотели работать, но умели завидовать более зажиточному населению.

Бытует и другая версия. Мама мне говорила, что Василий Петрович с кем-то из односельчан собрали стадо телят и перегнали в Китай для продажи. А по пути назад узнали, что их семьи раскулачили. Вернуться назад, бороться за справедливость? Мой дед, зная свой характер, подумал, что искать справедливости – значит попасть под расстрел. Вот они и вернулись в Китай. За них всё уже решила новая власть.

Может, кто-то думает, что раскулачивали только богатые семьи. А где их было взять на Алтае? И почему ссылали только русское, а не местное население?

О богатстве можно тоже судить по-разному.

Помню, баба Анфиса говорила: закажешь юбку – сошьют, а надевать её жалко. Одну на левую сторону – и к коровам да к лошадям, а «на люди», или в церковь переоденешь на правую. Так на левой стороне и износишь.

Я смотрю на сохранившееся фото тех дней: судя по возрасту детей, это 1930 или уже 1931 год: Ивану – 13, Клавдии – 11, Петру – 9, Лазарю – 8, Виктору – 7, Софье – 5 лет и Гене – 1,5 года. Бабушка Анфиса в клетчатом платье, Василий Петрович в косоворотке, в добротных хромовых сапогах...

Хотя моя мама и говорила, что была у отца мастерская по выделке кож, всё-таки было это не совсем так. Реабилитируя прошлую жизнь, всё для нас в разговорах преуменьшалось. Как потом мне рассказывал Володя, сын Лазаря

Васильевича, бабушка Анфиса говорила: был заводик по выделке кож, и ко времени революции на нём работали три человека. Даже были заказы на выделку «хрома» для офицерских сапог. Была одна беда – оводы изъедали шкуры на животных, и поэтому материал качественный подобрать было трудно. А дело было не очень-то выгодное, потому как местные сами выделывали кожи по старинной «технологии», шили обувь и одежду.

Только с приездом русских на Алтае начали строить дома, выращивать овощи на огородах, а до этого всё было, как и несколько веков назад: разведение скота, юрты, кочевая жизнь. Даже сейчас, проезжая по Горному Алтаю, встречаешь юрты из дерева, кирпича, покрытые современными материалами. А чаще – добротный дом, а рядом с ним сооружение в виде юрты – летняя кухня. Местное население хранит свои обычаи и нравы, и пока не забывает свои национальные блюда.

Места привольные, дикие, происходит органическое вливание в природу, и уезжаешь отсюда с трудом. По всей округе не стихают голоса животных и птиц. Куры уходят в «положенный срок» за огород в заросли бурьяна, кладут яйца в самодельные гнёзда, выпаривают и потом приводят штук по десять цыплят в свою ограду – боятся коршунов. Я сам видел этот процесс возвращения.

Вся трава на выпасах выщипывается коровами, овцами, лошадьми, и только за могильной оградой, куда мы зашли помянуть наших предков, буйные заросли травы в человеческий рост, да ещё перевитые вьюном и мышинным горошком. Бредёшь вброд, как по глубокому снегу...

Но вернёмся к прошлому.

Владимир Лазаревич, сын Лазаря Васильевича (мы с ним общаемся до сих пор), поведал, что в спокойные 60–70 годы бабушка Анфиса, будучи ещё в здравии, рассказывала:

«Василий (Петрович) имел гармонь-двухрядку, играл неплохо. Зимой, в Рождество, гуляли не по-нашему, широко, с размахом. Родни много, все роднились. У кого-нибудь поём, пляшем до упаду. А дети-то дома одни. Я засобираюсь домой, а бабы: – Ты Василия-то нам оставь, пусть поиграет. Меня отвезут, кто постарше, ребята, я управлюсь со скотиной, да жду его.

Не сплю. Слышу, Мухорко – выездной жеребец, горячий был конь – заржал, значит, привёз хозяина. Вытащим его из кошёвки, сонного, с ребятишками, да распряжём лошадь. Гулеванил Василий-то... Ещё была рабочая лошадь Постойка – то ли кличка, то ли имя. Но тихий был, смирный, детей на нём всё катали. Забрали лошадей обоих, а толку с того так и не было, слава Богу, что не видела, как всё пропало».

Посмотрим на семейные фотографии. Баба Анфиса (очевидно) в ботинках – фото оборвано, мальчики все босиком, девочки в ботиночках. На Иване надета кепка. У Сони – кукла, у Гены – зайчик. Лазарь приклонился головой к плечу отца, будто зная, что в последний раз фотографируется с отцом вместе. Витя стоит рядом с мамой – это первое и последнее его фото. Он умер во второй год ссылки.

Следующее фото: стоят двое молодых мужчин, сослуживцев, в военной дореволюционной форме, облокотившись на резной деревянный столик. На нём ваза с цветами, над столиком полковое знамя с гербом и надпись:

В память моей военной службы.

Лейб-гвардии Преображенского полка 3-й роты.

У деда Василия Петровича, ещё молодого, усики с закрученными концами и аккуратная бородка (по моде тех времён). Год не указан.

Ещё одно фото из Китая: двое мужчин сидят на стульях, за ними женщина, как подписано – вторая жена, Феня. У Василия Петровича очень грустные глаза. Другой мужчина – Алексей Иванович, двоюродный брат моего дедушки Василия Петровича, перебрался в Австралию после революционных событий, прошедших в Китае в 1945 году. В этих событиях участвовал мой дед, и погиб. Как это случилось, теперь не узнать, но одно ясно, что на своей родине, в своей стране ему не хватило места ни для жизни, ни для могилы.

Пишу, а душа не на месте... С одной стороны радуюсь, что пишу, вспоминая и родителей, и их прошлую жизнь, и горько, что такая судьба им досталась.

Из тетради дяди Лазаря:

Как понимать прожитую жизнь? Наверное, её надо разделить по частям, и из каждой делать уроки. Сегодня можно иметь многое, а завтра потерять всё.

До ссылки у отца был двухэтажный дом, полный двор скотины, небольшой кожевенный завод с подсобными помещениями, да полный дом детворы – нас ведь было семеро детей. А когда раскулачили в 1931 году, усадили нас всех на одну телегу и повезли, мама шла сзади. Положить можно было только то, что могла лошадь увезти...

Из Бийска до Томска на паровозе, из Томска погрузили на баржи и долго везли до Колпашева. А потом – по Кети вверх...

По Кети нас вывезли до Белого Яра и расселили в с. Полуденовка, в 25 км от Белого Яра (там, где сейчас находится аэропорт).

Мы с моим братом Иваном часто ходили на те места за грибами, да падалицу-шишку собирать. Мать и отец жили в то время в Белом Яре, мы часто ездили к ним, особенно летом, в гости.

Поневоле разговор заходил об этом месте, где была избушка нашей бабушки Анфисы Власевны. Почему людей расселили именно в 25 км от Белого Яра, тогда уже большого населённого пункта?

Очевидно, местное население боялось голодных приезжих, и было против такого близкого соседства. А приезжие были вынуждены, у кого ещё были деньги, покупать или менять последние тряпки на картошку и капусту.

Привезли нас на ссылку, надо начинать строиться. К осени кое-как был построен домик 3 на 4 – это чуть больше бани. В нём сложили глинобитную печь – заняла полдома, покрыли корьём (тёса никакого не было), пол земляной. Одно окошечко, высокие завалинки из моха.

Позвольте мне сделать некоторое отступление. Это всё изложено ребёнком, которому в то время было всего девять лет, потому всё так кратко.

А я вспомнил вот что...

Судьбы людские переплетаются так неожиданно.

Шёл уже далёкий от нашего времени 1967 год, и ещё более далёкий от того сурового 1932-го.

Я жил в Томске, работал на п/о «Контур», в конструкторском отделе, был женат, а мой брат 1948 года рождения учился в Томском машиностроительном техникуме, познакомился с девушкой Лидой Ромашовой. Решили пожениться. По этому поводу приехали мои родители в Томск, пригласили всех родных, в том числе и Лазаря Васильевича с супругой – они жили уже в Томске. Со стороны невесты тоже были все родственники. В процессе разговоров моя мама услышала фамилию – Волжин Владимир, он был мужем сестры нашего нового свата Сергея Емельяновича Ромашова. Фамилия Волжиных была маме очень знакома, потому как в ту зиму 1932 года их избушка, что была покрыта корьём, промокла и завалилась. А их приютили вот эти Волжины, у которых умерли мать и отец, а Володя с сестрой остались одни, причём младшая сестра Наташа ослепла, а ему было лет 10–12.

Свадьба перетекла в воспоминание тех лет. Мы, тогда ещё молодые, жадно впитывали историю нашей семьи и страны не по учебникам.

Да, на сытый желудок очень хорошо поговорить о суровых уроках жизни. Мы с тех пор ещё долго поддерживали дружеские отношения с Волжиными, приезжали, помню, к ним на садовый участок за саженцами малины и черно-плодной рябины. А Татьяна Никифоровна до сих пор мне всё о них рассказывает (ей уже, слава Богу, за 90 лет), но она в отличной памяти и при относительном здоровье. Она меня и вдохновляет в моём вот этом повествовании.

Да я и сам думаю: если не я, то кто об этом напишет. Сейчас все только «потребляют» информацию, поэтому память предков может исчезнуть совсем, а ведь только память заставляет нас оставаться человеком.

И тут начался голод. Я с Геной был устроен в детский дом, там пробыл до 14 лет.

Это продолжает дядя Лазарь... Строгие факты изложены сухо, да и о чём было писать ему, если и вспоминать трудно...

Затем был трудоустроен учеником слесаря в леспромхоз. В 1942 году в мае призван в Армию на защиту Родины. А что мне дала Родина?

Помню, я в Колпашево зашёл в парикмахерскую. Меня не стали стричь, что у меня было много вшей, даже ножницы не брали. Уходил на войну – с собой был только один килограмм хлеба, а вернулся тоже в одной шинели – всё богатство после четырёх лет войны.

Так пишет дядя Лазарь в своей тетради:

Помню, в те годы мы питались чем попало. Даже представить трудно. Всё, что произрастало в природе, всё ели. Где в сыром виде, где смешивали с отрубями и мукой, варили и ели. Искали пучку, крапиву, лебеду, щавель, саранки, медунки, корешки молодой осоки. Ели мокрицу. Труху от пней и сосновую кору толкли и добавляли в муку. Стряпали и пекли «тошнотики» – только так можно было выжить, ничем не брезгуя. Весной копали старую картошку на огородах. Ловили, чем могли, рыбу, пекли на костре. Помню, мы поймали в лесу около десятка бурундуков, ободрали их, распотрошили и сварили замечательный суп с крапивой. Мясо что куриное – белое и мягкое. Они же питаются орехом да грибами. Может, оттого мы и живые остались все, кроме Вити.

Мама рассказывала, как они, собирая пучки, вышли на поле колхозное, где только-только всходила рожь: Охранники на лошадах кинулись нас догонять, кто повзрослее, убежал, а Витя – ему было 8 лет, не успел. Охранники его отстегали плетьюми и уехали. Мы принесли Витеньку домой, но он так и не поправился, умер.

Анфиса Власевна работала на корчёвке леса за паёк хлеба на себя и на детей. Хлеба давали по 250 грамм в день на работающего и по 200 грамм на иждивенца.

Многие сейчас задают вопрос: почему хлеба не было? А где его было взять, вернее, у кого было его отобрать? Единоличных крестьян всех разорили, а в колхозах остались люди, не умеющие работать на земле.

Меняется почерк и у Лазаря Васильевича, хочется проскочить ему этот самый тяжёлый период его детства.

Мама была в отчаянии. Витя умер. Если всё оставить так, кто будет следующий?

Она решается. Как мать, она, конечно, не вправе так поступать, но ради спасения детей она сбегает со старшим сыном, Иваном.

Это просто сказать – «сбежала»... У неё были последние три золотых монеты, на них она купила у остяка старый обласок (лодка-долблёнка на двухтрёх человек). А остяку он был уже и не нужен, протекал, но золотые монеты он не видел ни разу, а хотелось...

И вот по ночам поплыли они вниз по реке Кети – это примерно 300–350 км. Днём заезжали куда-нибудь в протоку и ловили рыбу, как умели, и варили в котелке. В этом было спасение от голода, да и от людского глаза. В то время за поимку беглецов давали большое вознаграждение, поэтому местное население не брезговало этим промыслом, а ружья у них были у всех. Но на этот раз Бог миловал Анфису Власевну и Ивана.

Остальных детей, Лазаря, Клавдию и Гену, должны были определить в детский дом, который в то время был любезно построен советской властью в Белом Яре. Он стоит до сих пор, и в нём накрепко сейчас засел бюрократический аппарат по сбору налогов с населения. Было б население, а за что взять налоги

– найдут! Кстати сказать, люди постепенно уезжают из тех мест, потому что нет надёжной работы, а нет работы, то нет и дисциплины...

Но всё произошло не так, как думала моя бабушка – Анфиса Власевна. Лазаря, Гену взяли в детский дом, а Клаша там пробыла всего год, и ей исполнилось 14 лет.

Она сирота, без родных, её стали отправлять то на покос, то на корчёвку леса – ни одежды, ни обуви... В конце концов она попала на сборный пункт в Колпашево, где набирали переселенцев в новые лесозаготовительные предприятия.

Стране нужен был лес, чтобы продать за границу за валюту, и потом купить оборудование для производства танков и прочего оружия для завершения мировой революции...

И Клашу направили в Ёлтыревское ЛЗП, где и был в то время мой отец...

ВЕРНЁМСЯ К СЕМЬЕ ТОРОЩИНЫХ

Так описывает события тех лет мой отец Василий:

Высадили – палатку негде натянуть. Расчистили место, поставили палатку-шатёр на 15–20 мест, вот тут и стало наше жильё. Назавтра отца отправили грузить лес на баржу, меня с мамой послали корчевать лес, но так как дети были малы, маму стали оставлять сторожить склады, наспех сколоченные. Ей приходилось и разгружать баржи, когда привозили муку или зерно.

Мешки в те года насыпали по 50 кг. Бабушка рассказывала: Двое мужиков подадут мешок на спину, держишь его за углы руками и по шатким сходям несёшь на берег, да по берегу метров 50–100 до склада, и так, пока не упадёшь с мешком. Не дай бог уронить мешок в воду, заставят ловить и сушить... А плата за труд была какая... Когда очистим баржу, сметём всё зерно или муку в уголок. Охранник наблюдает, чтобы всё ссыпали в мешок, взвесили и сдали на склад. Я сшила мешочек килограмма на два и привязывала к поясу верёвочкой между ног. Присяду, насыплю сколь смогу, чтоб не увидел, а потом дома отвязжу. Под юбку не лазили, бабы не давались, а так обыскивали.

Не могу не описать эпизод, рассказанный тётёй Груней в 2011 году. Ей уже 84 года, а в то время было лет пять.

Мама взяла меня с собой в склад сушить мешки из-под муки. Там, где подмочено, на мешке лепёшка присохшая. Мама муку отскребает, а я украдкой ем, ем эти лепёшки. Попался заплесневелый, и я отравилась. У меня рвота, понос – я чуть не умерла. Кое-как отварами отпоили, вот как хотелось наестся этих лепёшек на всю жизнь...

Тётя Груня рассказывает, хочет улыбнуться. Молодые её две внучки и их мужья воспринимают это как анекдот, а я вижу её глаза, грустные-грустные.

Я всё это к тому, что хлеба давали работающим на основных работах, связанных с лесом, по 500 граммов, иждивенцам – по 300 граммов.

Рассказывал отец о тех временах, когда он уже работал в лесу.

Отпустили нас на праздник домой на 1 Мая на два дня. Выдали паёк – булку хлеба с довеском. Идти 12 км, съел довесок – мало, отломил от булки, потом ещё, потом ещё, спохватился – меньше половины осталось. Стало стыдно. Что делать? Думаю, скажу, что потерял, и доел всё.

Пришёл домой, говорю, а мама посмотрела на меня, всё поняла, погладила по голове, заплакала и говорит: как-нибудь переживём. А у ней на руках ещё четыре девочки, младшей два годика.

Вернулся отец с погрузки леса, мы стали заготовливать и таскать лес на себе для избушки. К осени кое-как закончили, нас с отцом отправили на заготовку леса в Макзыр. Мама осталась с детьми одна.

Я зимой валил лес, летом был на покосе – готовили сено для лошадей, лес вывозили на лошадях. Отец пилил доски для строительства.

Я видел этот процесс и знаю, какой это тяжкий труд. На высоких козлах укрепляется бревно и опиливается с двух боков, полученное плоское бревно поворачивается и распиливается на доски. Один пильщик стоит внизу, под бревном, а другой – наверху, на бревне. Пила маховая весом примерно 5 кг ходит вертикально. Верхнему – тяжелее, и надо держать равновесие, а нижнему – вроде полегче, но глаза засыпает опилками. А норму надо дать хоть плачь, иначе не будет пайка.

ПЕРЕСЫЛКИ

Потом нас стали перебрасывать в Карбино, рядом был посёлок Сосновка, там нам дали жильё вместо того, что мы построили. Летом мы гоняли плоты по Кети до Тогура, а мама с детьми опять одна.

В это лето к нам приезжают дедушка с бабушкой с Алтая, говорят, дальше жить невозможно, соскучились без вас, а в колхозе толку нет. И с едой стало совсем плохо – давали паёк овсом, его кое-как шелушили, да ели наполовину с шелухой.

Хочу посмотреть на это из наших дней. Крестьян разорили, лишили возможности вырастить хлеб, отобрать его уже не у кого, и пустили всё на самотёк в Сибири, на Алтае, да и, видимо, по всей стране.

Нужен ли был стране лес, добытый такой ценой? Очевиден другой замысел «верховного главнокомандующего», который бывал по молодости в Нарыме, и знал эти места.

Дедушка, приехав с Алтая, пошёл на строительство. А ему было уже за 60 лет, он сразу ослаб, заболел и вскоре помер. Хоронила его мама одна, мы были на сплаве. А через неделю померла и бабушка, нас тоже не было дома.

Мы приехали со сплава – ни дедушки, ни бабушки... В то время было очень голодно. Тятя (отец) купил в дороге немного овса и муки, мы ехали на лошадях

по первому снегу, дорога плохая, лошади вязли в грязи, ломался лёд. Вставала зима. Я работал в Карбино, жил в бараке, в Сосновку не ходил, так как 2 км после работы идти было не в силах при такой еде. Стал возить лес на лошадях. Зима прошла, начался сплав леса, опять на всё лето. Вот пришёл я как-то к маме в середине лета, а она плачет: похоронила она без нас Ниночку и Нюрочку. С ней остались Валя и Груня. Слава Богу, живы и сейчас. А нас стали переселять в Ёлтырево, где открывался новый леспромхоз.

Не хотелось об этом писать, но не будет полной картины бедственного положения сосланных семей того страшного времени.

Мне было лет 12, и я приезжал в гости к бабушке с дедушкой, они жили ещё в том самом Ёлтырево. Бабушка рассказывала мне о своей жизни, про то, как умерли её младшенькие. И как-то, задумавшись, сказала: «Я ведь Бога молила украдкой, чтобы прибрал младших-то, я знала, что мне всех не прокормить в то время...».

Я тогда был ошарашен этим, я даже чуть ли не возненавидел бабушку. Глядя на тётю Груню, а ей тогда было лет 25, я представил, что у меня были бы сейчас ещё две тётки – невесты, возможно, красивые... А у них потом наверняка по двое сыновей или дочерей, а теперь и от них были бы свои дети. Увы – их нет...

Демография – наука, которая оперирует столетиями. Так выражается автор статьи в газете «Томские новости» за 25 марта 2010 года Александр Краснопёров. Он приводит цифру: коллективизация, голод и массовые репрессии 1930–1940-х унесли жизни минимум 10 миллионов россиян. (Многие эксперты называют цифру вдвое большую.) До этого были Первая мировая (минус 8 млн) и Гражданская война (от 8 до 13 млн жизней, и массовая эмиграция – 3–5 млн) плюс Великая Отечественная война, и получаем цифру потерь свыше 60 млн человек.

В том числе и необдуманное переселение людей. Это до какого состояния надо было довести население?... Ведь были в то время и случаи людоедства. Думаю, и об этом ещё напишут и опубликуют достоверные факты.

Нас стали переселять к речке Ёлтырево, там намечались большие лесоразработки. Погрузили вещи в неводник – большую лодку, а вещей уже никаких нет – всё износилось и растерялось за эти годы. Остался сундук да узел с постелью.

В Ёлтырево нас временно разместили на горе, где жили местные жители – «чалдоны», мы их так называли за глаза, а они нас в открытую – «посельга», т. е. поселенцы.

Да простят меня земляки, но я вспомнил, как моего младшего брата Ивана в школе девчонки Трифоновы стали дразнить «посельга». Это было в конце пятидесятых годов, может быть, они и не знали истинного значения этого слова, но мама, узнав об этом, пошла в школу и высказалась по этому поводу директору школы. У взрослых к этому времени отчуждение уже прошло, хотя браки с детьми переселенцев ещё не приветствовались местным населением.

А сейчас «местное население» почти всё растворилось среди приезжих, но уже добровольно приезжих – по «оргнабору», в большинстве с Украины. Многим приезжим понравились вольные рыбные места и неплохие заработки на заготовке леса. Но это уже другая история.

Мужчины разбирали и переплавляли дома, построенные в Сосновке и в Ключвинке, и стали строить под горой посёлок в две улицы. Нам дали дом на две семьи, угодил сосед Светлаков И. Ф. Мы на плотбищах, а мама опять дома с девочками.

Сейчас, когда я это пишу, тёте Вале – 85 лет, тёте Груне – 84 года.

Гляжу на скупые строчки отца и чувствую, что он хочет перескочить этот отрезок жизни и перейти в другой, где хоть чуть-чуть появился просвет и надежда на лучшее. Отменили паёк. Стали платить хоть какие-то деньги...

СВЕТЛЫЕ ДНИ

Вот тут-то я и нашёл, мои детки и внуки, свою Клаву – вашу маму и бабушку. Это было в 1937 году, в июне месяце, 27-го числа.

Да простит меня отец, я немного отвлеку ваше внимание. Бабушка моя, Елена Никифоровна, то есть его мама, не особенно была рада этому событию. Она рассказывала мне, как Василий привёл её с вечеринки. Время было тяжёлое, но молодёжь всё равно собиралась на «вечёрки». Стояли белые ночи, природа не спит. Бабушка углядела, что Василий кого-то привёл на чердак, по лестнице пробрались двое.

Василий был надежда и опора для семьи. Он здоров, высок, завлекает девочек гармошкой, а привёл какую-то незнакомую, ясно, что бедную или, не дай бог, сироту.

Вспоминает мама:

Я жила в бараке. С вечеринки Василий меня проводил, и давай меня обнимать да целовать. А я ему говорю: «Вася, я есть хочу». Он меня и повёл на чердак, сходил в дом, принёс хлеба и кружку кваса. Я наелась и опьянела от кваса...

Далее – отец:

Она была в то время бедная и бездомная, но я полюбил её, и всё тут, стали мы с ней жить. В 1938 году мы с ней зарегистрировались в Типсино, там был сельский совет, и она стала К. В. Торощиной. Началась наша совместная жизнь – ездить по плотбищам. Так начинали работать лесозаготовительные участки.

Как пишут в хороших романах: вот тут бы жить да поживать, но у отца написано совсем про другое...

Вот Клашу поставили на подсобные работы – топить печь и кипятить чай в бараке, а она не может воду носить из реки в гору. Я наношу воды, наколю дров, чтобы хватило на день, а она только топит печь. И вот однажды в конце марта у неё отнялась рука, а потом нога. Я её повёз на лошади со Сплавного

в Кузурово, там стоял один только барак, до Мохового. У неё отнялась вторая рука и нога. Я её кормлю из ложечки, а она не ест, а только плачет. Я её уговариваю, она меня слушает. Доехали мы до Ёлтырева, примерно 50 км, я её вынес на руках к маме. Мама перепугалась.

Я повёл коня на конный двор, там работал конюхом Масленников Константин. Он мне и говорит: «Брось ты её, зачем она тебе такая». Я ему говорю: «Я её взял здоровую. А теперь кому она нужна, сирота?». Он говорит: «Конечно, конечно, ты меня извини».

Утром я запряг коня, довёз Клашу до Колпашева, положили в больницу. Я там побыл три дня, ей стало лучше, она смогла подойти к окну. Она заплакала, я её уговорил остаться. А было уже тепло, таяло, мы договорились, как только врачи разрешат, я приеду.

Прошло 20 дней, пришла телеграмма, я опять взял коня, поехал, а уже была грязь. Доехал, взял Клашу, и в ночь поехали обратно. Кое-как доехали: лошадь не тянет сани по грязи, я иду пешком, лошадь веду. Привёз я Клашу домой, к маме, она обрадовалась. Я её оставил у мамы, а сам с бригадой из 15 человек пошёл на сплав в Кузурово. Надо было перейти на другую сторону Кети, а на реке уже большие забереги (т. е. у берега талая вода). Нарубили из сухостоя жердей, настелили и перешли на лёд. Жерди взяли с собой, и на той стороне так же по жердям перебрались. Могли и утонуть. Дальше – по мелководью, провалились, брели по пояс, а где и выше, в воде.

А Клаша уже по открытой воде приехала с попутчиками к нам на лодке.

Хочу пояснить, что ехать на лодке вверх по течению реки «на гребях» очень трудно. Расстояние примерно 30–40 км – это не менее трёх суток.

Доехали еле-еле до реки Кузурово, до сплавного участка. Там были построены бараки. Она была очень худой и слабой после болезни. Её поставили работать уборщицей.

В 1948 году, когда мне исполнилось семь лет, мы поселились в Кузурово, недалеко от места, где была наша школа. Мы часто ходили в лес по ягоды и грибы, и доходили до этого места, оно так и называлось – Сплавное. Мама показывала, где стояли бараки, и подолгу стояла, как бы уходила в те годы...

Мы завершили сплав леса, без выходных работали около месяца. С разрешения начальника участка нам дали три дня отдыха. Тут подоспела брага, поставленная к этому случаю.

Весна, тепло, весело – всем хорошо. Началось гулянье. Клаша убирала со столов, а ей навстречу идёт Гришкин Андрей и несёт за лапку лягушку. Кидает её на Клашу. Та испугалась, закричала, и у неё сразу задёргал палец на правой руке, и задёргался глаз. Что делать? Станет калекой. Я назавтра отпросился у начальника Грозина взять её в Колпашево, до Ёлтырева доехали, а там пешком. Пошли на приём к врачу, у неё ничего не признали, сказали, что это пройдёт.

Из больницы мы идём с женщинами, говорим о своих недугах, а одна говорит: «Вот вы зайдите в четвёртый посёлок, там живёт старушка, она тебя, возможно, полечит, живёт у колодца».

Мы зашли, старушка нас встретила. «Вижу, вижу, что неладно с тобой, попробую полечить. Придётся побыть три дня».

Мы согласились. Вот она вечером что-то пошептала, отлила воск от свечи в воду и говорит: «Это у тебя от испуга. На что – точно не скажу, покажет третий раз».

На третий день она вылила воск в воду, и там образовалась лягушка.

Я это видел сам. Клаша говорит: «Точно, это когда Андрей кинул на меня лягушку, я сильно испугалась». Мы этой бабушке стали платить, она ни в какую, мне, говорит, ничего не надо. Сколько мне осталось жить-то. А вам надо, говорит, прийти ещё через две недели, повторить.

Через две недели Клаша с Груней пришли к ней, она ещё пошептала, отлила воск и сказала: «Вот теперь всё пройдёт, будешь здорова и меня вспоминать».

Клаша подарила ей хороший тёплый платок. И, правда, больше с ней это не повторилось до последних дней. Правда, другие болезни мучили.

А в 1939 году, 26 декабря, у нас родился сын Гена. Я в то время был на заготовке «лыжболванки». Уже шли военные заказы. В 15 км от Белого Яра находилось поселение Пизига.

Все старые населённые пункты имеют древнее происхождение, поэтому у некоторых из них такие странные названия.

Мой отец Роман пришёл к нам на работу, а это от Ёлтырево примерно 60–70 км, и говорит: «Ну, Василий, у тебя родился сын».

Я доработал до вечера, отпросился у начальника, и пошёл домой, т. е. в Ёлтырево.

Гена был такой ревун, всю ночь плачет, я хотел помочь Клаше, поводить с ним, чтобы она хоть немного поспала, но она так и не смогла уснуть. Он плачет, я его качаю, и все не спим. А утром мне надо снова за 60–70 км идти на работу, дисциплина была почти военная. Дошёл за день.

Через неделю я снова пошёл домой, тут Гена стал уже меньше плакать. Меня перевели работать в Ёлтыревский лесозаготовительный участок. Вроде бы жизнь наладилась.

А в 1941 году, 2 мая, родился у нас второй сын. Мама пошла его записывать в сельский совет, был Егорьев день, так и записали – Георгий.

А через месяц и три недели началась война. Нас сразу перевели на паёк, стали хлеб выдавать по карточкам, только рабочим. Я в это время тесал «ружболванку» – заготовки для прикладов автоматов и винтовок с Аксёновым Василием. Ели колбу, саранки, слава Богу, было молоко, а хлеб – по 500 грамм – оставляли дома для детей. По вечерам ловили рыбу, рыбы было много, вода поднялась небывало большая в 1941 году.

Пришла повестка. Меня стали призывать в Армию. Гребеньшиков, наш начальник, съездил в военкомат, нас отстоял. Так меня, как работника с двумя детьми, отстаивали три раза, но война продолжалась, и в 1942 году 12 октября меня зачислили. Нас отправили на лошадях в Колпашево на сборный пункт, где мы пробыли 10 или 12 дней. Клаша была со мной, а мама пришла

пешком – 42 км, повидалась, дала земельки в мешочке, перекрестила меня, заплакала и пошла домой.

Бедная мама. Я эти её слезы видел перед каждым боем и ощупывал землю в кармашке. Потом земля после какого-то ранения (а их было три, и две контузии) потерялась, но, видимо, Бог и мамыны молитвы меня сберегли.

А Клаша проводила меня. Отошёл пароход от Колпашева, гудел, гудел, заглушая рёв и плач людей. Провожали в основном женщины и дети. Все бежали до поворота, махали платками. Я видел только Клашин платок. Капитан просил нас перейти на другой борт, но куда там... Колёсный пароход увозил нас в Томск, а там – на войну. Рвались судьбы, семьи, жизни. У мужчин слёзы на глазах. Мне всего 26 лет, по теперешним временам – какой я ещё мужчина...

Григорий Потанин

ПИСЬМА

Публикация и комментарии Николая Серебренникова

Из переписки отцов-основателей областничества Григория Николаевича Потанина (1835–1820) и Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894), а также – открытое письмо писателей Николаю II.

Зачёркнутое дано в квадратных скобках, редакторское уточнение – в угловых.

Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

<26–27 августа 1873. Никольск>

26 августа. Я получил известие из Нижнего, что кроме Шелгунова редактору написал очень лестное письмо Демерт и обещался сотрудничать¹. Он писал также, что в петербургских литературных кружках на нашу газету смотрят хорошо. Сейчас только прочёл «Провинциальную прессу»². Это лучшая вещь, какая только была напечатана в «Камско-Волжской газете».

27 августа. Томск Кастрен называет «schimmernde Paris Sibiriens», блестящий сибирский Париж³. В течение масляницы в дер. Молчановой, между Нарымом и Томском, во время пребывания Кастрена выпито водки на 1800 рублей. По этому можно, говорит Кастрен, об пьянстве в Сибири заключать. Порок так всеобщ, что с ним не связывается никакого стыда (infansie). «Мы все грешники», скажет сибиряк, если кто заговорит с ним о трезвости. Даже молодые девушки участвуют в пиршествах, только пьющие в будни не находят жениха, если впрочем богатство её не вознаграждает этот порок. Уже это показывает, как ошибочно мнение, приписывающее сибирякам лучшие нравы и высшее образование, чем [природным] русским. Правда, что мужик в Сибири бреется, курит трубку, охотно одевается в кафтан, хорошо говорит, мало верит в духов и в предрассудки, презирает всякое религиозное сектантство, и пр. Зато русский отличается благородным чувством, чистым и открытым характером и гораздо большей проникательностью. В России не редкость, что

¹ По делу о сибирском сепаратизме сосланные на Русский Север Потанин (в Никольск Вологодской губ.) и Ядринцев (в Шенкурск Архангельской) превратили в орган поволжско-сибирских областников «Камско-Волжскую газету» (Казань; редакторы Н. Я. Агафонов и К. В. Лаврский). Корреспондентом Потанина в Нижнем Новгороде был историк А. С. Гацкий. Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891), Демерт Николай Александрович (1835–1876) – публицисты-народники.

² Статья Ядринцева.

³ Кастрен Матиас Александр (в обиходе Александр Христианович; 1813–1852) – исследователь финно-угорских и самодийских языков. Томскую губернию посетил в 1845–1846 гг., Иркутск – в 1848-м. Потанин цитирует т. 2 (Отчёт о поездке и письма 1845–1849 гг. СПб., 1856) 12-томника «Северных путешествий и исследований» Кастрена, изданных на немецком языке.

крестьянин читает и пишет, в Сибири встречаются даже купцы, которые едва своё имя подписывают. Ради своего превосходства в знаниях и ссыльные в Сибири пользуются известным уважением благодаря так называемому *мастерству*, и они считают себя породой высшей, чем туземцы. Что сибиряка в высшей степени от русского отличает – это слабость первого к роскоши и раздольной жизни. Не любит он, как русский, свой капитал скоплять, но, говоря пословицей, *er richtet gern den Mund nach dem Speisesack*, т. е. охотно обращает свой рот туда, где лежит мешок с съестными припасами. Сибиряк известен за своё искусство (*talent*) жить выше своих средств. В городах часто блестящий экипаж составляет всё его движимое и недвижимое имущество, а в деревнях по народной местной поговорке всё достояние сибиряка состоит «в самоваре» (стр. 158, *Reiseberichte und Briefe von Castren*). Насколько я познакомился до сих пор с Иркутском, это без всякого сравнения самый красивый город Сибири. Собств<енно> высоких домов здесь нет, однако здания чисты, а во многих видны окна с зеркальными стёклами. Роскошь в платьях и экипажах доходит до невероятного (*granzt an das Unglaubliche*). Шампанское льётся по столам и стульям (*schaumt über Tisch und Bänke*). А преферанс играют каждый вечер во многих домах. Костюмы, моды, фасон – всё здесь *à la Petersburg*. Но, как повсюду в Сибири, и в Иркутске люди такого рода, что их справедливо следует отнести к особой расе, которую отличают холодная кровь, узкое сердце (*ein enges Herz*) и т. д. Поэтому соскучился я и в Иркутске и всей душой захотел выехать в бурятские улусы (стр. 399).

Радлов говорит про Кузнецк, что это самый скучнейший город, какой он когда-либо видел, и представляет сильнейший контраст с своим живописным положением⁴. В Бийске он также соскучился. Эта всеобщая жалоба на городскую скуку, на холодность жителей знаменательна: Кастрен если находил иногда удовольствие в сибирских городах, то встречая в них своих земляков: в Иркутске шведа барона Сильвергельма⁵, в Томске часовщика Нордквиста; из туземцев ему никто *engegen lachelt*, то есть не улыбался навстречу, не спешил помочь его работам, никто не интересовался его исследованиями, хоть они для области имели высокий интерес. Не встретил он ни одного местного патриота, который обрадовался бы его миссии, отнёсся бы к нему с чувством благодарности, встретил бы его с горячим сердцем. Судьба всякого путешественника по Сибири такова; туземцы представляют из себя объект наблюдения, их осматривают, повёртывают, наблюдают, меряют, судят, а они относятся ко всему этому, как, помните, тот наш Личарда (солдат), который на замечание, что про него напечатают в газетах, глупо улыбался, как улыбается человек, когда...⁶

Публикуется впервые. Подлинник: Томский обл. краеведческий музей (ТОКМ), оп. 14, № 2, л. 41–42 об.; конец письма утрачен.

⁴ Кастрен Матиас Александер (в обиходе Александр Христианович; 1813–1852) – исследователь финно-угорских и самодийских языков. Томскую губернию посетил в 1845–1846 гг., Иркутск – в 1848-м. Потанин цитирует т. 2 (Отчёт о поездке и письма 1845–1849 гг. СПб., 1856) 12-томника «Северных путешествий и исследований» Кастрена, изданных на немецком языке.

⁵ Сильвергельм Густав Адольф (в обиходе Густав Карлович; 1799–1864) – военный топограф.

⁶ Потанин вспоминает 1865–1868 гг. омского предварительного заключения.

Н. М. ЯДРИНЦЕВУ

<Первые числа сентября 1887. Томск>

Мих. Мих. Березовский⁷ выехал в Иркутск; я получил от него телеграмму; будет ждать меня в Иркутске.

Ваш тарантас П. И. Макушин⁸ предложил мне взять, и я согласился. В Иркутске как поступить с ним? Или продать, или хранить? в обоих случаях я заплачу за пользование; продать же вероятно возьмётся Ник. Ив. Витковский⁹.

На пароходе «Казанец», привезшем нас в Томск, ехало 9 семей переселенцев. Чувствуя, что интеллигентный человек должен войти в их положение, расспросить об их нуждах и даже помочь, я накануне приезда в Томск собрался с духом и подошёл к ним. Они ехали из Курской губернии в Бийский округ, где у них облюбовано место на р. Комарихе; в дороге уже четыре недели; питаются одними сухарями; надоело даже большим, а при них множество детей; одна женщина едет с 9 ребятами мал мала меньше; мужики совсем обессилели и, нанимаясь таскать дрова на пароход, падали под лёгкой ношей. Их товарищи ушли на Комариху ранее; эти же опоздали, потому что поздно получили разрешение поселиться в Томской губернии [от томского губернатора]. Всего на Комарихе поселяется 40 семей. Я предложил сначала в II классе, потом в I собрать пожертвования. И собралось 15 р. 40 к. В I классе ехал между прочим томский голова Королёв¹⁰; я обратился к нему, когда он сидел в рубке вдвоём по-видимому с своим прикащиком. Королёв сказал мне следующее: «Ведь для этого есть официальные лица. Я Вас не знаю, кто Вы такой. Бывают такие, что пожертвования собирают в свой карман». Я назвал свою фамилию, указал на начальника почтового управления в Томске¹¹, ехавшего с нами на одном пароходе, которому г. Королёв может вручить деньги, если он, не отказываясь от пожертвования, стесняется вверить его мне. «Я жертвую, когда мне самому придёт фантазия жертвовать», ответил г. Королёв и отделался от пожертвования, а его товарищ сказал: «Как они-с, так и мы»!

Публикуется впервые. Подлинник: ТОКМ, оп. 14, № 7, л. 44–45.

НИКОЛАЮ II

<Декабрь 1894. С.-Петербург>

На докладе министра юстиции о пересмотре судебных уставов Августейший родитель Ваш незадолго до своей кончины в собственноруч-

⁷ Березовский Михаил Михайлович (1849–1912) – орнитолог.

⁸ Макушин Пётр Иванович (1844–1926) – книготорговец.

⁹ Витковский Николай Иванович (1844–1892) – археолог.

¹⁰ Королёв Евграф Иванович (1823–1900) – купец; в 1876–1879, 1887–1890 гг. городской голова.

¹¹ Единственный начальник томской почты, о котором ничего неизвестно.

ной надписи выразил желание, «чтобы действительное правосудие царило в России».

В милостивом манифесте от 14 ноября мы, подданные Ваши, с упованием усмотрели, что В<аше> И<мператорское> В<еличество> «полагаете правосудие основой народного благоденствия».

В словах этих почерпаем мы смелость утруждать Ваше внимание своею всеподданнейшею просьбою.

Государь! В составе Ваших подданных есть целая профессия, стоящая вне правосудия; это профессия литературная. Мы, писатели, или совсем лишены возможности путём печати служить своему отечеству, как нам велит совесть и долг, или, вне законного обвинения и законной защиты, без следствия и суда, претерпеваем кары, доходящие даже до прекращения целых изданий. Простыми административными распоряжениями из круга печатного обсуждения изъеются вопросы нашей общественной жизни, наиболее нуждающиеся в правильном и всестороннем освещении. Простыми административными распоряжениями изъеются из публичных библиотек и кабинетов книги, вообще цензурой не запрещённые.

Весь образованный мир уже признаёт великое значение русской литературы. Благоволите же, Государь, принять её под сень закона, дабы от него лишь зависимое и им же ограждённое от непосредственного действия цензуры, светской и духовной, русское печатное слово могло в меру своих сил послужить славе, влиянию и благоденствию России.

Публиковалось как коллективное письмо 114 литераторов (Константин Арсеньев, Константин Бальмонт, Владимир Вернадский, Николай Лесков, Дмитрий Мамин-Сибиряк, Константин Станюкович, Антон Чехов и др.). Дабы не установили зачинщика, подписавших перечислили по алфавиту, но обнаруженный автограф, черновик (Научная библиотека Томского гос. университета. Фонд Г. Н. Потанина. № 83. Л. 4194–4195) и беловик (Л. 4196–4196 об.) указывает на несомненное авторство Потанина. Известный вариант отличается от здесь публикуемого уточнением цитаты, минимальной и необязательной стилистической правкой и приведением открытого письма к форме всеподданнейшего прошения.

АВТОРЫ НОМЕРА

Владимир Демьянович ВАСИЛИНЕНКО

Родился в 1942 году в г. Иркутске. Окончил Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР в Москве, работал режиссёром на Дальневосточной студии кинохроники в Хабаровске, на студии телевидения в Нижнем Новгороде. Снял по своим сценариям более семьдесят фильмов. Член Союза кинематографистов России, лауреат и призёр Всесоюзных, Всероссийских и международных кинофестивалей. Лауреат Национальной премии за сериал об амурском тигре.

Автор многочисленных повестей, пьес и сборника стихотворений «Высокий день».

Член Союза писателей России.

Живёт в Хабаровске.

Лира ГЕРКЛОТЦ

Родилась 7 ноября 1994 года в городе Бийске Алтайского края. Прозу начала писать в школьном возрасте. В 2019 году окончила ТГУ по специальности «Литературное творчество». Производственную практику проходила в «Доме писателей» в Петропавловске-Камчатском. Сейчас преподаёт русский язык как иностранный на историческом факультете ТГУ.

Увлекалась фотографией, обучалась операторскому искусству. Окончила музыкальную школу по специальности «хор». Любит путешествовать.

Александр Николаевич ЕГОРОВ

Родился 14 апреля 1937 года в с. Ужур Красноярского края. Окончил Богашёвскую школу, затем Томский государственный университет. По профессии юрист. Работал заместителем директора Томского завода измерительной аппаратуры, занимался наукой. Является автором четырёх книг о правовых проблемах малого бизнеса. Удостоен звания «Почётный работник промышленности средств связи СССР» и других наград.

Избран действительным членом Российской муниципальной академии. Занимается общественной работой в качестве члена Совета общественных инициатив при Законодательной думе Томской области.

Антон КАРЯКИН Антип КОЗЬМИН (Александр Петрович КАЗАРКИН)

Родился 27 ноября 1941 года в деревне Древянка Новосибирской области. Окончил историко-филологический факультет Томского государ-

ственного университета, доктор филологических наук, профессор.

Автор многих литературоведческих книг. Автор учебника «Сибиреведение» и краеведческой книги «Предания старого тракта».

Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. А. Клюева.

Член Союза писателей России. Живёт в Томске.

Полина КОРИЦКАЯ

Родилась в Томске. Ученица А. И. Казанцева. Выпускница Литературного института им. А. М. Горького (семинары Ю. П. Кузнецова, Г. И. Седых).

Член СП Москвы. Победитель фестиваля молодой поэзии «Филатов-Фест» 2019.

Лауреат премии «Начало» Союза писателей Москвы 2019. Публикации в региональных и столичных изданиях.

В 2014 г. издана книга прозы «Самокрутки».

Владимир Михайлович КРЮКОВ

Родился в 1949 г. в селе Пудино на севере Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. Работал учителем в сельских школах, в школе колонии строгого режима, в газете Западно-Сибирского речного пароходства.

Автор нескольких сборников стихотворений и книг прозы, воспоминаний «Заметки о нашем времени».

Член Союза российских писателей.

Живёт в селе Тимирязевском под Томском.

Яков Семёнович МАРКОВИЧ

Родился в 1941 году в Баку. Служил три года в армии солдатом, плавал по Каспию радистом на буксировщике-спасателе. Окончил филологический факультет Московского университета, защитил кандидатскую диссертацию в Институте мировой литературы. Впервые стихи были опубликованы в 1961 году в армейской газете; стихи и статьи публиковались в «Новом мире», «Дружбе народов», «Литературной учёбе», «Подъёме», «Южной звезде», «Литературной России».

Лидия Николаевна ОВЕЧКИНА

Родилась в Томске. Потомственная томичка. Окончила биолого-почвенный факультет ТГУ, специальность – ботаник-систематик. Работала в разных местах, среди прочего – ходила коком на

теплоходах по Томи, работала бакенщиком. Пишет стихи более 20 лет.

Живёт в Томске.

**Михаил Михайлович
РОДИОНОВ**

Родился в 1994 году. В 2019 году окончил филологический факультет Томского университета по специальности «Литературное творчество».

Живёт в Москве. Работает выпускающим редактором в информационном агентстве «Интерфакс».

**Александр Геннадьевич
САЙБЕДИНОВ**

Родился в деревне Эушта Томской области. Окончил Томский государственный педагогический институт. С 1983 года работает в системе образования. Народный учитель РФ, лауреат премии Правительства РФ в сфере образования и науки, директор Федеральной инновационной площадки Минпросвещения РФ «Губернаторский Светленский лицей». Автор многочисленных педагогических монографий, методических пособий и статей.

Член творческого Союза художников России, работает в рамках художественного направления «субъективный реализм». Провёл ряд персональных выставок в центральных выставочных залах Москвы.

Автор поэтических сборников «Оглянись вперёд», «...Наедине», «Шаги», «Смысловый словарь», «Смыслы», «Не тороплюсь я на раздачу истин». Автор и исполнитель песен, вошедших в музыкальные альбомы «Дождь» и «Смыслы».

**Мargarита Николаевна
СЕНЧИЛО**

Родилась в Томске в 1938 году в семье железнодорожных служащих. После школы выучилась на учителя. Работала в детских садах. После выхода на пенсию увлеклась живописью. Пишет картины маслом, участвует в городских выставках. Посещает литературные клубы в Северске и Томске. Сборники стихов: «Под шелест золотого листопада», «В дыму серебряных берёз», «У половодья талых слёз», «Среди берёз бегущая тропа».

Живёт в Северске.

**Елена Александровна
СИДОРЕНКО**

Родилась в 1963 году в Красноярске. Окончила биолого-почвенный факультет ТГУ, затем

Академию госслужбы. Работала помощником депутата, занималась общественной деятельностью по защите прав избирателей. В 2017 году получила третье высшее образование по специальности «педагог-психолог».

Работала в Кризисном центре для женщин и в центре «Семья». Сейчас вице-президент ТРОО «Женский голос», помогает женщинам и детям, пострадавшим от домашнего насилия, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Пишет стихи и прозу. Живёт в Томске.

**Георгий Васильевич
ТОРОЩИН**

Родился в 1941 году в селе Белояровка Верхнекетского района Томской области. Окончил Томский лесотехнический техникум. Вся трудовая жизнь связана с производственным объединением «Контур». Печатался в коллективных сборниках литературного объединения «Экспромт», издал книгу стихотворений «Скажу о жизни» и книгу стихотворных пародий. Постоянный автор журнала «Начало века».

Живёт в Томске.

**Сергей Викторович
ХАРЛАМОВ**

Родился в Кемерово в 1952 г. Окончил Томский государственный университет по специальности ихтиология. Работал в НИИ биологии, принимал участие в экспедициях на Гыданский полуостров, Таймыр, северо-восток Якутии. Увлекается путешествиями, побывал во многих уголках России и в 40 странах. Член Российского дворянского собрания. Потомок томских купцов Сапожниковых. Занимается генеалогией. Живёт в Томске.

**Сергей Константинович
ЯКОВЛЕВ**

Родился 11 сентября 1950 в селе Воронина Пашня Пышкино-Троицкого района Томской области в семье сельских учителей. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького, где в семинаре поэта Владимира Кострова на «отлично» защитил дипломную творческую работу. С 1991 член Союза писателей России.

Книги: «Краснопогодье» (1987), «Дикая роза шиповник» (1990), «Берестень» (1997), сборник пародий «С ума сойти!» (2008). Подборки его стихов публиковались в журналах и альманахах Томска, Москвы, Перми, Новосибирска.

Живёт в Томске.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

В. Крюков

Технический редактор

О. Карташов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо набранные на компьютере через полтора интервала (12-14 кегль), желательно с приложением набранного текста в любом формате на любом цифровом носителе.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

© Составление и оформление: «Начало века», 2019 г.

Формат 70X108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 29.11.2019 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1